

В. КОРСАКЪ

ШАБНЬ

ПАРИЖЪ

В. КОРСАКЪ

ПЛѢНЪ

*In proelio captus
Capi aut mori
Aufugere turpe.*

Isabel 1674.

(Надпись на стѣнѣ
въ башнѣ Венсенского
замка).

ПАРИЖЪ

1927

ПОСВЯЩАЮ МОЕЙ ЖЕНЫ.

ГЛАВА I.

Въ самомъ концѣ іюня 1914 года, я былъ призванъ изъ запаса на дѣйствительную службу.

На слѣдующій-же день послѣ полученія призывающаго листа, я явился къ воинскому начальнику.

Предстоявшая война казалась чѣмъ-то, вродѣ увеселительной прогулки, съ ночевками въ полѣ. Это даже было привлекательно послѣ продолжительной городской жизни. Все же остальное пряталось въ неизвѣстномъ будущемъ.

Мой полкъ — 171 пѣхотный Кобринскій — былъ сначала въ Восточной Пруссіи, оттуда онъ отступилъ на Нѣманъ, а съ Нѣмана вся наша 43 пѣх. дивизія была переведена на Варшавскій фронтъ.

На 30 октября 1914 года я былъ назначенъ дежурнымъ офицеромъ по полку.

— Особеннаго ничего нѣть, — замѣтилъ старый дежурный, сдавая мнѣ свои обязанности, — только внизу находятся подъ карауломъ шесть лицъ, подозрѣваемыхъ въ шпионажѣ.

Отправились туда. Въ полуподвальномъ этажѣ большого помѣщичьяго дома сидѣло подъ карауломъ шесть человѣкъ — четверо мужчинъ и двѣ женщины.

Большинство арестованныхъ походило на зажиточныхъ нѣмцевъ - колонистовъ. Они, молча, въ разныхъ позахъ, си-

дѣли на табуретахъ вдоль стѣны. Только одинъ изъ нихъ, нѣ высокій, коренастый человѣкъ, съ окладистой бородой, ходилъ по комнатѣ, изрѣдка останавливаясь и смотря на небольшое окошечко вверху. Черезъ пыльные стекла ничего не было видно, за исключеніемъ ногъ наружнаго часового. Услышавъ наши шаги, ходившій остановился и взглянулъ на насть. Въ его свѣтлыхъ, странныхъ глазахъ блеснула надежда, потомъ страхъ; онъ что то хотѣлъ сказать, пошевелилъ губами; затѣмъ снова голова пала на грудь, и онъ опять зашагалъ.

Женщины, низко спустивъ на лица платки, беззвучно плакали.

Въ сторонкѣ отъ этой группы сидѣлъ шестой арестованній. Это былъ глубокій старикъ. На немъ были холщевые штаны и рваный армякъ; черезъ плечо висѣла сума; изъ ея распоровшагося угла выглядывалъ конецъ краснаго платка. Старикъ сидѣлъ, опираясь на липовую палочку.

Босой, безъ шапки, съ длинными вьющимися волосами и ясными, ласковыми глазами, арестованный скорѣе напоминалъ блаженнаго.

Я засмотрѣлся на старика.

— Залюбовались на дѣда, понравился? — окликнулъ меня старый дежурный, молодой и веселый поручикъ, — а на самомъ дѣлѣ онъ скверный человѣкъ. Все время, когда мы окопы рыли, вертѣлся около насть. Я приказывалъ солдатамъ и впередъ и назадъ его отводить — не помогало. Исчезнетъ на день, на два — глядишь, снова появился. Начиешь говорить — ни бѣ, ни мѣ, ни по-польски, ни по-русски. Наконецъ, на сосѣднемъ участкѣ арестовали; документовъ, конечно, никакихъ; плететь что-то несуразное — «германъ, австріакъ», и все. Чортъ его знаетъ, что за человѣкъ.

Дѣль ласково смотрѣлъ на насть, и невозможно было решить, былъ-ли это блаженный или искусный плутъ.

— А кто остальные? — спросилъ я, когда мы вышли изъ комнаты заключенныхъ.

— Тоже вопросъ: жители одной деревни, поляки, донесли, что такие-то и такие-то колонисты нѣмцы занимаются

шционажемъ. Колонистовъ арестовали. Теперь колонисты утверждаютъ, что поляки обвинили ихъ по злобѣ и подбросили карту, которую нашли у бородатаго; эта карта, какъ будто, была раньше на стѣнѣ въ школѣ.

Я принялъ дежурство.

День прошелъ спокойно, но ночью стало известно, что нашъ полкъ выступаетъ на позиціи. Съ разсвѣтомъ поднялась суматоха, поскакали ординарцы, начали выводить роты и подводить ихъ поближе къ штабу.

Вывели арестованныхъ.

Ихъ родственники, такие же на видъ колонисты, уже поджидали появленія заключенныхъ во дворѣ.

Женщина въ темномъ платкѣ рыдала на груди коренастого мужчины, ея мужа; онъ, молча, гладилъ ее по головѣ. Остальные тихо переговаривались между собой, изрѣдка смахивая набѣгавшія слезы. Только одинъ блаженный ласково смотрѣлъ на окружающее, не чувствуя полузамерзшей земли подъ босыми ногами, и улыбался по-прежнему. На эту группу озабоченно смотрѣлъ полковникъ. Штабъ дивизіи, куда слѣдовало направить арестованныхъ, за ночь перебрался на новое мѣсто, но мѣста своей стоянки еще не указалъ. А полкъ долженъ былъ выступить на позиціи.

Чувствуя, что мнѣ, какъ дежурному, придется взять въ свои руки дальнѣйшую судьбу арестованныхъ, я, чтобы уклониться отъ этого, подошелъ къ полковнику и попросилъ разрѣшенія сдать дежурство раньше времени и отправиться вмѣсть съ ротой. Онъ разрѣшилъ.

Черезъ часъ - полтора полкъ двинулся въ дорогу. Пройдя съ полчаса, онъ остановился на переутьѣ, у стараго креста. Здѣсь вынули карты, и каждому батальону былъ указанъ его участокъ. Нашъ батальонъ шелъ нѣкоторое время по широкой проѣзжей дорогѣ, между высокими, полуоблетѣвшими липами, а потомъ свернуль въ поле налево. Изъ сомкнутаго строя батальонъ перешелъ въ по-ротный; затѣмъ каждая рота брала свое направленіе и исчезала среди полей, перелѣсковъ и встрѣчныхъ деревушекъ. Участокъ нашей роты былъ

расположенъ на молодомъ, зеленѣвшемъ полѣ ржи, между фольваркомъ, съ одной стороны, и громадной кучей камней, — съ другой.

Сзади была равнина чуть покатая на насы, прямо впереди виднѣлась небольшая деревня, полуоткрытая березовой рощицей. Деревня называлась — Блоне, фольваркъ — Александровъ. Было это, приблизительно, на полѣ-пути между Варшавой и Калишемъ.

Справа нашимъ сосѣдомъ оказалась V рота 172 полка. Она пришла на свое мѣсто на два часа раньше насы и успѣла уже вырыть хорошіе окопы съ блиндажами.

Слѣва, у самаго имѣнія, расположилась наша VI рота. Батальонный занять, какъ говорили, помѣщичій домъ.

Первымъ дѣломъ нашимъ, по прибытіи на мѣсто, было вырыть окопы. Къ сожалѣнію, лопать было очень мало — большинство ихъ было брошено во время отступленія изъ Восточной Пруссіи; земля была твердая, и наши окопчики вышли и мелкими и тѣсными.

Солдаты сейчасъ-же натаскали въ нихъ соломы изъ сѣдняго скирда. Подъ вечеръ завязалась гдѣ тѣ перестрѣлка. Стрѣляли долго, неторопливо, видимо, безъ всякой цѣли.

Ночь прошла спокойно. Было холодно, я пошелъ къ скирду, сдѣлалъ въ немъ берложку и продремалъ въ ней до самаго утра; въ соломѣ было много мышей: онѣ забирались подъ шинель, бѣгали по лицу, а одна залѣзла даже въ карманъ. Ночью нѣсколько разъ навѣстилъ ротнаго командира. Наканунѣ выступленія онъ сѣлъ нѣсколько, очевидно, плохихъ сардинокъ, и его болѣе сутокъ мучили ужасныя боли въ животѣ и поносы. Это очень истощило его, и рано утромъ онъ пошелъ на фольваркъ выпить чего нибудь теплаго.

Но отправиться въ госпиталь онъ отказался. На слова Арцышевича, первого полуротнаго, и на мои, капитанъ Гурчинъ махалъ рукой и говорилъ: — потомъ!.. А самъ былъ зеленый и шатался отъ слабости.

Въ этотъ день дѣло ограничилось перестрѣлкой наппей и нѣмецкой артиллеріи. Сибирскій тяжелый дивизіонъ началъ

первый. Грузно ахнула мортира, загудѣль, взвиваясь кверху, снарядъ, потомъ замолкъ; черезъ нѣсколько секундъ донесся мягкой, заглушенный разстояніемъ, разрывъ.

Нѣмцы въ долгу не остались. Въ воздухѣ загремѣло и зазвенѣло, словно по исполинской залѣ ходилъ великанъ и биль несчетное множество стеклянной посуды. Грохотъ разрывовъ заставлялъ людей прижиматься къ землѣ, а птицъ беспокойно метаться. Пролетѣло нѣсколько стаекъ испуганныхъ куропатокъ, тревожно лопотали индюки на фольваркѣ, и звонко беспокоилась гдѣ то синичка.

Сверху на чистомъ прохладномъ небѣ сіяло солнце; потомъ его заволокло дымкой, и я совершенно не замѣтилъ, какъ оно сѣло.

Въ темнотѣ подѣхала кухня. Зазвенѣли осторожно котелки, и разнесся запахъ борща и ржаного хлѣба. Когда люди поужинали, я пошелъ навѣстить Арцышевича; по дорогѣ, не замѣтивъ, попалъ въ яму отъ снаряда и чуть не сломалъ себѣ руку.

Арцышевича я нашелъ въ его окопѣ: онъ былъ живъ и невредимъ. Съ разрѣшенія Гурчина, мы побѣжали на фольваркъ — намъ хотѣлось пить и ъсть. Помѣщичій домъ казался совсѣмъ пустымъ. Только въ одномъ изъ окошекъ мелькалъ слабый синеватый огонекъ. Мы направились къ нему; тамъ были наши деньщики, жарившіе въ кухнѣ гуся. Они разостлали на столѣ газету, положили ножи, вилки и гуся, шипѣвшаго на большой сковородѣ. Мы ъли торопливо, часто давились и прислушивались, что дѣлается спаружи. Послѣ гуся появился чай; я съ большимъ удовольствіемъ выпилъ нѣсколько стакановъ: мы уже два дня, какъ почти ничего не ъли и не пили.

На обратномъ пути, проходя черезъ длинную залу, я увидѣль даму, сидѣвшую на диванѣ. Передъ ней горѣла свѣтка, лежала книга. На креслѣ, около дивана сидѣль мужчина, по виду управляющій имѣніемъ, и уговаривалъ даму, пока еще не поздно, отправиться въ тылъ. Услышавъ наши шаги, женщина подняла голову; у нея были заплаканные глаза и дрожали губы.

Мы съ Арцышевичемъ вышли на крыльцо. Ночь была, какъ чернила; быстрымъ шагомъ мы направились къ нашей ротѣ.

Послѣ короткихъ промежутковъ тишины, ночная темнота наполнялась трескомъ, похожимъ на щелканіе бича; часто небольшой свѣтъ вспыхивалъ надъ головой голубоватой искрой, иногда, взблеснувъ, огненная полоска зарывалась въ землю.

Это стрѣляли нѣмцы не то разрывными, пе то свѣтящими-сѧ пулями. Пули сильно щелкали и заставляли невольно вздрагивать.

Впереди кто-то зажегъ болѣшой скирдѣ. Солома ярко горѣла, и въ освѣщенномъ кругу виднѣлись чьи-то черныя, копошившіяся фигуры. Гдѣ-то поблизости бушевалъ нашъ пулеметъ; нѣсколько подальше ему отзывался нѣмецкій.

Въ темной дали иногда показывались тусклые огоньки; они медленно передвигались, исчезали и снова появлялись. Это бродили нѣмцы съ электрическими фонариками; они не заботились, видѣть ихъ кто-нибудь или нѣтъ.

Несмотря на напряженное состояніе, мои два взвода прекрасно спали въ окопахъ; они звонко хранили и не обращали вниманія на перестрѣлку и присутствіе нѣмцевъ. Я со взводнымъ командиромъ пробовали будить спящихъ: мы ихъ трясли, ругали, поднимали за плечи и сажали обалдѣвшихъ спросонокъ людей. Но все это было напрасно. Качнувшись нѣсколько разъ изъ стороны въ сторону, посаженные тѣла снова падали на солому. Сначала одинъ начиналъ пѣть носомъ, къ нему присоединялся другой, и вскорѣ могучій храпъ покрывалъ перестрѣлку, пулеметы и далекіе крики ура.

Таково было дѣйствіе усталости и хорошаго ужина. Нашей ротѣ было приказано оставаться на мѣстѣ и въ перестрѣлку не вмѣшиваться.

Ночью Гурчинъ нѣсколько разъ самъ обошелъ окопы. Его по-прежнему мучили боли въ животѣ, и онъ иногда со стономъ опускался на землю. Онъ ходилъ, не обращая вниманія на опасность, и его спокойствіе передавалось другимъ.

Небо было черное. Съ фольварка доносилось неспокойное

мычаніе коровъ, а гдѣ то вблизи отчаянно замяукалъ котенокъ. Я пошелъ искать его. На мой зовъ изъ травы прикатился маленький, пушистый комокъ, быстро поднялся по шинели до самаго лица, ткнулся холоднымъ носикомъ въ щеку, пискнулъ на ухо, какъ будто на что-то жалуясь, и сейчасъ же замурлыкалъ весело. Я засунулъ его подъ шинель, на грудь, и быстро побежжалъ къ фольварку; тамъ нашупалъ дверь, открылъ и бросилъ въ темноту котенка.

Подъ утро я пошелъ навѣстить Гурчина. У него было окопъ побольше, съ массой соломы. Ее натапили любившіе своего командира солдаты. Гурчину было лучше. Я легъ рядомъ съ нимъ и мы заговорили. Выставивъ головы изъ соломы. Поговорили обо всемъ: оочныхъ событияхъ, о грядущемъ днѣ, о томъ, какъ хрюпать наши солдаты. Потомъ разговоръ сразу оборвался. Я подумалъ, что Гурчинъ уже спитъ, когда онъ вдругъ сказалъ измѣнившимся голосомъ:

— Какъ то очень не хорошо. Должно быть, скоро буду убитъ.

Я не нашелся, что сказать ему, и вглядывался въ ночь; ничего, кроме мрака, не было.

Въ теплѣ я незамѣтно заснулъ. Спалъ я крѣпко и хорошо, какъ рѣдко когда. Снились прохладные источники, слышалась отдаленная музыка, растягивались луга, и на нихъ съ цветкомъ на цветочкѣ перелетали большія, сверкающія бабочки, иногда слышалась музыка — тихая и грустная, какъ прошедшая молодость.

Потомъ вдругъ проснулся. Было еще рано, и висѣлъ туманъ. Кто-то спрашивалъ:

— Гдѣ ротный командиръ?

Гурчинъ откликнулся. Къ краю окопа подошла сѣрая солдатская фигура: принесли телефонограмму отъ батальоннаго командира.

При свѣтѣ электрическаго фонарика, Гурчинъ прочиталъ ее вслухъ.

Въ ней сообщалось, что приказа объ отступленіи не будетъ; поэтому, приказывалось держаться до послѣдняго и,

кромѣ того, въ 8 часовъ утра атаковать и занять деревню Блоне.

Гурчинъ поднялся.

— Схожу въсосѣднюю роту, спрошу, что имъ приказа-но. Неужели, намъ однімъ наступать? Во всякомъ случаѣ, въ 8 часовъ надо начинать.

Онъ вылѣзъ изъ окопа, отряхнулъ солому и зѣвнуль.

— А я разоспался, забылъ, что война. Оставайтесь тутъ до моего возвращенія и ничего не дѣлайте безъ моего при-казанія.

Съ этими словами онъ исчезъ въ туманѣ.

Въ восемь часовъ рота повела наступленіе. Къ этому времени туманъ разогнало, и немцы видѣли, какъ ста-ли прыгать изъ окоповъ наши солдаты. Немцы сейчасъ же открыли пулеметный и ружейный огонь.

Звенящая, невидимая волна разостлалась надъ самой зем-лей; злая, неудержимо - быстрая она сбивала былинки, бороз-дила землю, зарывалась въ желтую насыпь окоповъ.

Много людей, задѣтыхъ этимъ неотвратимымъ потокомъ, падали тутъ же, на насыпь. Кто могъ — ползъ обратно, а другое, упавши, больше уже не поднимались.

Упавшие не обращали вниманія на павшихъ.

Мелко и часто крестясь, каждый ждалъ своей очереди. Метнувшись изъ окопа и пробѣжавъ 30-40 шаговъ, люди па-дали, потомъ вставали, бѣжали и снова падали. Чѣмъ дальше продвигалась цѣпь, тѣмъ больше оставалось на землѣ лежав-шихъ и уже не шевелившихся шинелей.

Стальная воющая волна становилась все безпощаднѣе. Грудь, животъ не чувствовались. Вся жизнь перешла въ гла-за. Не пройдя половины пути, рота повернула обратно. Стало еще хуже. Прикрывая отступленіе, наша батарея выпустила лишь двѣ шрапнели; онѣ зло просвистѣли надъ головами и разорвалась въ полѣ, у мельницы. Это была вся артиллерий-ская поддержка. Когда мы были уже недалеко отъ окоповъ, кто-то закричалъ:

— Ротный командиръ убить!..

Я вглядывался въ лежавшія на зеленої ржи тѣла, но ротнаго командира найти не могъ.

Вернулись.

Около половины людей уже не было.

А день только что начинался.

Черезъ нѣсколько минутъ журчащій звукъ послышался сверху; потомъ секунда молчанія. Я выглянулъ посмотретьъ, въ чёмъ дѣло. Черезъ мгновеніе донесся страшный взрывъ въ два такта. Тяжелый снарядъ попалъ въ скотный сарай. Крыша, балки, стропила — все полетѣло кверху... Еще такой же снарядъ, въ то же мѣсто.

Взлетѣла снопомъ земля, и высоко въ воздухѣ мелькнуло небольшое животное, должно быть, баранъ. Сарай загорѣлся. Испугано мычали коровы, жалобно блеяли овцы. Густой дымъ заволокъ строенія.

Послѣ фольварка наступила наша очередь. Земля дрожала. Гранаты поднимали столбы песку и камней, вверху рвались шрапнели, по низу стались ружейныя пули.

Потомъ все сразу смолкло, вдали показались нѣмецкія цѣпи, шедшія на насъ въ аттаку.

Мы стали отстрѣливаться. Арцышевичъ, принявший команду, бѣгаль вдоль окоповъ, отдавая приказанія. Нѣмцы залегли снова. Ихъ пулеметъ мѣрно заработалъ. Опять появились гранаты, шрапнель.

Потомъ снова передышка, снова цѣпи, снова мы отстрѣливаемся. Сколько таکъ прошло времени, я не могу сказать. Выглянувъ въ одну изъ минутъ, когда нѣмцы особенно усердно барабанили по нашимъ окопамъ, я увидѣлъ, что 172 полкъ, бывшій у насъ справа, отступаетъ. Солдаты бросали окопы и быстро бѣжали къ деревнѣ, стоявшей сзади у лѣса.

Я посмотрѣлъ на часы — было около одиннадцати.

Бросивъ насъ, нѣмцы перенесли огонь на отступавшихъ. И много полегло на полѣ сѣрыхъ комковъ прежде, чѣмъ имъ удалось скрыться въ лѣсу, за деревней. Иногда, среди кучки бѣжавшихъ появлялся длинный черный столбъ. И, когда дымъ разсѣивался, отъ людей не оставалось и слѣда.

Но что-жъ было дѣлать намъ?

Оставаться, бѣжать?

Я посмотрѣлъ на то мѣсто, гдѣ должна была находиться наша VI рота, но тамъ уже никого не было. Такимъ образомъ, мы были открыты и справа и слѣва.

Вспомнился приказъ — держаться до конца, отступленія не будетъ. Солдаты вопросительно смотрѣли на меня. Лично я рѣшилъ остататься. Но, кто хотѣлъ бѣжать, тотъ могъ. Этимъ разрѣшеніемъ воспользовалось нѣсколько человѣкъ. Они выскочили изъ окопа и, низенько пригибаясь, быстро побѣжали назадъ.

Мы остались сиротами въ полѣ. Бросивъ отступавшихъ, нѣмцы обрушились на насъ.

Земля закипѣла. Невозможно было высунуть голову изъ окопа. Арцышевичъ, сдѣлавшись лилово - сѣрымъ, съ глазами, ушедшими глубоко внутрь, бѣгалъ по окопамъ, заставляя солдатъ стрѣлять. Съ каждой минутой становилось меньше людей; съ каждой минутой оставалось меньше винтовокъ. Пули и осколки снарядовъ попадали въ затворы, разбивали ложа, сгибали штыки, поражая иногда сразу и человѣка и оружие. Патроны быстро убывали. Отъ частаго куренія хотѣлось пить. Губы ссохлись. Говорить приходилось, громко крича на ухо, — постоянные разрывы сдѣлали насъ глухими.

Ко мнѣ обратился молодой, славный солдатикъ:

— Одолжите папиросочку, въ послѣдній разъ передъ смертью покурить...

Послѣ небольшой передышки, нѣмцы, собравшись съ силами, снова ударили по насъ. Они били на этотъ разъ не только по окопамъ, но и въ тылъ, чтобы помѣшать подойти резервамъ.

Среди общаго гула я вдругъ уловилъ одно приближающееся журчаніе; не было сомнѣнія, — это былъ самый близкій изъ всѣхъ снарядовъ. Сидѣвшій рядомъ со мной унтеръ-офицеръ закрылъ глаза. Закрылъ глаза и я. Прошелъ моментъ жуткаго ожиданія. Приближившійся звукъ сразу оборвался.

Что то мягко колыхнулось. Съ откоса окопа посыпался песокъ. Воздушная волна, тяжелая какъ бревно, сильно ударила по тѣлу, а особенно по головѣ. Съ неодолимой силой меня прижало книзу, швырнуло въ одну, потомъ въ другую сторону. Несказанная тяжесть навалилась на грудь. Воздухъ сталъ тверже чугуна. Нельзя было вздохнуть. Поплыли волны; на нихъ поплавкомъ заколыхалось тѣло, сдѣлавшееся невѣсомыемъ. Въ головѣ вспыхнули образы; они завертѣлись такъ быстро, что не было возможности ихъ разглядѣть. Потомъ все сплющилось и превратилось въ широкій лучъ свѣта; суживаясь, онъ помчался куда то съ невѣроятной быстротой и закончился ярко сверкнувшей точкой. Она освѣтила всю жизнь. Поднялась высокая гора. Зазвенѣли колокола. Все исчезло.

Сколько я пробылъ въ безсознательномъ состояніи — не знаю. Когда я пришелъ въ себя, по тѣлу бѣгали мурашки, лѣвая половина лица была, словно чужая, во рту ощущался непріятный вкусъ, а голова была слабая, больная и совсѣмъ пустая.

Унтеръ - офицеръ, находившійся рядомъ со мной, сидѣлъ въ прежней позѣ; изъ угловъ рта, изъ носа текли тоненькая струйки крови. Я тронулъ его за руку, онъ качнулся и упалъ лицомъ на землю, выпустивъ винтовку.

Оказалось, что снарядъ упалъ въ двухъ шагахъ впереди окопа и зарылся, не разорвавшись. Насъ задѣло только воздушной волной.

Нѣмцы обстрѣливали насъ по-прежнему. Невдалекѣ сошель съ ума солдатъ. Сначала онъ кричалъ дикимъ звѣринымъ голосомъ, а потомъ выскочилъ и побѣжалъ въ сторону пѣмпцевъ. Въ ту же минуту онъ былъ убитъ.

Справа кричали:

— Патроновъ нѣть, дай патроновъ!..

Все отчаянное мужество, которое проявляль Арцышевичъ, было ни къ чему. Нѣмецкія щѣпи подходили ближе и ближе; въ промежуткахъ между ними тащили пулеметы. Смертная тоска сжала сердце. Но даже и въ эти тяжелые моменты соб-

ственная жизнь была все-таки прекрасной, а чужая — священной.

Для решения споровъ человѣчество обязано было найти другой выходъ. А нѣмцы были совсѣмъ близко. Насъ они уже больше не боялись. Поднимаясь, они шли въ ногу, ложились и снова вставали. Каски у нихъ были въ полотняныхъ чехлахъ, одѣты они были въ черныя шинели.

Я посмотрѣлъ на часы. Было около четырехъ.

Вдругъ озарила мысль — вѣдь, можно покончить съ собой. Мне стало радостно и свѣтло; я только не понималъ, какъ это мнѣ раньше не пришло въ голову. Такая смерть была бы только желанной. Я вынулъ револьверъ и поднесъ его къ головѣ. Почувствовавъ себя господиномъ собственной жизни, я рѣшилъ прожить еще десять секундъ; снѣ медленно упывали въ невозвратное и совсѣмъ близко нащупывалось самое дно жизни. Вдругъ, на седьмой или на восьмой секундѣ, время словно запнулось и стало. Я позабылъ счетъ, прислушался. Стрѣльба прекратилась, наступила страшная тишина, я слышалъ, какъ бьется мое сердце...

Раздалось ура — одно жидкое, слабое, другое твердое, убѣренное.

Новые мысли хлынули въ сознаніе. Я выбѣжалъ изъ окопа съ револьверомъ въ рукахъ. Невдалекѣ, схвативъ другъ друга за горло, русскій и нѣмецъ переступали то взадъ, то впередъ, точно въ танцѣ, перебирая ногами. Оба уже задыхались и хрюкли, широко открывъ рты.

Подъ пальцами у каждого хрустѣло и трещало, словно рвали матерію. Нѣмецъ былъ уже совсѣмъ сизымъ, а у русскаго выпѣзъ на-сторону одинъ глазъ. Потомъ оба тяжело рухнули на землю. Хрипъ и хрусть стали еще слышнѣе. Нѣмецъ дернулся ногами, согнулся въ дугу, какъ въ припадкѣ падучей. Кто то изъ нихъ коротко всхлипнулъ.

Я понесся дальше. Около одного куста стоялъ нѣмецкій пулемѣтъ: лицомъ къ землѣ лежалъ убитый нѣмецъ, сбоку валялась каска. Я запнулся о пулеметную ленту и упалъ. Какъ молния, выскочили откуда-то нѣмцы и бросились на меня. Про-

изошла безобразная сцена. У обѣихъ сторонъ дѣйствовалъ только законъ самосохраненія...

Обезоруженный, я сидѣлъ на землѣ, поджимая ушибленную въ свалкѣ руку.

Тяжелый прикладъ запесся надъ моей головой.

— Er ist Offizier!.. — закричалъ кто то изъ нѣмцевъ. Бросившись ко мнѣ, онъ сорвалъ сѣрый погонъ, подъ которымъ блеснула золотой.

Другой нѣмецъ сорвалъ второй погонъ. Остальные стали срывать золоченые пуговицы на шинели, забрали кокарду съ фуражки.

— Zum Andenken, — говорили они.

Распахнувши шинель, они оставили черныя пуговицы на кителѣ, но сняли съ него погоны. Сняли ремни отъ снаряженія, залѣзли въ карманы, осмотрѣли бумажникъ, кошелекъ; денегъ со мной не было, только въ кошелькѣ звенѣло нѣсколько мелочи; этого они не тронули.

Незамѣтно, какъ опытные воры, они вытащили изъ бокового кармана серебряный портсигаръ съ золотой монограммой — подарокъ сослуживцевъ. Исчезъ и носовой платокъ.

Первый моментъ я ничего не понималъ. Все скользило по поверхности, какъ вода по камню. Повертываясь подъ привычными нѣмецкими лапами, я не думалъ ни о позорѣ сдачи, ни о славѣ быть взятымъ въ плѣнъ послѣднимъ. Но было что-то во внѣшней природѣ, что остановило мое вниманіе.

Этотъ лѣсокъ, это сѣрое небо, эти сумерки, черныя фигуры, выходившія отовсюду изъ перелѣсковъ, даже вотъ это чувство, заключенное въ границахъ моего тѣла, все это было мной уже видано и испытано. Но гдѣ и когда? Память сильно работала, воспоминанія шли въ глубь минувшаго по чуть замѣтнымъ слѣдамъ. А потомъ сразу все вспомнилось. За девять мѣсяцевъ до этого события, въ ночь съ 1 на 2 февраля (я запомнилъ дату потому, что въ этотъ день покончилъ съ собой одній знакомый), я видѣлъ во снѣ эту деревню, лѣсъ, черныя фигуры и пережилъ все то, что пришло пережить нѣсколько мгно-

веній тому назадъ. Отъ того, что я вспомнилъ это, мнѣ стало легче, я вернулся къ дѣйствительности.

Мнѣ захотѣлось увидѣть тѣло Гурчина и взять съ его руки обручальное кольцо, чтобы потомъ, при случаѣ, возвратить его женѣ.

Но я не зналъ языка. Когда-то, давно, я немногого говорилъ по-нѣмецки, но это уже было утеряно.

Опять мучительно заработала голова. Воля напряглась до крайности и сгустилась, принявъ форму собственнаго моего тѣла. Отъ этого необычного усилия протянулись тоненькия ниточки между настоящимъ и прошлымъ. Его темная, однородная, неразличаемая масса вдругъ распалась на множество картинъ и образовъ. Потокъ жизни, несшійся до сихъ поръ въ одну сторону, заколебался, остановился и повернулъ вспять. Мелькнули недавнія события, потомъ — болѣе раннія. Съ быстротой, изъ которой было исключено время, я приближался къ моему дѣству. Одна картина въ немъ удержала мое вниманіе: я увидѣлъ свою гувернантку-нѣмку и рядомъ съ нею самого себя; мы идемъ по дорогѣ и говоримъ по-нѣмецки.

Я напрягъ все вниманіе, чтобы услышать нашъ разговоръ. И я услышалъ его. Онъ раздался внутри меня, — глухо, но ясно и отчетливо. И съ трудомъ вспоминая звуки забытаго языка, медленно произнося слова и не спуская глазъ ни съ гувернантки, ни съ самого себя, я заговорилъ по-нѣмецки. Нѣмцы обрадовались. Понявъ, въ чемъ дѣло, они повели меня по полю. По дорогѣ я встрѣтился съ Арцишевичемъ. Его вели два другихъ солдата съ той же цѣлью. Коротко было написе привѣтствіе: мы, молча, пожали другъ другу руку. Я былъ очень радъ, что онъ живъ, не раненъ. Оружіе и бинокль были у него уже отобраны, но черныхъ пуговицъ на шинели не тронули.

Вдвоемъ, подъ нѣмецкимъ конвоемъ, мы обошли поле боя. Много раненыхъ и убитыхъ. Около одной кучи камней мы пашли Гурчина. Онъ лежалъ лицомъ внизъ, на винтовкѣ, руки были раскинуты, огромная лужа крови застыла подъ нимъ. Мы указали нѣмцамъ на него. Одинъ изъ нихъ перевернулъ

Гурчина. Шинели на немъ уже не было; лицо стало синее, и тѣло начало уже коченѣть. Обручальное кольцо исчезло, ки-тель былъ растегнутъ, всѣ карманы выворочены.

— Er ist tot — сказалъ нѣмецъ.

Мы сняли шапки и перекрестились. Пошли вдоль окоповъ. Тамъ оставались лишь убитые и раненые. Пожилой взводный, прижимая руку къ паху, со смертельной тоской, про-силъ насть прислать доктора.

Снаряды, попавши въ наши нехитрыя укрѣпленія, по-надѣлали въ нихъ много желтыхъ воронокъ. Иногда изъ подъ сползшаго пласта торчала рука, иногда сапогъ; въ яѣко-торыхъ, на днѣ, проступала темная, густая кровь; около од-ной валялась чья-то панаха. Отъ нашего приближенія стала осыпаться стѣнка большой, крутой воронки. Мне почудилось, что изъ земли лѣзутъ убитые. Внутри все дрогнуло и остановилось. Никогда безумье не подходило ко мнѣ такъ близко.

Одинъ изъ конвойныхъ спрыгнулъ въ яму, но въ ней ни-чего не оказалось. Какъ живой, сидѣлъ, прислонившись къ задней отлогости окопа, здоровый бородатый сибирякъ. Въ рукахъ онъ держалъ еще винтовку. Осколокъ снаряда снесъ ему верхнюю часть черепа и торчалъ изъ мозга короткимъ сѣ-рымъ кускомъ, съ неправильными зазубринами. Убитый не-давно прибылъ въ полкъ, на пополненіе. Онъ былъ отцомъ пя-терыхъ дѣтей и отличался сдержаннѣмъ и замкнутымъ харак-теромъ. За необычайную способность храпѣть солдаты прозва-ли его «храпондоломъ» и жаловались, что около него нельзя спать — будить. Минувшей ночью онъ немало надѣлалъ мнѣ хлопотъ.

Невдалекѣ лежали рядомъ два убитыхъ друга - добро-вольца. Одинъ изъ нихъ только что кончилъ Инженерное Учи-лище, другой былъ студентомъ Коммерческаго Института. Фа-милій ихъ, къ сожалѣнію, не помню. Во время неудачнаго на-ступленія инженеръ былъ раненъ и остался лежать въ полѣ. Несмотря на огонь и на уговоры Арцышевича, коммерсантъ выскоцилъ изъ окопа и отправился на поиски пріятеля. Тотъ лежалъ шагахъ въ 100 впереди. Студентъ взвалилъ своего друга

га на плечи и потащилъ въ окопъ. На самомъ краю его оба были почти перерѣзаны пулеметнымъ огнемъ. Кровь, песокъ, внутренности — все смѣшалось вмѣстѣ.

Мы съ Арцышевичемъ, молча, стояли надъ тѣлами двухъ друзей. Въ томъ глубокомъ душевномъ смущеніи, когда, стремясь познать жизнь и увидѣть ея настоящее лицо, человѣкъ чувствуетъ ограниченность своего разума и обманчивость чувствъ, мнѣ неожиданно припомнились евангельскія слова:

— Никто больше сея любви не имать, да кто душу положить за други своя.

Въ томъ-же положеніи лежалъ мой бывшій сосѣдъ, унтеръ - офицеръ, убитый воздушной волной неразорвавшагося снаряда. Кровь перестала ити, лицо было тихое, покойное, какъ у спящаго.

Окопы были съ верхомъ полны тѣлами. Въ одномъ мѣстѣ со дна, черезъ неподвижную груду, пробивался стонъ.

Прі видѣ дѣйствія артиллерійскаго и пулеметнаго огня, наши конвоиры говорили: «*kolossal*».

По ту сторону окопа лежала пебольшая фигурка. Когда мы поравнялись съ ней, она приподнялась. Вмѣсто лица было голое мясо. Кожи не было. Черепъ былъ на половину оскальпированъ; остатки волосъ висѣли сплющимися, черными лохмотьями. Несчастный оперялъ землю темными отъ крови руками и завыль: тихо, жалобно, невыносимо. Сердце надрывалось отъ этихъ звуковъ. У Арцышевича показались слезы. Побѣдители и побѣжденные остановились.

— Wie schrecklich!.. — сказалъ сильно поблѣдѣвшій пѣмецъ.

По голосу это была еще совсѣмъ молодая жизнь. Мнѣ вспомнился солдатикъ, просившій у меня покурить съ чашью назадъ.

Но узнать не было никакой возможности.

Все было изрыто снарядами. Повсюду кровь, шрапнельные стаканы, патронныя гильзы и человѣческія лохмотья. Мы прошли до конца нашихъ окоповъ и остановились здѣсь на минуту. Я бросилъ послѣдній взглядъ вокругъ.

Острымъ, рвущимъ клиномъ прошло черезъ душу сознаніе и моей собственной, невольной вины передъ тѣми, кто паль здѣсь.

Обыкновенныя мысли отпали и унеслись, какъ дорожная пыль. Изъ глубины появились другія. Онѣ налились жизнью и правдой. Внутри, изъ конца въ конецъ сотрясая все тѣло, прокатилось

— « *Не убий! . . .* »

И прежде, чѣмъ я могъ что нибудь понять, Арцышевичъ сталъ на колѣни, сдѣлалъ земной поклонъ и поцѣловалъ это мѣсто отчаянія и скорби.

ГЛАВА II.

Всѣхъ плѣнныхъ построили около дороги. Отъ нашей роты, которая выступила на позиціи въ составѣ 253 человѣкъ, уцѣлѣло человѣкъ 18. Одинъ изъ конвоировъ, по собственному побужденію, далъ мить папиросу; я закурилъ ее съ жадностью, а половину отдалъ своему сосѣду — солдату.

Отъ проходившихъ и проѣзжавшихъ мимо нѣмецкихъ частей иногда отрывались отдѣльные лица и вмѣстѣ съ конвоирами дѣловито осматривали насъ. Если у кого были хорошіе сапоги, у того они снимались безъ всякихъ разговоровъ. Хорошо, если давалось при этомъ что нибудь взамѣнъ. Промедленіе или выраженіе неудовольствія вызывало угрозы; боясь быть заколотыми, наши покорно отдавали свои вещи. Тутъ же, у дороги, нѣмцы примѣряли сапоги. Ихъ офицеры не обращали на это вниманія, а одинъ изъ нихъ даже забралъ у меня послѣдній уцѣлѣвшій ремень отъ снаряженія. Вещевые мѣшки выворачивались наизнанку. Бѣлье, махорка, выданные передъ боемъ консервы — все быстро исчезало въ бездонныхъ нѣмецкихъ карманахъ. Стоявший рядомъ солдатикъ вынулъ ножъ и разрѣзалъ сапогъ:

— Чтобы не польстились, — объяснил онъ.

Одному русскому нѣмецъ далъ взамѣнъ такие узкие башмаки, что тотъ не могъ ихъ надѣть и рѣшилъ итти босикомъ.

Отъ проѣзжавшей по близости тяжелой батареи отдѣлился нѣмецъ — солдатъ, здоровый рыжій парень на громадной лошади, и направился къ намъ. Упитанный, тупой, съ веснушчатой мордой, въ сапожищахъ неимовѣрной крѣпости, онъ казался воплощеніемъ нѣмецкаго военнаго кулака.

Мы съ Арцышевичемъ вдругъ почувствовали, что вмѣстѣ съ всадникомъ къ намъ приближается большая опасность. Нѣмецъ ѿхалъ, какъ разъ на меня; его глаза съ бѣлыми рѣсницами не отрывались отъ моихъ. Не отдавая себѣ отчета, я ковыльнулъ въ сторону.

Передъ всадникомъ очутился Арцышевичъ. Нѣмецъ патинулъ поводъ и, раскачавъ ногу, нанесъ страшный ударъ Арцышевичу въ область сердца.

Отъ этого удара у того внутри что то коротко екнуло и рѣзко оборвалось. Арцышевичъ пошатнулся. У меня мелькнула мысль, что ему пришелъ конецъ. Но онъ только страшно поблѣднѣлъ и, качнувшись, все-таки остался на ногахъ.

На эту сцену смотрѣлъ мальчишка лѣтъ 12. Онъ улыбался, разинувъ отъ уха до уха темный, беззубый ротъ.

Ноги у него были совсѣмъ кривыя, въ видѣ сплюснутаго нуля; длинными, тонкими руками онъ придерживалъ на груди деревянный ящишечъ. Цвѣтъ лица мальчишки напоминалъ цвѣтъ жабьей спины, а вся фигура — тарантула. Это былъ служок пастора. Самъ же пасторъ ходилъ по полю и искалъ раненыхъ нѣмцевъ.

Отступи Арцышевичъ въ сторону, можетъ быть, ничего бы не случилось, можетъ быть, ударъ пришелся бы мнѣ. Но, вѣроятно, зная, что мнѣ сегодня уже досталось, и, не желая подвергать меня новой опасности, онъ не отступилъ передъ нѣмцемъ.

Вскорѣ, послѣ прибытія въ Германію, Арцышевичъ почувствовалъ сильныя боли въ сердцѣ, стала показываться кровь

горломъ, развилась нейрастенія. Докторъ нашелъ у него органическое страданіе сердца.

Намъ приказали построиться «zu vier Mann». Потомъ окружили со всѣхъ сторонъ конвоемъ. Раздалась рявкающая, похожая на собачій лай, нѣмецкая команда. Мы тронулись. Въ послѣдній разъ я оглянулся на поле, на окопы, на лежавшія повсюду тѣла.

Наступалъ вечеръ. Мы шли быстро и молча. Ко всѣмъ переживаніямъ дня прибавелось новое чувство неловкости и неудобства; сперва я не могъ сообразить, откуда оно взялось, пока не догадался, что это было сознаніе плѣна, сознаніе неволи.

По дорогѣ намъ попадалось много деревень. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ настъ останавливали на улицѣ; черезъ минуту открывались ворота въ какомъ нибудь дворѣ, и оттуда подъ конвоемъ показывались взятые раньше плѣнны.

Они шумно привѣтствовали настъ. Первымъ вопросомъ было:

— Когда взяты, земляки?

И, услышавъ, что совсѣмъ недавно, очень удивлялись. Среди присоединившихся къ намъ, одни попадались еще наканунѣ, другіе — сегодня утромъ. Настъ же ругали дураками.

Второй вопросъ былъ:

— Какъ кормятъ нѣмцы?

Но на этотъ вопросъ никто не могъ отвѣтить: нѣмцы еще никого не накормили.

Плѣнъ дѣйствовалъ на людей по разному: были подавленные, были равнодушные. Въ тонѣ нѣкоторыхъ чувствовалась даже скорѣе радость, что война осталась позади.

— Въ Германіи люди живутъ получше нашего: страна культурная и чивилизованная, — говорилъ кто то въ темнотѣ.

Въ первый моментъ плѣна наши солдаты колебались, какъ держать себя съ офицерами — «по правильности» или иначе. Но, увидѣвъ, что сами нѣмцы дѣлаютъ различіе въ чинахъ, наши рѣшили сохранить прежнія отношенія.

Люди были всѣ голодны и, когда мы проходили черезъ деревни, наши солдаты, по старой привычкѣ, стали было захо-

дить въ избы. Сначала кѣмцы кричали; но для пѣнныхъ это было пипочемъ; тогда конвоиры пустили въ ходъ прилады.

Это очень удивило нашихъ солдатъ. Для нихъ выйти во время похода изъ рядовъ, заглянуть въ избу, натрясти яблочки, забѣжать впередъ — было дѣломъ естественнымъ.

Въ германской арміи, гдѣ они думали найти больше свободы, дисциплина оказалась тверже, чѣмъ въ русской.

— Вотъ тебѣ и чивилизованная!.. — ворчалъ кто то изъ задѣтыхъ прикладомъ.

Я шелъ съ Арцишевичемъ впереди. По мѣрѣ того, какъ мы удалялись отъ мѣста боя, недавнія переживанія начали уступать мѣсто другимъ, болѣе обыкновеннымъ, житейскимъ; внутри все стало становиться на свое мѣсто. То, что не было больше опасности, не было слышно разрывовъ, пуль, стоновъ, по-немногу возвращало прежнія формы и отношенія виѣпнemu миру. Сознаніе, поднявшееся за этотъ день на самую высокую степень напряженія, рѣзкими толчками опускалось до прежняго уровня. Эти душевые толчки сопровождались необыкновеннымъ чувствомъ облегченія, почти блаженства.

Всякій, кто избѣжалъ смертельной опасности, знаетъ, о чёмъ я говорю.

Затѣмъ, неожиданно, изъ всѣхъ перемѣшившихся чувствъ, изъ которыхъ одни словно шли кверху, другіе книзу, сталкиваясь и исчезая раньше, чѣмъ ихъ можно было охватить сознаніемъ, выдѣлилось и стремительно стало наростать одно. Это было голодъ.

Онъ покрылъ собой все; онъ сдѣлался моимъ владыкой, тираномъ, а я — пѣмымъ его рабомъ. Я рылся въ карманахъ, но ничего не находилъ. Шедший рядомъ со мной унтеръ - офицеръ открылъ случайно уцѣлѣвшую банку мясныхъ консервовъ. Я Ѳль, запуская кальцы въ коробку и вытаскивая оттуда кусочки мяса. Трудно описать, какъ это было вкусно, а еще труднѣе — оторваться отъ такой благодати. Надо было оставить и другимъ. Послѣ такой закуски собачья ножка съ махоркой, предложенная тѣмъ же унтеръ - офицеромъ, довершила мое благополучіе.

Уже совсѣмъ темнымъ вечеромъ нашу колонну, достигавшую теперь, приблизительно, 200-300 человѣкъ, остановили посрединѣ одного посада, чтобы пропустить безконечную ве-реницу автомобилей.

На базарной площади ярко горѣлъ газо - калильный фонарь. Всѣ лавки и лавочки были освѣщены и торговали. Нѣсколько лабазовъ было открыто недалеко отъ насъ. Оттуда пахло свѣжевыпеченными хлѣбомъ. У самаго ближняго ларя, опершись обѣими руками на прилавокъ, стояла молодая, здоровая торговка. У нея было румяное лицо, пышная грудь, черные волосы. Она рассказывала нѣмецкому кавалеристу про дорогу на какой то фольваркъ.

— Только берегитесь, тамъ совсѣмъ недавно была русская кавалерія, — предупредила она.

Темными, робкими фигурами показывалось вдали неторговое населеніе. Оно не смѣло приблизиться къ намъ: его, очевидно, застугали нѣмцы.

У костела, на одномъ изъ домовъ, медленно развѣвался флагъ — тамъ, вѣроятно, находилась квартира коменданта.

Изъ насъ никто даже крошкой не поживился въ этомъ посадѣ; за всякую попытку пройти за цѣль конвойные нещадно били прикладами. Сами же торговцы дѣлали видъ, что не замѣчаютъ плѣнныхъ.

Постоявъ минутъ пять, мы двинулись снова. Остановка въ посадѣ плохо подѣйствовала на меня. Напряженіе двухъ дней, одеревенѣніе послѣ контузіи всей лѣвой половины тѣла, ушибленная рука, голодъ, жажда, — все это сложилось вмѣстѣ и сказалось неподѣлимымъ чувствомъ усталости, появилось желаніе покоя, во что бы то ни стало. Ноги шагали сами по себѣ, словно заведенные, безъ всякаго участія воли и разсудка; все тѣло стало неудобное, тяжелое, какъ будто чужое.

Я нѣсколько разъ споткнулся. Замѣтивъ, что я слабо держусь, Арцишевичъ, самъ едва оправившійся послѣ удара, и еще кто то взяли меня подъ руки. Такъ мы шли молча, торопливо, съ одной мыслью обѣ отдыхъ.

Среди насъ было нѣсколько раненыхъ. Обезсилие отъ

скорою ходьбы, они кончали тѣмъ, что падали на дорогѣ. А по-тому, когда вся колонна проходила впередъ, кто нибудь изъ заднихъ конвойныхъ отставалъ; слышался черезъ минуту выстрѣль, и конвойный снова возвращался на свое мѣсто.

Наконецъ, часовъ въ десять вечера, мы прибыли въ какое то большое мѣстечко. Насъ остановили на площади; по-срединѣ горѣль высокій, сильный фонарь, поставленный, очевидно, нѣмцами. Здѣсь уже было много плѣнныхъ. Всѣ улицы были загорожены караулами, въ воротахъ домовъ тоже стояли часовые. Плѣннымъ не было куда дѣваться, и они оставались подъ открытымъ небомъ. Я присѣлъ на кучу бревенъ, недалеко отъ фонаря, надвинулъ фуражку, поднялъ воротникъ, засунулъ руки въ каманы и приготовился ждать, неизвѣстно чего.

Сначала прошелъ слухъ, что будутъ кормить; и, дѣйствительно, подѣхала полевая кухня, но накормили не насъ, а нашихъ конвоировъ. Потомъ, черезъ солдата - латыша, кликнули кличъ собраться раненымъ гдѣ-то на площади, у костела. Нѣкоторые изъ раненыхъ не пошли.

— Видѣлъ я, какъ они лечать раненыхъ: одинъ патронъ, и все... — говорилъ молодымъ, срывающимся голосомъ солдатикъ съ обмотанной платкомъ рукой.

— Да и я подожду, пока мы къ нимъ подальше въ тылъ не заберемся; авось, тамъ подобрѣютъ. — Говорившій, спустивъ штаны, при свѣтѣ фонаря, дѣлалъ себѣ перевязку при помощи грязной тряпицы.

— Слава Богу, садануло то въ мякоть, кости не задѣло...

— Ёсть то ужъ больно хочется, хоть бы маленькой кусочекъ хлѣба, — жаловался кто то въ темнотѣ.

— Попроси у нѣмца — онъ тебѣ дастъ, — отозвался холодный и жесткій голосъ.

— Дасть-то дастъ, — согласился голодный, — да только либо прикладомъ по башкѣ, либо птицомъ въ брюхо!..

— Вначалѣ-то, какъ повели насть, мой товарищъ въ хату хотѣлъ забѣжать — хлѣба попросить; а нѣмецъ на него —

«los, los»; ну, значитъ, русскій-то пальцемъ въ ротъ показываетъ:

— «Исть, молъ, хочу».

А нѣмецъ какъ саданетъ его штыкомъ, такъ тотъ скрозвь шею прошелъ, кровища хлынула. Упалъ, убитый, такъ на улицѣ и остался; а настѣ дальше погнали... — разсказывалъ кто то.

Прошла минута молчанія.

— Надысь, мы были въ развѣдкѣ въ посадѣ, — парушить чей то голосъ гишину, — такъ намъ одинъ торговецъ говорилъ: «чего вамъ, ребята, воевать, сдавайтесь въ плѣнъ. Въ плѣну хорошо будетъ: у нѣмца законъ, порядокъ, чистота. Будете жить пріпѣваючи...»

— А ты повѣрилъ и сдался, — раздался снова жесткій голосъ.

— А развѣ я одинъ?!. — огрызнулся развѣдчикъ.

Фонарь, подвѣшенный къ желѣзнай полосѣ, прибитой къ верхушкѣ телеграфнаго столба, громко шипѣлъ и качался отъ вѣтра. Отъ этого качанія наши тѣни то удлинялись, то укорачивались, прыгали вправо, влево, моментами исчезая, моментами заполняя всю площадь. Онѣ были похожи на уродливыхъ ночныхъ птицъ, вылетѣвшихъ изъ нѣдра земли и въ испугѣ безшумно метавшихся по ея поверхности. Я дрожалъ отъ озноба, жался къ Арцышевичу и старался припомнить, гдѣ я встрѣтилъ слово — General - Musik - Director — и что оно означаетъ: директора консерваторіи или начальника нѣмецкихъ военныхъ капельмейстеровъ. На одинъ мигъ увидѣлъ матеръ. Припомнилось наше прощаніе. Когда я подошелъ къ ней въ послѣднее мгновеніе, она коснулась губами моего лба, и, положивъ мнѣ на плечи свою руки, съ минуту смотрѣла мнѣ въ глаза. Все было въ этомъ взглядѣ: звѣрь, у котораго берутъ дѣтеныша, нѣжная мать, христіанка...

Что ей было сказать мнѣ: «Береги себя и убивай другихъ», или: «не убивай никого...»? — не договаривая: «пусть ужъ лучше тебя убьютъ...». Что лучше и легче для матери: видѣть своего ребенка, зачатаго въ любви и рожденаго съ

великой надеждой, убитымъ, или живымъ, но измазавшимся въ чужой крови?

Отъ непримиримыхъ противорѣчій ея лицо стянулось, стало суровымъ; чуть пригали кончики губъ. А взглядъ былъ глубокій, какимъ смотрѣть только любовь. Въ трепетномъ молчаніи она взывала ко мнѣ, къ моей совѣсти. И въ такомъ же молчаніи я отвѣтилъ ей, что сдѣлаю, какъ велитъ совѣсть. Она прочла отвѣтъ въ моихъ глазахъ и тихо, какъ опавшій лепестокъ, коснулась губами моей головы.

Незамѣтно она опустила въ карманъ шинели небольшое евангеліе. Читая его, передъ первымъ боемъ, я нашелъ слова, подчеркнутыя ею:

«Азъ есмь воскрешеніе и жизнь. Вѣрующій въ Меня, если и умретъ, оживеть»...

Мои воспоминанія неожиданно были прерваны Арцышевичемъ.

— Нѣтъ, такъ невозможно, — сказалъ онъ, — пойду посмотрю, нельзя ли гдѣ переночевать. Онъ поднялся и ушелъ.

Разговоръ вокругъ затихалъ: холодъ ноябрьской ночи донималъ всѣхъ. Я впалъ въ забытье — мѣрещились окопы, кровати съ холодными простынями, черные сухари и темныя, извилистыя дороги. Потомъ я почувствовалъ, что меня кто то тянетъ за рукавъ: это вернулся Арцышевичъ.

— Идемте, — сказалъ онъ.

Мы пошли черезъ площадь къ костелу и остановились у одного домика съ запертymi ставиями. У калитки нѣмель часовой остановилъ настъ. Арцышевичъ что-то сказалъ ему, и мы вошли во дворъ, поднялись по небольшой лѣстницѣ, въ темнотѣ напустили ручку и открыли дверь. Жестяная лампа съ рефлекторомъ освѣщала чистую, большую кухню. Мы вошли. Изъ сосѣдней комнаты показалась высокая женщина въ темномъ платьѣ.

— Вы уже съ товарищемъ? — спросила она. — Хорошо, я вамъ уступлю большую кровать. Вы можете спать на ней вдвоемъ. Но больше я уже никого не могу принять.

Она провела настъ въ опрятную, нетопленую спальню и по-

казала на широкую никелированную кровать, застланную голубымъ атласнымъ одѣяломъ.

— Вотъ вамъ, — сказала хозяйка и ушла.

Немногого подальше, у печки, стояли еще двѣ кровати, поменьше. На нихъ, къ моему удивленію, лежали офицеры нашего полка. Увидѣвъ насъ, они тоже удивились. Поднялся разговоръ: кто, когда, гдѣ... Они намъ сообщили, что по всей II арміи было отданъ приказъ — начать отступленіе въ 10 часовъ утра. Приказъ этотъ и было исполненъ точно. Въ отвѣтъ на это, Арцышевичъ могъ имъ сообщить противоположное — «держаться до послѣдней капли крови, приказа обѣ отступленіи не ожидать». Они бодвились.

Въ спальню во время нашего разговора вошли хозяйка и нѣмецкій унтеръ - офицеръ.

— Господа, — сказала она, — мнѣ разрешили пріютить васъ; но, если кто нибудь изъ васъ убѣжитъ, меня разстрѣляютъ.

Послѣ этого унтеръ - офицеръ пересчиталъ насъ, записалъ число на бумажкѣ и, пожелавъ «Gute Nacht», ушелъ.

А мы разговаривались съ хозяйствой: она оказалась вдовой лютеранского пастора и много говорила о своей привязанности къ Россіи, жалуясь, что мѣстное населеніе считаетъ ее шпionкой и относится очень недружелюбно. Пожелавъ спокойной ночи, она ушла къ себѣ. Отъ возбужденія мы долго не спали.

Дрожиловскій, молодой прaporщикъ, рассказывалъ, какъ во время перебѣжки его ближайшій сосѣдъ - солдатъ вдругъ закричалъ: «Ваше Благородіе, я — убить!..» и вслѣдъ за этими словами крикнувшій упалъ, и па немъ сначала задымился, а потомъ и загорѣлся синимъ огонькомъ венцевой мѣшокъ. Описывая это событие, Дрожиловскій волновался, путалъ слова, часто ихъ не находилъ, изъ глаголовъ дѣлалъ существительныя, а существительныя спрягалъ и иногда, размахивая руками, задѣвалъ спинку желѣзной кровати; неожиданный гулъ заставлялъ насъ всѣхъ вздрогивать, а самого рассказчика пугливо подпрыгивать.

Штейнбергъ, длинный, рыжий пулеметный прапорщикъ, сообщилъ, что, получивъ приказаніе отступать, онъ долженъ былъ тащить пулеметы по вспаханной землѣ. Въ этотъ моментъ и онъ и пулеметы были захвачены нѣмцами. Дрожиловскій и Штейнбергъ оба заплатили дань нѣмецкому «zum Andenken». У Дрожиловскаго, кромѣ пуговицъ и погонъ, забрали также роскошную, пушистую папаху — самую лучшую, кажется, во всемъ полку. Но обобравшій его нѣмецъ былъ человѣкъ совсѣмъ-стливый: онъ не пожелалъ оставить бывшаго владѣльца папахи съ непокрытой головой и нахлобучилъ ему на голову фуражку, сорванную съ ближайшаго русскаго солдата. Дрожиловскій подробно разсказывалъ, гдѣ стоялъ онъ, гдѣ нѣмецъ, гдѣ русскій солдатъ, и примѣривалъ громадную, какъ колесо, фуражку: она нальзала ему на носъ и дѣлала очень смѣшнымъ. Огарокъ свѣчи пришелъ къ концу: кто то дунулъ на него; стало темно. Я лежалъ на кровати и перебиралъ въ памяти события прошедшаго дня, чувствуя, какъ за моей спиной не спитъ Арпышевичъ.

До сихъ поръ я все еще не освоился съ положеніемъ военно - плѣнного и не понималъ, что оно можетъ дать и чего потребовать. Потомъ чувство раздраженія стало постепенно охватывать меня. О самомъ плѣнѣ иначе нельзя было сказать, но что его можно было избѣжать — я въ этомъ былъ глубоко увѣренъ. Если бы до насть, какъ до всѣхъ, дошелъ приказъ начать отступленіе въ 10 часовъ утра, мы сдѣлали бы это, потерявъ не 200 съ лишнимъ человѣкъ, а разъ въ 10 меныше.

Вскорѣ я заснула.

Ночью нѣсколько разъ приходилъ нѣмецъ съ фонарикомъ и всякий разъ пересчитывалъ насъ. Утромъ хозяйка дала намъ холодной воды и твердаго, какъ камень, хлѣба. Мы выпили воды, погрызли хлѣба и, поблагодаривъ за ночлегъ, вышли на площадь. Нашихъ плѣнныхъ тамъ было около 2000 человѣкъ.

Было прохладно, но сухо; проглядывало солнце. Солдаты провели всю ночь на площади. Чтобы согрѣться хоть немного и поспать, они ложились одинъ на другого, какъ дрова.

Около дома съ германскимъ флагомъ ходили сильно задумавшійся майоръ. Онъ не обращалъ на насть никакого вниманія.

— Не охота, видно, на фронтъ итти.. — сказалъ кто то про него.

Тутъ же съ растеряннымъ видомъ бѣгалъ среди плѣнныхъ нѣмецкій солдатъ.

Вчера, во время дороги, почти всѣ наши конвоиры поснимали съ себя ранцы и лоадѣвали ихъ на плѣнныхъ. По прибытии на мѣсто, оказалось, что одного ранца не хватаетъ. Владѣлецъ долго, но безъ успѣха, искалъ его еще вчера вечеромъ. И теперь онъ метался среди плѣнныхъ, всматриваясь въ лица. Но лица были одинаково небриты, немыты и, вѣроятно, нѣмецкому глазу казались очень похожими одно на другое. Онъ хватался то за одного плѣнного, то за другого, всматривался, бросалъ и бѣжалъ къ слѣдующему. Нѣмцы съ сожалѣніемъ посматривали на своего камрада и что то говорили о «Kriegsgericht».

Плѣнныесмѣялись.

— Надо полагать, бросилъ нашъ-то евонный ранецъ, — догадывался высокій, здоровый солдатъ, — тоже сласти то нѣть нести. Пуда 2½ въ немъ, если не больше. Какъ мой нѣмецъ навьючилъ эту штуку на меня, такъ я думалъ въ землю вросту, инда шатался, пока не разошелся. Спасибо, что хоть наркормилъ за это, да спать въ хату отвель.

— Штука эта ихняя агромадная, — согласился маленький, бѣленѣкій солдатикъ, — нашъ не сдюжить столько стапитъ. Глядикось, винтовка, отдельно штыкъ съ чехломъ, два патронташа полные, сумка съ патронами, фляга съ водой, да еще этотъ горбъ ихній. У насъ то все полегше было.

— А я на ихъ мѣстѣ побросалъ бы все, да ходилъ бы на легкѣ, — сказалъ какой то солдатъ, походившій на фабричнаго.

— Шалишь - мамонишь, — отвѣтилъ высокій: — у нихъ, надо полагать, все по счету выдается, а потеряль — отвѣчай.

— Онъ то вотъ изъ Восточной Пруссіи налегкѣ подъ Варшаву заявился, а какъ понадобилась лопата, такъ у какого то пана деревянную стянуль, что хлѣбъ въ печь сажаютъ, да такъ и ходилъ съ ней, — рассказалъ про фабричнаго однополчанинъ.

— Выходитъ, что какъ бы на лопатѣ въ плѣнъ попалъ землякъ, — замѣтилъ степенный бородачъ, похожій на деревенаго старосту. Всѣ засмѣялись.

Этотъ разговоръ напомнилъ мнѣ, какъ мы съ Арцышеви-чемъ незадолго до боя видѣли въ одной деревнѣ солдата съ винтовкой черезъ плечо, съ большимъ эмалированнымъ кувшиномъ для умыванія на поясѣ и несуразной хлѣбной лопатой въ рукахъ. На вопросъ Арцышевича, — откуда кувшинъ и лопата? — солдатъ безъ запинки отвѣтилъ:

— Такъ что покупилъ, Ваше Благородіе...

Нѣмцы зарявкали, плѣнныя пришли въ движение. Когда мы выстроились, наши конвоиры снова одѣли на плѣнныхъ свои ранцы, заключивъ па этотъ разъ съ ними какую то сдѣлку, гдѣ былъ помянуть «Brot». Офицеровъ построили впереди колонны. Мы тронулись.

Жители смотрѣли на насъ изъ оконъ; нѣкоторые повыходили за ворота и, молча, провожали насъ глазами. Многія женщины плакали.

Вздохнулось легче, когда мы выплыли, наконецъ, за оксли-пу. По дорогѣ, навстрѣчу намъ, двигались нѣмецкіе обозы; лошади были кряжистыя, здоровенные, впору хоть самому Святогору; повозки — циклопической прочности. Разстояніе между колесами и ширина шинъ нѣмецкихъ повозокъ были больше мѣстныхъ. Поэтому, гдѣ проходили нѣмецкіе обозы, они должны были однимъ колесомъ выходить за старую колею и проводили сбоку третью. Обозные, завернувшись въ бѣлые тулузы, молча сидѣли на козлахъ и сосали громадныя фарфоровыя трубы. Къ намъ они не выражали никакихъ особыхъ чувствъ. Провозили много снарядовъ въ плетеныхъ иловыхъ корзинахъ; складные, желѣзные наблюдательные артиллерійскіе пункты; были также тяжелые, заваленные посылками, почтовые ридваны съ надписью на боковыхъ дверяхъ — «Kaiserliche und Koenigliche Post».

Мы остановились на четверть часа въ полѣ.

Было уже около полудня, когда плѣнныя и конвой усѣлись по обочинамъ дороги. Нѣмецъ, шедшій около насъ, вы-

нуль ножъ, досталь изъ сумки хлѣбъ, отрѣзаль два большихъ куска, намазаль ихъ топленымъ саломъ; потомъ одинъ взяль себѣ, а другой протянулъ плѣнному, который несъ его ранецъ. Голодный русскій и глазами и зубами впился въ кусокъ.

— Не ожидалъ поди, землякъ, что нѣмецкимъ халуемъ станешь?!. — враждебно сказалъ одинъ изъ его сосѣдей.

— Небось, завидно самому, что нечего на зубъ положить! — нашелся неожиданно взъерошенный защитникъ, — такъ и лаешься...

— Не съ тобой говорятъ, — отвѣталъ первый, — ну и не лѣзъ!..

— Не лѣзъ, не лѣзъ!.. — передразнилъ его второй, — дать бы тебѣ самому въ морду, чтобы отсталъ...

Но ъвшій ничего не видѣлъ и не слышалъ. Онъ осторожно подносилъ хлѣбъ ко рту обѣими руками и откусывалъ сразу по-многу. Бѣлые, здоровые зубы чертили правильный овалъ на остававшейся долѣ; челюсти приходили въ движение: онъ со страшной силой смыкались и размыкались, разрывая и перетирая пищу.

Я самъ засмотрѣлся на эту картину, чувствуя, какъ во рту собирается слюна.

Отдохнувъ, мы двинулись снова. Въ какой то деревнѣ одинъ изъ плѣнныхъ, не обращая вниманія на крики, свистки и другія предупрежденія, направился къ хатѣ. Нѣмецъ со штыкомъ на перевѣсь бросился за нимъ. Почуявъ погоню, плѣнный остановился и, въ отвѣтъ на угрозу штыкомъ, замахнулся жестянымъ чайникомъ; оба кричали и оба не понимали другъ друга. Ворча, каждый вернулся на свое мѣсто.

Всѣ мы были голодны. Но въ деревняхъ, гдѣ можно было хоть что нибудь достать, мы почти не останавливались и, кроме того, конвоиры отгоняли прикладами жителей, подходившихъ къ намъ съ хлѣбомъ и водой.

Въ одномъ изъ посадовъ, гдѣ мы остановились на нѣсколько минутъ, пропуская артиллерію, одной молодой еврейской девушки все-таки удалось подойти къ намъ побли-

же. Она глядѣла на плѣнныхъ и плакала; одному она дала большой бѣлый хлѣбъ, другимъ немнога денегъ.

— Я люблю Россію, я люблю русскихъ, и мнѣ тяжело видѣть ихъ въ такомъ положеніи, — говорила она. У нея были скорбные, темные глаза; они говорили то же, что и ея слова.

Когда мы пошли опять, она отошла въ сторонку и провожала глазами нашу длинную, съ версту, колонну.

Я нѣсколько разъ обернулся посмотрѣть на нее; у меня надолго осталась въ памяти тонкая фигурка съ накинутой на плечи шубкой и блестѣвшими отъ слезъ глазами.

Когда же пришла минута дѣлить хлѣбъ, поднялось волненіе.

— Она его мнѣ дала, шабашъ, — заявилъ плѣнный, держа хлѣбъ за пазухой.

— Не одному тебѣ, — уговаривали его сосѣди, — не ты одинъ голоденъ.

— Дѣлиться то резону нѣтъ — посмотрѣка-сь, сколько тутъ наась; самому то тогда ничего не достанется! — Но онъ все-таки подѣлился, забравъ себѣ часть побольше.

На закатѣ солнца мы прибыли въ какой то посадъ. На площади стояло уже тысячи полторы военноплѣнныхъ, взятыхъ, очевидно, на другомъ участкѣ. Со всѣхъ сторонъ наась окружили ландштурмомъ; онъ состояль изъ людей болѣе пожилого возраста, чѣмъ конвой. На головахъ у нихъ были неуклюжія, клеенчатыя фуражки; большиe, рыхлые животы стягивались ремнями; на пряжкѣ было выбито: «Gott mit uns». По всей площади носился запахъ сигаръ и пива. Мы лѣниво и устало бродили среди цѣлой чащи штыковъ.

Черезъ минуту послышалась команда: «Офицеровъ на седину!» — пошли туда. Тамъ, у гранитнаго подножія креста, стояль пѣмецкій генералъ. Взглянувъ на эту фигуру, я обмеръ: мнѣ почудилось, что передо мною самъ богъ войны въ каскѣ, съ усами кверху, въ свѣтлой шинели съ красными отворотами, со шпорами на необыкновенныхъ ботфортахъ.

Около генерала, засунувъ руки въ карманы, уныло сто-

яль прaporщикъ Штейнбергъ. Офицеровъ собралось около восьми - десяти человѣкъ, безъ всякихъ внѣшнихъ признаковъ своего положенія.

Обратясь къ Штейнбергу, генералъ началъ говорить, медленно чеканя каждое слово.

— Господа, — объявилъ Штейнбергъ, — генералъ заявляетъ, что мы являемся заложниками: если наши солдаты сдѣлаются какой нибудь беспорядокъ, то въ первую голову будутъ разстрѣляны офицеры.

Скажите этому чучелу, — сказалъ одинъ изъ заложниковъ, — что мы не ѿли три дня.

— Всѣ офицеры будутъ собраны вмѣстѣ, — сказало его Грозное Превосходительство, — и они смогутъ купить себѣ поѣсть. Это разрѣшается.

— Ваше Благородіе, — запищалъ кто то около меня, — скажите генералу, что у меня сапоги нѣмцы взяли, что я босой иду.

Штейнбергъ перевелъ.

Генералъ покраснѣлъ, блеснули молнии, загремѣлъ громъ:

— Нѣмецкій солдатъ не крадеть, — было намъ откровеніе во грозѣ и бурѣ: — Пусть выйдутъ впередъ тѣ, кто жалуются. Мародеры будутъ наказаны, виновные въ невѣрной жалобѣ будутъ разстрѣляны.

— У нихъ меныше наказанія нѣть, — пробормоталъ сзади меня Дрожиловскій.

На генеральское приглашеніе дружно выступило человѣкъ 80. Грозно глянулъ на нихъ генералъ, но, увидѣвъ одного босикомъ, а другихъ въ типичныхъ нѣмецкихъ сапогахъ, ничего не сказалъ и сейчасъ же скрылся. Были ли наказаны мародеры, неизвѣстно, но никто обратно своихъ сапогъ не получилъ, и чтосталось съ разутымъ плѣннымъ — я не могъ узнать.

Благодаря переговорамъ Штейнберга, насть перевели въ одинъ изъ домовъ на площади и помѣстили въ билліардной комнатѣ мѣстнаго ресторана. Въ коридорѣ поставили часового, подъ окномъ тоже. Старший въ караулѣ пересчиталъ насть и записалъ число къ себѣ въ книжечку. Черезъ четверть часа къ

намъ привели еще трехъ офицеровъ; двое изъ нихъ были ранены — одинъ въ правую руку, другой въ лѣвую; но оба сравнительно легко, безъ поврежденія кости.

Начались хлопоты о пищѣ. Хозяинъ ресторана отнесся къ намъ съ симпатией и объявилъ, что можетъ намъ дать кое чего поѣсть за самую умѣренную плату. Но нѣкоторые изъ насъ ничего не имѣли; имущіе рѣшили подѣлиться съ неимущими. Штейнберга во время переговоровъ вызвали въ качествѣ переводчика къ нашимъ солдатамъ, оставшимся на площади. Распорядителемъ у насъ сдѣлался одинъ изъ вновь прибывшихъ, капитанъ Добротворскій. Онъ вступилъ въ длинные переговоры съ хозяиномъ ресторана, что и какъ приготовить, кто за кого платить; по пути рассказалъ, что самъ онъ дважды раненъ — на этой войнѣ и на японской — и что только чудомъ ему удалось избѣжать ампутаціи обѣихъ ногъ. Словомъ, черезъ пять минутъ хозяинъ зналъ всѣ главнѣйшія событія изъ жизни капитана.

Намъ скоро принесли заказанную юду. Да, сидѣть въ теплѣ, єсть горячую колбасу съ капустой, картофель съ поджаренымъ саломъ, пить чай съ сахаромъ и лимономъ — это было чудесно! Но мелькала мысль, что дѣлаютъ теперь наши солдаты. На это отвѣтилъ Штейнбергъ, пришедший къ самому концу ужина; онъ сообщилъ, что плѣнныхъ размѣстили гдѣ то у стоговъ соломы, но єсть имъ ничего не дали.

Спали мы крѣпко. Утромъ насъ разбудили рано и вывели на площадь. Тамъ уже были наши солдаты. Раздалась снова лающая, сдѣлавшаяся ненавистной, команда; сѣрая масса заколыхалась, прійдя въ движение, и образовала длинную колону по 4 человѣка въ рядъ.

Какой то сострадательный полякъ подошелъ ближе и, чрезъ голову конвойныхъ, бросилъ длинный бѣлый хлѣбъ. Его налету поймалъ весь заросшій щетиной, сухо кашлявшій солдатъ; почти въ тотъ же моментъ въ хлѣбъ віѣпились пальцы его сосѣдей. Каждый тянулъ хлѣбъ къ себѣ. Раскрылись рты, посыпалась ужасная ругань. Полякъ отъ страха уѣжалъ. Конвойные съ любопытствомъ смотрѣли на эту свалку. Они ничего не понимали, но нѣкоторыя слова поражали ихъ своимъ то-

номъ, и они машинально начали повторять ихъ. Это были самыя низкія, самыя подлыя слова. И наши солдаты, слыша, какъ старательно нѣмцы повторяютъ русскую ругань, разсмѣялись. Они забыли на минуту голодъ, забыли все и смѣялись, какъ дѣти.

При этой картинѣ мнѣ вспомнился одинъ знакомый монашекъ. Онъ безпредѣльно страдалъ отъ нашей ругани и утверждалъ, что за нее русскій народъ долженъ претерпѣть семь жупеловъ: татарскій, нѣмскій, какъ онъ выразился, еврейскій, и ужъ не помню остальныхъ.

Мы двинулись. Капитанъ Добротворскій, взявъ Штейнберга, какъ переводчика, говорилъ съ начальникомъ конвоя — нескладнымъ лейтенантомъ, чернымъ, какъ галка, и похожимъ на молодого раввина. Капитанъ показывалъ руку и просилъ, чтобы его посадили на повозку. Лейтенантъ отказывалъ, Добротворскій настаивалъ, Штейнбергъ переводилъ. Въ концѣ концовъ пришлось Добротворскому идти все-таки пѣшкомъ.

И такъ мы шли нѣсколько днѣй съ утра до самой ночи. За все время нѣмцы ни разу не накормили плѣнныхъ. Только въ одномъ мѣстечкѣ, при свѣтѣ факеловъ, они выдали каждому изъ насъ по мѣшочку съ бисквитами; бисквиты были бѣлые и походили и видомъ и вкусомъ на вяземскіе пряники; ихъ было въ мѣшечкѣ всего 15-20 штукъ. Что это значило для безумно - голодныхъ людей?! Какой то солдатъ, получивъ мѣшочекъ, вернулся и снова сталъ въ очередь; одинъ изъ конвоировъ замѣтилъ это и вышибъ его изъ очереди ударомъ штыка. Штыкъ прошелъ наискось изъ бока въ бокъ. Солдатъ хотѣлъ что то крикнуть, открылъ ротъ, но, вместо голоса, фонтаномъ хлынула кровь. Плѣнный свалился, подергалъ ногами и вытянулся. Ближайшіе сосѣди пугливо смотрѣли на убитаго и на убийцу.

Солдаты стали задумываться. Все, что они видѣли въ плѣну, было далеко не такимъ, какъ они себѣ представляли: вместо бесконечной кормежки и обращенія на «вы», они видѣли сурое и безпощадное къ себѣ отношеніе. Такимъ пре-

краснымъ казался теперь русскій борщъ, гречневая каша, черный хлѣбъ.

— Ужъ больше въ плѣнъ не попадусь, — говорилъ прикащичьяго типа солдатъ, — чудесъ-то намъ про плѣнъ много наплели. Салфетка каждому будетъ и приборъ отдѣльный...

— Кто это тебѣ вралъ то? — съ неожиданной злой перебилъ его мужиченко съ рѣдкой бородой. — Такого бы сомустителя приколоть бы съ тобой вмѣстѣ, чтобы народъ не булгачили...

— Что ты, дядя, на меня то взъѣлся, — спокойно отозвался первый: — вѣдь, это нѣмцы фифишки всюду разбрасывали, — чего тамъ не было написано!

— Были и изъ насъ, которые говорили — сдавайся нѣмцу! — угрюмо замѣтилъ высокій плѣненный съ запавшими глазами.

— Были, вѣрное слово, были!.. — раздался звонкій голосъ позади, — еще такъ совѣтывали: перебейте сначала офицеровъ, а потомъ и къ нѣмцамъ.

Въ эти непередаваемыя и незабываемыя минуты униженія и голода, польскій народъ выходилъ намъ навстрѣчу — мужчины приносили хлѣба и сала, прося распределить все это между ранеными и особенно ослабѣвшими; женщины поили чаемъ, молокомъ, давали раненымъ на перевязки чистыя тряпки; словомъ, населеніе дѣлилось всѣмъ, чѣмъ могло, отъ своего небольшого достатка.

— Пріятный народъ паны, — замѣтилъ кто то сзади послѣ одной остановки въ деревнѣ..

— Хозяева они тоже хорошіе, хлѣба и картошки у каждого есть, — добавилъ другой.

При словѣ картошка, мнѣ вспомнилась неболышая исторія. Случилась она, когда мы еще стояли подъ Варшавой. Одинъ разъ утромъ вдова, у которой мы жили съ Гурчинымъ, пришла, когда мы пили чай, и, какъ подкошенная, повалилась ему въ ноги. Мы подняли ее и стали разспрашивать, въ чемъ дѣло. Оказалось, что у нея неподалеку отъ избы было спрятано на зиму около 20 пудовъ картофеля. Въ какіе нибудь два-

три дня наши солдаты растащили все. Этотъ запасъ былъ единственнымъ достояніемъ вдовы. Гурчинъ заплатилъ за картофель изъ собственныхъ денегъ, но онъ никакъ не могъ понять, зачѣмъ это дѣжалось, такъ какъ въ то же время солдаты не съѣдали всего, что имъ готовилось; остатки пищи раздавались жителямъ или же, если дѣло было въ полѣ, просто выбрасывались. Мы сами очень часто брали обѣдъ и ужинъ изъ общаго котла, предпочитая солдатскій борщъ неумѣлой стряпни нашихъ деньщиковъ.

Мы приближались уже къ границѣ, когда намъ попался навстрѣчу кавалерійский отрядъ. Плотные нѣмцы на такихъ же лошадяхъ съ холоднымъ любопытствомъ разглядывали насъ.

— Куда? — спросилъ одинъ кавалеристъ у конвоировъ.

— «Nach Berlin...», — отвѣтилъ кто-то изъ нихъ, намекая этимъ на всѣмъ известную фразу генерала Ренненкампфа: «пусть мнѣ отрубятъ правую руку, если черезъ полгода мы не будемъ въ Берлинѣ».

Нѣмцы засмѣялись.

ГЛАВА III.

И вотъ однажды утромъ мы перешли границу. Милыя польскія хаты подъ соломой замѣнились бѣлыми домами подъ красной черепицей. При нашемъ появлениіи нѣмцы выбѣгали посмотретьть на плѣнныхъ, а какой то учитель вывелъ даже свою школу. Намъ вслѣдъ кричали, плевали и пѣли: «Deutschland, Deutschland über alles...»

Мы спрашивали конвоировъ, куда они насъ ведутъ, и скоро ли будетъ конецъ нашему пути. Но они сами ничего не знали: ихъ обязанность состояла въ томъ, чтобы сдать всѣхъ плѣнныхъ коменданту какой то желѣзно - дорожной станціи, и уже тотъ долженъ быть насъ направить куда то дальше. Для плѣнныхъ, по словамъ конвоировъ, въ Германіи были устроены

особые лагери; тамъ они спокойно и съ удобствомъ смогутъ ожидать конца войны. Послѣдній былъ не за-горами. Черезъ двѣ недѣли они возьмутъ Варшаву, имъ предложить за это миръ, и къ Рождеству побѣдителями они вернутся домой. Никакихъ сомнѣній у нихъ не было. Были зато они у насъ. Что нѣмцамъ Варшавы такъ быстро не взять, мы были глубоко въ этомъ убѣждены.

Снѣгъ падалъ и таялъ; въ лицо дулъ сырой, пронзительный вѣтеръ; было грязно, тоскливо, голодно.

Въ первый же вечеръ нашего пребыванія на нѣмецкой землѣ, мы попали въ вѣдѣніе непомѣрно свирѣпаго начальника ландштурма. Окруживъ насъ кольцомъ и продержавъ на одномъ мѣстѣ съ полчаса, онъ рѣшилъ перевести насъ на другое мѣсто. Но снѣгъ не зналъ, какъ это сдѣлать. Насъ просто погнали, какъ овчье стадо, подбодряя прикладами отстававшихъ и непонимавшихъ команды. Тысячной толпой мы шли вразброда, безъ дороги, черезъ поля и канавы, не зная, чего отъ насъ хотятъ и куда ведутъ. Остановились мы посреди всханнаго поля, вблизи соломенного скирда. Черезъ четверть часа насъ опять погнали на новое мѣсто.

Удивленный этими передвиженіями, прaporщикъ Немецкъ, чехъ по происхожденію, прекрасно владѣвшій нѣмецкимъ языкомъ, спросилъ начальника ландштурма, что означаютъ эти переходы. Тотъ откровенно отвѣтилъ чеху, что не находить для русскихъ свиней подходящаго мѣста. Первое было слишкомъ близко отъ жилья честныхъ нѣмцевъ; второе — отъ соломы: ее могли растащить плѣнныe.

И въ холодную ноябрьскую ночь мы спали на недавно унавоженномъ полѣ, тѣснѣе прижавшись другъ къ другу. Падавший снѣгъ таялъ на лицѣ, забирался за шиворотъ и въ уши, ледяной струйкой стекалъ по спинѣ и груди; но не было мужества вынуть руки изъ кармановъ и вытереть лицо. Всю ночь слышался долгій, упорный кашель. Ужасная была эта ночь.

На другомъ ночлегѣ офицеровъ разбили на небольшія группы, по 3-4 человѣка, и развели по домамъ мѣстныхъ жи-

телей. Хозяинъ дома, куда попалъ я, оказался полякомъ. Но онъ боялся говорить громко по-польски, и мы съ нимъ бесѣдовали вполголоса, украдкой, прислушиваясь къ шагамъ часового въ коридорѣ. Хозяинъ рассказалъ, что жителямъ, подъ угрозой большого штрафа, запрещалось кормить плѣнныхъ.

Все-таки, онъ купилъ въ ближайшей лавочкѣ нѣсколько плитокъ шоколада, какъ будто для себя, и сварилъ намъ горшокъ картофеля. Сѣли за столъ; когда шаги часоваго приближались, мы разлетались отъ стола, какъ испуганные воробы; наше мѣсто занимали хозяинъ съ сыномъ. Часовой входилъ, бросалъ взглядъ на насть, заглядывалъ даже въ горшокъ и уходилъ, ничего не сказавъ. Мы снова собирались и принимались за ъду.

Наконецъ, часовъ въ 12 дня, мы пришли въ Стржалково — небольшой городокъ, недалеко отъ Познани. Тутъ настъ должны были посадить въ поѣздъ и направить вглубь Германіи. Прежде, чѣмъ мы попали на вокзалъ, настъ продержали часа два на площади, на краю города. Солдаты наши думали, что тутъ будетъ, наконецъ, кормежка; но вмѣсто кухонь явилось множество нѣмцевъ и нѣмокъ. Защелкали фотографические аппараты; предложили составить живописную группу изъ пулометовъ, солдатъ и офицеровъ. Офицеры отказались. Солдаты же, надѣясь, что ихъ покормятъ послѣ съемки, позволили себѣ снять; отвязавши котелки отъ поясовъ, они долго потомъ ходили по пятамъ фотографовъ. Но тѣ уже не обращали на нихъ никакого вниманія.

Къ офицерамъ приставали дать что нибудь «zum Andenkен». Было смѣшно, когда массивные нѣмцы и нѣмки гонялись за тѣми, у кого еще чудомъ сохранились кокарда, пуговица или ремень. Но бѣлье всего имѣла успѣха папаха, — молодой сибирскій офицеръ, сохранившій ее благодаря тому, что въ затруднительные моменты снималъ и пряталъ ее подъ шинель, подвергался особенно нападеніямъ со стороны нѣмокъ. Одна даже принесла большой бѣлый хлѣбъ въ обмѣнъ на папаху. Но, какъ ни былъ голоденъ поручикъ, — папахи онъ все-таки не отдалъ.

Несмотря на то, что большой госпиталь выходилъ на эту площадь, никто изъ нашихъ раненыхъ не былъ ни перевязанъ, ни осмотрѣнъ. Капитанъ Добротворскій даже разорвалъ рукавъ шинели и показывалъ руку нѣмцамъ и нѣмкамъ съ красными крестиками. Онъ тыкалъ здоровой рукой сначала въ себѣ, а потомъ въ направленіи госпиталя, затѣмъ показывалъ два пальца, стригъ ими воздухъ и говорилъ: «Цвей малъ — Япанише Кригъ удъ Варсовише Кригъ». — При этомъ капитанъ улыбался настолько пріятно, насколько это было возможно. Но нѣмцы и нѣмки только таращили на него глаза. А одна женщина, внимательно выслушавъ Добротворскаго, показала на него своей знакомой и повергъла пальцемъ около лба.

Насъ повели къ желѣзной дорогѣ. Надо было пройти че-резъ весь городокъ. Встрѣча была обычна — дѣти показы-вали языки, женщины плевались, а одну изъ нихъ конвойный оттолкнулъ ружьемъ — она несремѣнно хотѣла вѣтъпиться въ кого нибудь изъ плѣнныхъ. Надъ всей колонной стоялъ своеоб-разный сухой непрерывающійся трескъ — всѣ кашляли, на разные тона и голоса. Одни хватались за грудь, другіе за бо-ка; нѣкоторые, втянувъ голову въ плечи, старались удержать острый, дерущій приступъ. Лица были темныя, щетинистыя, страшно опавшія, шинели у всѣхъ стали черными отъ грязи и навоза. Никто не обращалъ уже на себя вниманія. Фуражки были надѣты, какъ попало: у однихъ козырекъ былъ на за-тылкѣ, у другихъ на боку, а у кого и просто отсутствовалъ — его отрывали, чтобы во время сна онъ не холодилъ лица.

Никто не говорилъ, всѣ ослабѣли. Это былъ шестой день плѣна, и за все время нѣмцы дали только по мѣшочку бискви-товъ.

Офицерамъ во время пути еще дѣлали поблажки, но и они были изнурены. А плѣнныя солдаты за эти шесть дней ни разу не почевали въ тепломъ помѣщеніи. Въ ихъ тысячной массѣ не было ни одного, кто говорилъ бы по-нѣмецки. Кто могъ стать ихъ защитникомъ и покровителемъ, кто могъ войти въ ихъ положеніе?

Насъ привели, наконецъ, къ длинной товарной рампѣ;

солдатъ распредѣлили группами по 60 человѣкъ, офицеровъ — отдельно. Затѣмъ шодали безконечный товарный составъ. Но нась долго не сажали. И только, когда мы уже начали совсѣмъ застывать, откатили дверцы вагоновъ, и комендантъ станциі рукой сдѣлалъ жестъ и сказалъ: «bitte». Полъ вагона находился на высотѣ плечъ, лѣстницъ не дали, и тѣ, у которыхъ были повреждены руки или ноги, не могли бы залѣзть внутрь безъ помощи своихъ говорищей. Нѣмцы же носились вдоль рампы и кричали ненавистное намъ «los», «los!..»

Когда мы всѣ влѣзли, за нами закатили дверь и задвинули засовъ; мы были закрыты, какъ въ курятникѣ. Насть было всего 14 человѣкъ. Вагонъ былъ просторный, конскій; кромѣ двухъ поперечныхъ досокъ, не было никакой другой мебели. Щелей было много, и черезъ нихъ мы могли видѣть, что дѣлается снаружи, но тамъ ничего не было интереснаго.

Наше первое чувство, когда мы очутились въ вагонѣ — была радость. Насть никто не видитъ, никто не ореть «los», не плюется вслѣдъ. Это радостное чувство выразилось въ пѣніи. Пѣли мы хоромъ, въ одиночку, какъ кому нравилось. Такъ было, пока мы не почувствовали снова голода. Начали думать, нельзя ли войти въ сношенія съ внѣшнимъ міромъ и получить хоть немного хлѣба. Штейнбергъ поднялъ люкъ и сторожилъ проходившихъ мимо людей. Это были то желѣзнодорожники, то военная охрана и, на наши просьбы о хлѣбѣ, они отвѣчали, что имъ запрещено даже разговаривать съ плѣнными.

Наконецъ, попался одинъ военный болѣе мягкаго характера. Сперва онъ былъ удивленъ и не могъ понять, откуда говорить. Потомъ увидѣлъ въ люкѣ голову Штейнберга. Первые слова его были — «Кригъ капутъ, Русь капутъ», — и запашгалъ было дальше. Но Штейнбергъ и Немечекъ впѣпились въ него съ отчаяніемъ голода. И нѣмецъ, видимо, понялъ, что передъ нимъ не на шутку измученные люди. Хлѣба, конечно, онъ дать не могъ и выразилъ только предположеніе, что нась могутъ накормить въ Познани, гдѣ есть питательный пунктъ для войскъ. До нея часъ съ небольшимъѣзды. Но въ его головѣ не было никакой увѣренности.

Къ голоду присоединился холодъ. Снаружи было градуса два мороза. Сама по себѣ такая температура не Богъ вѣсть какая, но находиться при этомъ въ закрытомъ, сыромъ отъ конской мочи вагонѣ, въ легкой шинели и кителѣ, голоднымъ, — было очень тяжело. Мы ходили, бѣгали, продѣлывали всякия движения, чтобы согрѣться. Но нельзя же было все время приплясывать и притоптывать: эта гимнастика вызывала быстрое утомление. Достаточно же было остановиться на пять минутъ, и холодъ струйками подбирался къ самому желудку.

Мы закрыли плотнѣе люки и сгрудились на скамейкѣ грѣть одинъ другого. Становилось темнѣе. Простоявъ часовъ шесть, поѣздъ тронулся. Было, приблизительно, 8 или 9 часовъ вечера. Движеніе настѣнно оживило. Черезъ часъ мы прибыли въ Познань. Мы попросили Штейнберга выглянуть въ оконко — не видать ли гдѣ питательного пункта, и завязать, если возможно, сношенія съ вѣтшнимъ міромъ. Но нигдѣ ничего не было видно. Мы стояли вдалекѣ отъ самой станціи, среди бесконечныхъ запасныхъ путей. Недалеко отъ насъ стоялъ поѣздъ съ немецкими призывными; судя по голосамъ, это была совсѣмъ зеленая молодежь. Насвистывали они «Пунсики» и, конечно: «Deutschland, Deutschland *über alles...*»

Это было все, чѣмъ угостили насъ въ Познани.

Съ полуночи стало еще холоднѣе, сквозь щели задуло вѣтеръ. Иногда кто нибудь отдѣлялся отъ общей кучи и начинать бѣгать. Мы съ поручикомъ Бабинымъ рѣшили обмануть холодъ. Снявъ наши шинели, одну разостлали на полу, а другой накрылись, какъ одѣяломъ. Такъ пролежали мы съ полчаса, но потомъ все-таки стало невыносимо холодно. Съ петербургіемъ ожидали дня. Казалось, когда появится свѣтъ, наступить тепло.

День пришелъ. Падалъ снѣгъ, дулъ вѣтеръ, поѣздъ мчался среди тщательно воздѣланныхъ полей. Останавливались мы, большей частью, среди запасныхъ путей, подальше отъ станцій.

Въ полдень на одной остановкѣ, машинистъ встрѣчнаго поѣзда, за русскій серебряный полтинникъ, бросилъ памъ бу-

тербродъ въ окошко. Бутербродъ былъ большой, изъ пахучаго пеклеваннаго хлѣба, съ масломъ и колбасой.

Развернувъ бумагу, одинъ изъ насъ, облеченный всеобщимъ довѣріемъ, принялъ дѣлить бутербродъ на 14 частей. Дѣлежка была самая добросовѣстная и очень кропотливая. Были приняты во вниманіе всѣ углы, выступы, горбинки, пустоты. 13 паръ глазъ слѣдило за этой сложной операцией. Когда, наконецъ, все было порѣзано и подѣлено, насталъ самый торжественный мигъ: одинъ касался пожомъ кусочка, а другой, обернувшись лицомъ къ стѣнкѣ, называлъ чье нибудь имя. Вызванному вручали его четырнадцатую часть.

Если въ этотъ моментъ справедливость и безпристрастіе праздновали гдѣ нибудь на землѣ свое торжество, то это было, несомнѣнно, въ нашемъ гагонѣ.

Получилъ и я свою часть. Жалко даже было ее есть; но голодъ — не тетка: проглотилъ.

На нѣкоторыхъ станціяхъ стражи подходили къ намъ и громыхала запорами:

— «Эй, русшише ливайне, живы вы еще?»

Послѣ этого дверь откатывалась и являлась усатая физіономія унтеръ-офицера ландштурмиста; онъ пересчитывалъ насъ и снова закрывалъ дверь. Въ одинъ изъ такихъ визитовъ Немечекъ спросилъ, какъ же быть тѣмъ, кто захочетъ пойти въ уборную. На это унтеръ-офицеръ отвѣтилъ:

— Вы, вѣдь, русскія свиньи и дѣлайте, какъ свиньи!..»

Одобрительнымъ смѣхомъ другіе пѣмцы отвѣтили на эту остроту. Къ солдатамъ же стражи совсѣмъ не заглядывала; заперты по 60 человѣкъ, они могли дѣлать тамъ все, что хотѣли.

Часа въ два дня поѣздъ остановился у самой платформы какой то большой станціи. Дверь открылась, ландштурмистъ крикнулъ: — «heraus, Kafee trinken...»

Я выглянулъ. Весь перронъ былъ усыпанъ пѣмцами и нѣмками; всѣ хотѣли видѣть, какъ русскихъ свиней поведутъ пить кофѣ. Увидѣвъ насъ, толпа загикала. Немечекъ и я, какъ мы ни были оба голодны, итти пить кофѣ отказались.

Остальные вышли и пошли вдоль поезда къ буфету. Крики, свистки, «Пупсики», «Deutschland», разумѣется.

— Какъ вы счастливы, что плохо знаете языкъ!.. — завидовалъ мнѣ Немечекъ. — Если бы Вы знали, что они иногда кричатъ. Не дай Богъ, если они останутся побѣдителями!..

Толпа на моментъ стихла; потомъ гиканіе началось опять: это наши возвращались изъ буфета. Какая то старуха бѣжала за ними и кричала, что плѣнныхъ слѣдуетъ вѣшать, а не пить кофѣ.

— Ну, и кофѣ, — рассказывалъ поручикъ Бабинъ: — хорошо вы оба сѣѣвали, что не пошли; налили намъ на всѣхъ три кружки черной, холодной бурды, нѣкоторымъ по кусочку хлѣба досталось. Вотъ и все...

На одной изъ остановокъ, на вопросъ Штейнберга, куда настѣ везутъ, — острякъ унтеръ - офицеръ отвѣтилъ, что мы будемъ въ Италію, гдѣ настѣ ожидаютъ дворцы, виноградъ, море... Снова стемнѣло, наступила вторая ночь въ поѣздѣ. Мы жались одинъ къ другому и молчали. Арцышевичъ выташилъ изъ подъ подкладки шинели корочку, величиной съ гороховый стручокъ, и подѣлился со мной. Это былъ нашъ ужинъ. У кого были ремни, тѣ поплотнѣе обвязали ими животы. Часовъ въ 8 поѣздъ остановился на громадной станціи. Это былъ Кассель. Настѣ сперва долго гоняли по путямъ; наконецъ, куда то прикатили и оставили въ покоѣ. Поручикъ Суражевскій выглянулъ въ щелку:

— Господа, мы у самой станціи, вагоновъ съ солдатами нетъ, мы одни, — заявилъ онъ.

Это всѣхъ заинтересовало. Попросили Штейнберга занять его дипломатической постѣ, то есть встать у открытаго люка. Ему удалось заговорить съ проходившимъ мимо нѣмецкимъ лейтенантомъ.

Оказалось, что лагерь для плѣнныхъ солдатъ находится въ Кассель; офицеровъ же повезутъ въ Мюнденъ, часа полтора бѣзы отсюда. Потомъ Штейнбергъ попросилъ, нельзя ли чего - нибудь достать поѣсть. Лейтенантъ разрѣшилъ каждому, имѣвшему деньги, купить по одной порціи сосисокъ съ хлѣбомъ. Но бѣда была въ томъ, что только двое или трое изъ настѣ имѣли по

нѣсколько десятковъ марокъ; ихъ удалось получить взамѣнъ случайно уцѣлѣвшихъ русскихъ рублей у нашихъ старыхъ конвойныхъ: они, проводивъ насъ до желѣзной дороги, возвращались обратно на позиціи, подъ Варшаву, и предпочитали имѣть русскія деньги.

Богачи рѣшили подѣлиться съ неимущими. Позвали проходившаго мимо лакея, и черезъ минуту онъ принесъ сосиски и хлѣбъ на тоненькихъ картонныхъ подносикахъ. Двумъ или тремъ не хватило, въ томъ числѣ и мнѣ. Я присѣлъ въ углу на корточкахъ. Какое чувство было у меня въ этотъ моментъ — зависѣть, равнодушіе, злоба — я не знаю. Казалось, что никакого. Но когда лакей принесъ недостающія порціи, и я получилъ свою, что то огромное и тяжелое скатилось съ души. Я тронулъ сосиски руками. Онѣ были пріятно теплыя. Каждому хотѣлось растянуть блаженство ъды подольше.

Ѣда чуточку согрѣла насъ; послѣ нея мы даже немного вздрогнули. Проснулись, когда нашъ вагонъ прицепляли къ поѣзду. Было очень холодно. Зубы такъ щелкали, что я боялся откусить языкъ.

Поѣздъ тронулся; замелькали одна за другой станціи, но насъ нигдѣ не думали высаживать. Въ ночной темнотѣ мы неслись въ неизвѣстную даль, и не было мысли, куда, надолго ли и что ожидаетъ насъ на новыхъ мѣстахъ. Холодное отчаяніе плавало въ воздухѣ и входило въ тѣло съ дыханіемъ.

Иногда легкая дремота на мгновеніе закрывала глаза. Стукъ колесъ превращался въ музыку, таинственную, какъ нѣдра земли, и прекрасную, какъ свѣтлое солице. Въ синемъ, безконечномъ пространствѣ летали жаръ-птицы Онѣ присаживались на удивительныя пальмы и пѣли. Звуки были чистые и прозрачные, какъ горный хрусталь. Душа прислушивалась къ нимъ и наслаждалась блаженствомъ. Потомъ — толчокъ, пробужденіе и снова вагонъ, холодъ, молчаніе.

На одной изъ маленькихъ станцій, когда мы мельчше всего ожидали, загремѣли засовы, и вагонная дверь откатилась. Мы прибыли.

Раздалось грубое, отогнавшее наши сны и мечты: —

«...ggaus». Четырнадцать человѣкъ изнуренныхъ, безоружныхъ плѣнныхъ окружило двѣнадцать здоровенныхъ ландштурмистовъ.

На вокзалѣ, несмѣтря на поздній часъ — было около полуночи — толпилось много народа. На одномъ изъ станціонныхъ фонарей я прочиталъ: «Münden».

Выйдя съ вокзала, мы шли сначала городомъ; дуль вѣтеръ, снѣжинки кололи лицо. Несмотря на разсѣянный свѣтъ рѣдко горѣвшихъ фонарей, всюду чувствовалась удивительная чистота и порядокъ; множество вывѣсоекъ: «Wursterei», «Baeskerei», «Colonialwaren».

Потомъ, миновавъ круглую, старую башню, мы перешли мостъ. Городъ остался позади; дорога начала подниматься вверхъ. Вместо городскихъ домовъ пошли виллы; на каждомъ воротахъ висѣла бѣлая дощечка съ изрѣченіемъ. Потомъ потянулись сады, огороды, пустыри.

Наконецъ, мы остановились у какого то зданія фабричнаго вида. Увидѣвъ насъ, часовой, шагавшій у самыхъ дверей, позвонилъ. На этотъ звонокъ вышли караулные съ ключами.

Вокругъ зданія и примыкавшаго къ нему большого двора шла двойная ограда. Наружная была изъ колючей проволоки, внутренняя — изъ гладкой въ мелкіе квадратики; обѣ одинаковой высоты, — приблизительно въ $1\frac{1}{2}$ человѣческихъ роста; отъ первой до второй я насчиталъ восемь большихъ шаговъ. Въ пространствѣ между ними, ближе къ наружной оградѣ, горѣли сильные фонари на высокихъ столбахъ, по четыремъ на каждой сторонѣ.

Насъ ввели во внутрь зданія и остановили въ темномъ коридорѣ: пошли кому то докладывать о нашемъ прибытіи. Черезъ минуту послышались шаги, щелкнулъ выключатель, зажглось электричество, показался дежурный офицеръ. Свѣжій цвѣтъ лица, ясные глаза очень молодили его, несмотря на сѣдые волосы. Большое бритое лицо было похоже на бабье.

Мы вошли въ одну изъ боковыхъ комнатъ. Тутъ насъ пересчитали, записали имя и фамилію каждого, мѣсто и годъ рожденія, день взятія въ плѣнъ. Мы должны были также вы-

вернуть наши карманы и показать кошельки, бумажники и документы.

Ожидая, пока очередь дойдетъ до меня, я разглядывалъ комнату. Она была оклеена розовыми обоями, на стѣнѣ висѣлъ небольшой портретъ Вильгельма и рядомъ съ нимъ — Гинденбурга. Въ одномъ изъ простѣнковъ стоялъ калориферъ. Отъ него шелъ непрерывный потокъ тепла. Оно пріятно касалось охолодавшаго лица. Словно послѣдніе клочки свободы плавали вокругъ и нѣжно прощались съ нами.

Покончивъ съ формальностями, настѣ погнали въ отведенную намъ комнату. Офицеръ шелъ впереди, за нимъ тянулись плѣнныe, сзади слѣдовало нѣсколько караульныхъ.

Зданіе оказалось бывшей фабрикой. У стѣнъ попадались сложенные доски, на полу валялись стружки, съ тихимъ гуломъ перекатывались при нашемъ приближеніи чугунныя трубы; иногда въ полумракѣ нога больно стукалась о валявшійся на землѣ радиаторъ.

Пройдя черезъ унылыя, пустынныя помѣщенія, мы по лѣстницѣ поднялись на верхній этажъ послѣдняго корпуса. Пройдя половину длиннаго корридора, дежурный офицеръ остановился. Подождавъ съ минуту отставшихъ, онъ открылъ ближайшую дверь. Сверху на ней было написано: *Zimmer № 145.*

Путешествіе наше кончилось. Мы прибыли. Кто то зажегъ электричество. Комната была довольно большая; направо и налево, вдоль деревянныхъ переборокъ стояло по 7 кроватей. Между двумя большими окнами, у стѣны, находился радиаторъ, передъ каждымъ окномъ — по небольшому столу. Надъ пими висѣли электрическія лампочки. На стѣнѣ у двери была приделана широкая полка; на ней стояли тазы, кувшины съ водой, а внизу бѣлѣлась ночная посудина. Поль былъ выстланъ не то толемъ, не то грубымъ линолеумомъ.

Вѣжливо откланявшись и пожелавъ намъ спокойной ночи, дежурный офицеръ и караульные ушли. Мы съ Арцышевичемъ заняли двѣ койки рядомъ, поближе къ окну. Матрацъ и подушка были набиты соломой; двѣ простыни, два шерстяныхъ одѣяла составляли постельную принадлежность.

Все это было безукоризненной чистоты. Мы раздѣлись и легли; кто то погасил свѣтъ. Я быстро и крѣпко заснулъ.

ГЛАВА IV.

Сонъ провелъ глубокую черту между настоящимъ и прошлымъ.

За ночь вся предшествующая жизнь отодвинулась въ бесконечную даль; къ ней, я зналъ, возврата не будетъ. Давила неопределенная тоска. Я чувствовалъ себя постарѣвшимъ на нѣсколько лѣтъ.

Я огляделся; никто не спалъ; всѣ лежали съ открытыми глазами и о чёмъ-то думали. Повернувшись на бокъ, я увидѣлъ на подушкѣ большую тощую воинъ. Прошла волна отвращенія. До сихъ поръ насѣкомыхъ у меня еще не было, но, по рассказамъ другихъ я зналъ, что разъ ихъ заполучивъ, избавиться отъ нихъ очень трудно.

Такъ начался мой первый день въ лагерѣ, официальное название которого было: «Offizier Kriegsgefangenen Lager, Han - Münden». Частица «Han» означала, что городъ находится въ провинціи Hannover.

Въ 8 часовъ утра открылась дверь и раздалось грубое «auf».

Мы стали подниматься. Потомъ этотъ же самый караульный, совсѣмъ мирно, стараясь не стучать сапогами, принесъ воды въ двухъ кувшинахъ и разговорился со Штайнбергомъ, не спуская, однако, глазъ съ двери. Онъ боялся, очевидно, чтобы его не обвинили въ дружелюбномъ отишпеніи къ плѣннымъ.

Онъ сообщилъ, что всѣ прибывающіе съ фронта русскіе военноплѣнныіе должны выдержать 2-хъ недѣльный карантинъ, такъ какъ нѣмцы боятся холеры и считаютъ русскихъ разносчиками заразы. Сегодня и завтра намъ будутъ прислуживать караульные, а потомъ должны пріѣхать изъ Касселя русскіе деньщики. Плѣнныхъ въ лагерѣ еще мало — нѣсколько

французскихъ и бельгийскихъ офицеровъ, и человѣкъ двадцать французскихъ духовныхъ лицъ — монаховъ, семинаристовъ, аббатовъ, забранныхъ на войну простыми солдатами. Внизу находится кантина; тамъ можно купить всякую мелочь. Оттуда же можно получать обѣды, ужины, утренний кофѣ, масло, хлѣбъ, словомъ, все пропитаніе.

Когда часовой ушелъ, мы стали разсуждать, что дѣлать. Денегъ у насъ не было, но у каждого, кромѣ Ѣды, были еще свои неотложныя нужды: у многихъ сбилась совсѣмъ обувь, всѣ нуждались въ бѣльѣ, надо было также попришивать пуговицы, почистить и починить платье.

Пришелъ вчерашній дежурный офицеръ. Какъ мы уже знали отъ караульныхъ, это былъ гауптманъ изъ запаса, музыкантъ по профессіи. Штейнбергъ изложилъ ему наше положеніе. Подумавъ, гауптманъ сказалъ, что онъ можетъ разрѣшить кантинщику оказать намъ кредитъ, съ условіемъ, заплатить при первой получкѣ. Это былъ неожиданный выходъ.

Черезъ четверть часа караульные принесли намъ хлѣба, масла, кофѣ и четырнадцать чашекъ. Хлѣбъ и масло были раздѣлены на точные четырнадцатые доли; было налито четырнадцать одинаковыхъ чашекъ.

Вскорѣ послѣ кофѣ появился другой гауптманъ, высокий, унылый, тощій, очень похожій на Донъ - Кихота безъ доспѣховъ. Гауптманъ Абтъ, прозванный съ первого же раза «живыми мощами», началъ опять допрашивать насъ: — Name, Vatername, Familienname, словомъ, продѣлалъ то, что уже было продѣлано, но только еще подробнѣе. Потомъ произвели тѣлесный обыскъ: заставили каждого снять китель, брюки, сапоги; щупали нѣть ли чего въ носкахъ; содержимое кашельковъ подвергалось кропотливому анализу, а бумажники и всѣ бумаги и письма было предложено сдать въ комендатуру для проверки. Не желая отдавать наши письма въ чужія руки, мы рвали ихъ на глазахъ у нѣмцевъ. Нѣмцы спокойно смотрѣли на это уничтоженіе. Очевидно, для нихъ важно было только исполнить приказаніе.

Съ чувствомъ злорадства, я разорвалъ подъ носомъ у Аб-

та письмо одного немца. Оно было найдено мной въ большомъ саду подъ Варшавой, послѣ боя. Три немецкихъ артиллериста были убиты тутъ подъ старой яблоней случайно залетѣвшей гранатой. Одинъ изъ нихъ держалъ закоченѣвшими пальцами написанное письмо. Я взялъ его изъ твердой, недававшей руки, съ мыслью отправить по указанному адресу, прибавивъ, какъ и где оно было найдено. Но послѣ этихъ нѣсколькихъ дней пребыванія въ плѣну, я уже не могъ найти въ душѣ жалости и состраданія къ врагамъ.

Въ обыскѣ Абту помогалъ верткій, со смыщенными глазами, фельдфебель, прозванный нами Фрицемъ, и двое несгибавшихся отъ большихъ животовъ ландштурмистовъ. Забравъ бумагники со всѣмъ тѣмъ, что было въ нихъ, Абтъ удалился.

Приблизительно черезъ часъ пришелъ немецкій докторъ, уже пожилой и симпатичный человѣкъ, съ нимъ санитаръ съ большой бутылью и шприцемъ. Бутыль и шприцъ настъ заинтересовали; кто-то предположилъ, что намъ будутъ вспрыскивать питательную жидкость; но вмѣсто этого мы получили по большому заряду анти-холерной прививки.

Капитану Добротворскому приходъ доктора далъ возможность отвести душу. Докторъ осмотрѣлъ его рану. Она оказалась на удивленіе чистой и благополучной: ни кость, ни сосуды не были задѣты. Зато у молчавшаго капитана Гладкевича дѣло было хуже. Докторъ обѣщалъ ихъ обоихъ осмотрѣть еще разъ, немного позже, въ приемномъ покоя. Потомъ докторъ, санитаръ, бутыль и шприцъ исчезли.

Въ коридорѣ раздался радостно волнующій звукъ посуды; одинъ ландштурмистъ принесъ гору тарелокъ, двое другихъ — по большой чашкѣ; въ одной былъ супъ, въ другой — котлеты, величиной съ кукишъ, и картофель. У меня въ первый моментъ мелькнула мысль, что ландштурмисты по дорогѣ поплевали и въ супъ, и въ картофель; по крайней мѣрѣ, судя по тому, какъ они втроемъ переглядывались и пересмѣивались и показывали глазами одинъ другому, то на супъ, то на картофель, было ясно, что ихъ что-то забавляло. Но я постарался не думать, что именно. Обѣдали мы на два стола, по семи на

каждомъ; какая была дѣлекка — говорить, конечно, не приходится.

Послѣ обѣда игроки достали карты изъ кантини и сѣли играть въ преферансъ. Они тасовали, сдавали, объявляли козырь, записывали, спорили и не замѣчали ни времени, ни обстановки. Но не-игроки томились: нечего было дѣлать, и этоничегонедѣланіе было страшно тяжелымъ дѣломъ. Я лежалъ, ходилъ по комнатѣ, глядѣлъ въ окно.

Нашъ лагерь находился въ долинѣ, между двумя невысокими горами, почти на самомъ берегу Везера. Это была небольшая рѣка съ желтой водой и ровными берегами: она брала свое начало, какъ намъ уже сказали караульные, изъ сліянія двухъ еще меньшихъ рѣчекъ — Фульды и Верры, недалеко отъ острова, который былъ виденъ нѣсколько вправо изъ окна. По склону горы напротивъ проходила желѣзная дорога; на самой горѣ росъ лѣсъ. Къ лагерю примыкалъ обширный дворъ. Тамъ росли какие то кусты, виднѣлись грядки, стояло нѣсколько десятковъ фруктовыхъ деревьевъ. Въ промежуткѣ между рѣшетками — часовые. Всюду была грязь, сплошныя сѣрыя тучи закрывали небо, падала мгла, двѣ мокрыя вороньи дрались неподалеку, на берегу Везера.

День, наконецъ, кончился. Это былъ одинъ изъ самыхъ скучныхъ дней въ моей жизни. Часовъ въ 8 вечера пришелъ Абтъ и фельдфебель, похожій на приватъ - дэнцента. Первый сталъ у двери, а второй досталъ списокъ съ нашими фамиліями и провѣрилъ наличность; уѣхавшихъ не оказалось.

На слѣдующій день разрѣшили написать роднымъ. Всякий, кто хотѣлъ, могъ на полу-листѣ почтовой бумаги сообщить въ Россію о себѣ. Но надо было писать по-нѣмецки. Штайнбергъ, по просьбѣ всѣхъ, написалъ образецъ письма и повѣсилъ его на стѣнкѣ. Писавшіе подходили и читали вслухъ: «ich befinde mich», послѣ чего торопливо бѣжали къ себѣ и записывали, повторяя вслухъ нѣмецкія слова. Иногда кто нибудь спрашивалъ: «Господа, что послѣ befinde писать?..» Труднѣе всего было запомнить выраженіе — Offizier - Kriegs - gefangenен Lager. Изъ-за него многіе бѣгали къ стѣнкѣ не одинъ разъ; чи-

тали его со вниманиемъ, сначала медленно, потомъ скороговоркой, но, возвращаясь, теряли по дорогѣ нѣсколько буквъ и снова бѣжали прочесть трудное слово.

Передъ полуднемъ явился новый дежурный, лейтенантъ Вальтеръ. Возраста онъ былъ, какъ и Абтъ, довольно неопределенаго — не моложе 45, но и не старше 60.

Войдя въ комнату, Вальтеръ потянулся носомъ: въ комнатѣ было накурено. Для первого же знакомства, Вальтеръ объявилъ, что «das Rauchen im Zimmer ist strengst verboten».

Немечекъ замѣтилъ:

— Другими словами, Вы запрещаете намъ курить?

— Вообще нѣть, по въ комнатѣ — да.

— Но гдѣ же намъ курить, намъ выходить, вѣдь, нельзя?

— Въ комнатѣ курить запрещается; виновные будутъ паказаны.

На разсвѣтѣ одного изъ ближайшихъ дней меня разбудилъ какой то шумъ. Я оглянулся — у полки съ тазами шевелились двѣ фигуры — черная и сѣрая. Черный — былъ караульный, а сѣрий — русскій солдатикъ. Нѣмецъ указывалъ на ведра, на кувшинъ, а потомъ на дверь; сѣрая фигура утвердительно кивала головой. Объяснялись они жестами быстро и вполнѣ, видимо, понимали одинъ другого.

Въ Мюнденъ русскихъ деньщиковъ прислали изъ Касселя. Намъ дали для прислуживанія артиллериста, взятаго еще въ августѣ при пораженіи Самсоновской арміи. Звали его Григоріемъ; фамиліи, къ сожалѣнію, не помню. Родомъ онъ былъ изъ Смоленской губерніи и до мобилизациіи служилъ кучеромъ въ имѣніи Муравьевъ, бывшаго министра юстиціи. Григорій былъ красивый, чисто русскій типъ. Его богатырскій ростъ и сложеніе какъ то не вязались съ робкими движеніями и несмѣлимъ полушипотомъ. Передвигаясь, онъ старался ходить на цыпочкахъ; пугливо вздрагивалъ и оглядывался назадъ, если чтонибудь громко стучало въ его рукахъ. Безконечный трепетъ глядѣль изъ его голубыхъ, славянскихъ глазъ. Несмѣло взглянувъ, онъ ихъ немедля же опускалъ къ землѣ. Одѣтъ онъ былъ какъ будто ничего. Онъ принесъ воды, потомъ сходилъ за кофѣ.

— Какъ вамъ жилось въ Кассель? — спросилъ его Немецкъ, когда Григорій явился подметать комнату.

Мы всѣ подошли поближе.

Григорій поднялъ глаза и закачалъ головой:

— Бѣда, Ваше Благородіе, сущая бѣда! Сказать просто невозможно. Первое дѣло — голодъ. Ёсть не даютъ, съ голоду народъ пухнетъ и мрутъ, какъ мухи. До чего дѣло доходитъ: берутъ изъ нашего лагеря плѣнныхъ на работу, за городъ, землю копать, навозъ раскидывать; вотъ, если увидятъ наши гдѣ по дорогѣ помойную яму — бѣгомъ къ ней; картофельную шелуху, отбросы разные, морковь гнилую — все тутъ же сырьемъ жрутъ, а кто въ запасъ, за пазуху, въ карманы пихаютъ; конвой не слушаются, а тотъ ихъ штыками да прикладами колотить. Какъ пойдетъ на работу человѣкъ сорокъ работать — только тридцать, а то и меньше въ лагерь вернется — кто по дорогѣ падъ, кто за работой. Развѣ можемъ мы теперь работать? Всѣ, вѣдь, страсть ослабѣвшіе. А кто падъ, тотъ пропадъ. А потомъ, Ваше Благородіе, наши въ лагеряхъ еще и такъ дѣлаютъ: возьмется человѣкъ двадцать — тридцать за руки и на лагерную проволоку лѣзутъ — можетъ быть, хоть ктонибудь изъ православныхъ убѣжитъ разскажать, какъ плѣнные живутъ; а тутъ ихъ бываютъ и изъ пулеметовъ, и изъ винтовокъ. Страсть, что народу гибнетъ. Насъ, какъ захватили на фронтѣ, сейчасъ же въ Германію направили. Шесть сутокъ въ закрытомъ вагонѣ пробылъ; тяжело — раненые поумирали, у другихъ черви завелись. Такъ всѣ и валялись въ повалку: раненые, мертвые, живые... Сначала насъ въ какомъ то лагерѣ въ Пруссіи держали, у кого были какие деньжонки — все проѣли. Тифа голодная пошла между плѣнными. Къ зимѣ насъ въ Кассель перевели; утромъ, значитъ, черезъ городъ погнали. Ваше Благородіе, сколько сраму то мы приняли: городъ чистый, большой, а мы оборванные, босые; у кого даже, простите, и брюковъ нѣть, въ порванныхъ кальсонахъ только. Страшно смотрѣть было на православныхъ. Нѣмки, и тѣ останавливались, плакали, на насъ глядячи...

Глаза Григорія наполнились слезами.

— Пришли мы въ лагерь. Первое время въ палаткахъ жи-

ли. На дворѣ — снѣгъ и холодъ, а насы заставляютъ души холодные каждый день привимать. Одѣялъ не давали, и шинели для дезинфекціи отобрали. Обрили насы всѣхъ — нѣмцы вшей истребить хотѣли, чтобы тифъ прекратить, да гдѣ тутъ! Ложишься вечеромъ, а утромъ, глядишь, — сосѣдъ мертвый. Особливо французы мрутъ....

А какъ бываютъ нашего брата! Назначаютъ по уборкѣ лагеря; чуть подмель не такъ, или соръ гдѣ остался, — либо штыкомъ, либо прикладомъ; и валится человѣкъ; его сейчасъ на рогожу, да въ околотокъ, а оттуда уже на кладбище.

— Что вамъ даютъ єсть? — кто-то спросилъ Григорія.

Тотъ махнулъ рукой.

— Ваше Благородіе, истинный Богъ не вру я! У нѣмцевъ собаки есть въ лагерѣ, — такъ ребята пробовали: нальютъ имъ нашей баланды, ия одинъ песъ не дотронется до нея, понюхаетъ и только. Ёсть, ну прямо невозможно, но между прочимъ, наши єдятъ...

10 000 плѣнныхъ, баютъ, въ Касселѣ померло. Еврейчикъ одинъ будто сказывалъ; онъ туда къ нѣмцамъ по письменной части устроился, такъ докumentы эти видѣлъ. Я самъ чуялъ, что мнѣ не долго тянуть, да какъ то вечеромъ приходить изъ комендатуры и говорятъ: у кого сапоги получше, тѣмъ утромъ завтра въ канцелярію явиться, но зачѣмъ — неизвѣстно. А у меня какъ разъ сапоги уцѣлѣли, — вотъ я и раздумался — итти или не итти. Но утромъ все-таки пошелъ. Выстроили насы передъ канцеляріей, осмотрѣли сапоги, одежду; у кого было поплоше, того назадъ отослали, а у кого получше, тѣмъ сказали — собираите ваши вещи, поѣдете денъциками въ офицерскій лагерь. Тутъ, значитъ, обрадовались ѿѣзжающіе: все-таки въ офицерскихъ лагеряхъ жизнь должна быть лучше. Только въ самую послѣднюю минуту меня чуть не оставили.

— Какъ такъ?

— Приходитъ ко мнѣ нашъ, что въ канцелярію задѣлся, и говорить, что писарь изъ комендатуры требуетъ по 10 марокъ съ каждого, кто уѣзжаетъ. Откуда-жъ у плѣнного

столько денег? Заметались мы, кто штаны продалъ, кто бѣльишко, кто сапоги обмѣнялъ — хороше на плохіе, придачу деньгами взять, а которые ничего не дали — тѣ такъ и не поѣхали.

До окончанія карантина нась никуда не выпускали. Дни проходили въ томительной скукѣ, и мы съ нетерпѣніемъ ожидали возможности выйти на дворъ. Черезъ два или три дня въ соседней комнатѣ появились новые русскіе плѣнныя. Мы переговаривались съ ними черезъ переборку, но новаго ничего не узнали. Они были взяты только на нѣсколько дней позже нась, и ихъ интересовали, главнымъ образомъ, вопросы єды.

Газетъ намъ нѣмцы не давали, и наши свѣдѣнія о военныхъ событіяхъ ограничивались лишь тѣмъ, что удавалось Штейнбергу украдкой прочитать въ комендатурѣ, куда его иногда вызывали по нашимъ дѣламъ.

Лишенный возможности заниматься, я дѣлалъ то же, что и остальные: лежалъ, ходилъ, глядѣлъ въ окно, присматривался къ обстановкѣ.

Насъ было, какъ я уже сказалъ, четырнадцать человѣкъ — капля выхваченная изъ человѣческаго моря. Но эта капля имѣла всѣ качества и свойства своего цѣлага, а главное — его разнообразіе. Эти четырнадцать сырыхъ фигуръ, находившіяся въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ, жили и действовали каждая по своему.

Несмотря на очевидность плѣненія, мы какъ то не могли принять его; большинство все еще жило въ прошломъ, въ ожиданіи какого то чуда, которое вернетъ ихъ къ прежнему; у нѣкоторыхъ же сопротивленіе настоящему выражалось въ безмысленной, истощавшей ихъ самихъ ругани. Однимъ изъ первыхъ, который увидѣлъ и призналъ новое положеніе, былъ нашъ переводчикъ, прaporщикъ Штейнбергъ.

Онъ не сталъ тратить силъ на бесплодныя сожалѣнія и на враждебность къ тѣмъ, въ чьей власти мы находились теперь.

Будучи родомъ изъ Прибалтійскаго края и прекрасно

владѣя нѣмецкимъ языкомъ, Штейнбергъ всегда могъ бы создать для себя терпимыя условія. Но одна возможность этого вызывала уже къ нему подозрительное отношеніе со стороны лицъ, вродѣ капитана Добротворскаго. Онъ приставалъ къ Штейнбергу изъ злобы и недовѣрія, требуя заботъ и вниманія къ себѣ самому; и Штейнбергъ не видѣлъ маленькихъ острыхъ глазъ капитана, искающихъ только разсчета въ каждомъ его шагѣ. Именно капитану Штейнбергъ давалъ больше всего отъ доброты своего сердца.

Если въ дорогѣ Добротворскаго донимали неудобства, то здѣсь ихъ оказалось еще больше. Все время ему дуло то отъ двери, то отъ стѣны; онъ оказался носителемъ множества симптомовъ; отъ самого простого изъ нихъ ему грозила скорая смерть.

Все это Штейнбергу приходилось переводить доктору, приходившему къ намъ по утрамъ дѣлать перевязки.

Со стороны многихъ изъ насъ отъ Штейнберга требовалось безусловное осужденіе того, что дѣлали нѣмцы по отношенію къ плѣннымъ. Но начни онъ осуждать, дай мѣсто въ своей душѣ злобѣ, онъ утратилъ бы душевную легкость и свободу, которыхъ были ему необходимы, чтобы обращаться къ нѣмцамъ съ просьбами.

Оцѣнили его первые нѣмцы. Не чувствуя въ немъ враждебности, дѣлающей человѣка узкимъ и несправедливымъ, они позволили ему заботиться о своихъ товарищахъ. И Штейнбергу пришлось сыграть большую роль во время нашего путешествія и въ первые дни пребыванія въ лагерѣ. Если мы въ дорогѣ кое какъ питались и ночевали въ домахъ, то этимъ въ большой степени были обязаны ему. Когда ему удавалось получить отъ конвойныхъ кусокъ хлѣба, сигару, папиросъ, онъ всегда дѣлился съ другими.

Онъ былъ совладѣльцемъ одной торговой фирмы и жилъ до войны, если не въ роскоши, то въ большомъ достаткѣ. Несмотря на это, теперь онъ меньше всего заботился о своихъ удобствахъ. Однажды въ Польшѣ насъ всѣхъ помѣстили въ

одной избѣ; одному не хватило мѣста; и это былъ Штейнбергъ, который ушелъ искать себѣ пристанища.

Ему много что приходилось выслушивать отъ нѣмцевъ на нашъ счетъ, а отъ настъ — про нѣмцевъ. Но онъ съ удивительнымъ тактомъ умѣлъ смягчить обидныя вещи и никогда не терялъ душевнаго равновѣсія. Это сильно обезоруживало нѣмцевъ, чѣмъ наши требованія и брань. Однажды, во время дороги, онъ засмотрѣлся и вышелъ изъ рядовъ. Къ нему съ проклятіями и ругательствами подскочилъ пруссакъ — конвойный. Штейнбергъ сказалъ ему только нѣсколько словъ спокойнымъ тономъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что на слѣдующей остановкѣ этотъ же нѣмецъ по всей деревнѣ искалъ для насъ помѣщенія.

Мнѣ вспоминается его высокая, худая фигура съ золотистыми волосами и веснушчатымъ лицомъ. Жена его была русская. У него имѣлся ся небольшой портретъ; хранился онъ тщательно завернутымъ въ пустомъ кошелькѣ. Онъ часто вынималъ его и, насмотрѣвшись, цѣловалъ украдкой.

Благожелательство и мягкость Штейнберга заслужили ему въ концѣ концовъ всеобщее расположение.

Человѣкомъ совершенно другого сорта былъ прaporщикъ Немечекъ. Невысокий, плотный, смуглый, въ черномъ дубленомъ полуушубкѣ и мѣховой шапкѣ съ наушниками, онъ походилъ на сердитаго ежа. Желчный и раздражительный, отъ роли переводчика онъ рѣшительно уклонился. Даже своему бывшему начальству, капитану Добротворскому, открыто заявилъ, что не намѣренъ переводить всѣхъ его глупостей.

Труднѣе всего было жить съ поручикомъ Корсовскимъ. По сложенію и по силѣ это былъ атлетъ, а по замашкамъ — хулиганъ. При мнѣ онъ часто говорилъ, что прaporщики запаса ни къ чорту не годятся. Не разъ въ полку еще онъ высказывалъ сомнѣнія въ ихъ мужествѣ и распорядительности; это не помѣщало ему самому сдаться безъ единой царалины при обстоятельствахъ, о которыхъ онъ кратко говорилъ: «иначе пельзя было».

Своему однополчанину, Бабину, онъ любилъ рассказывать, какъ въ Егорьевскѣ, гдѣ стоялъ ихъ полкъ до войны,

онъ шашкой колотил «штаковъ», и какъ всѣ уступали ему дорогу изъ-за боязни скандала. Въ плѣнѣ, при видѣ нѣмецкихъ штыковъ, Корсовскій смирился. Способность повиноваться онъ считалъ признакомъ настоящаго военнаго. Такъ какъ среди настъ никто, кроме прапорщиковъ, не говорилъ по-нѣмецки, то ему пришлось нѣсколько смягчить свое сужденіе о ихъ неголности. И, несмотря на всю грубость и невоздержанность Корсовскаго, въ немъ проглядывало иногда что то глубоко напивное, почти дѣтское. Онъ былъ болѣшимъ трезвеннокомъ, не игралъ въ карты, былъ, по-своему, честенъ.

Пѣны часами онъ прѣлъ солдатскія пѣсни: попросить его перестать — значило получить грубый отвѣтъ. Но въ свою очередь, другіе могли ходить хоть на головахъ — Корсовскому было все равно.

Самымъ близкимъ его товарищемъ былъ поручикъ Бабинъ. Если Корсовскій открыто высказывалъ свое мнѣніе о превосходствѣ военного человека надъ не-военнымъ, то Бабинъ, ничего не говоря, собственнымъ поведеніемъ показывалъ это. Когда его кто то изъ младшихъ по чину называлъ — «поручикъ Бабинъ», онъ поправилъ: «господинъ поручикъ». Съ нимъ можно было бы мириться, если бы не преувеличенное стремленіе его къ справедливости. Справедливость же была для него ограничена параграфами военныхъ уставовъ.

Походилъ въ этомъ отношеніи на Бабина и поручикъ Берестовъ. Онъ считалъ ниже своего достоинства застилать утромъ постель, хотя мы ничего не дѣлали круглые сутки. Нѣмецкаго языка онъ совсѣмъ не зналъ; чтобы не просить Штейнберга или Немечека и тѣмъ не унизить себя. Берестовъ всюду посыпалъ Григорія. Тотъ покупалъ ему бѣлье, туфли, бѣгалъ даже къ портному — отдавать въ починку шинель. Въ это же время Берестовъ ходилъ по комнатѣ и насвистывалъ какой нибудь маршъ или разбиралъ съ Корсовскимъ и Бабиннымъ, такъ ли беруть нѣмы на караулъ, какъ у настъ, или по другому.

Тихимъ и скромнымъ человѣкомъ былъ капитанъ Гладкевичъ. Его никогда не было слышано. Рана у него была большая, серьезная; она заставляла его много страдать, но онъ никогда

не жаловался. Если же боль была невмоготу, онъ ходилъ по комнатѣ, тихо баюкая раненую руку. Шумъ, поднимавшійся другими, и всѣ неудобства нашей жизни, онъ переносилъ безъ жалобъ; и только кряхтѣлъ, когда докторъ дѣлалъ ему перевязку. Когда же боль стихала, онъ улыбался доброй, хорошей улыбкой.

Несмотря на то, что обстановка наша была совсѣмъ неподходящей для больныхъ, докторъ долго отказывался взять въ лазаретъ нашихъ раненыхъ. И только уступая настойчивости Добротворского, онъ, наконецъ, отправилъ его и Гладкевича въ госпиталь.

Въ комендатурѣ Штейнбергъ узналъ, что плѣннымъ офицерамъ будуть платить по 60 марокъ въ мѣсяцъ. Мы съ Арцышевичемъ сдѣлали разсчетъ. Цѣны были такія: обѣдъ стоилъ 75 пфенинговъ, 2 фунта хлѣба — 80 пф., десятокъ папиростъ отъ 40 до 80 пф., фунтъ масла — 4 марки, сахаръ — 75 иѣ., чашка кофѣ съ молокомъ и сахаромъ — 20 пф., вечеромъ кантинщикъ готовилъ свинину, сосиски, колбасу; это стоило 1 — 1½ — 2 марки. Кромѣ ъды, были и другие расходы. Но мы не могли выходить изъ дневного бюджета въ 2 марки. И, проведя нѣсколько дней въ роскоши и обиліи, публика начала сокращать расходы. Вместо кофѣ, мы попросили давать намъ кипятокъ; кантинщикъ сначала было заупрямился, но, подумавъ, назначилъ за каждый чайникъ соответствующее число пфенинговъ и успокоился.

Григорій былъ въ это время для насъ, какъ родной батька. Онъ носилъ кипятокъ, обѣдъ, мыль посуду, подметалъ комнату; самъ спрашивалъ, нѣть ли чего постирать; застипалъ постели, въ точности зналъ, что у кого есть и чего кому надо изъ съѣстнаго. Дѣлился съ нами тѣмъ, что сообщали нѣмцы - караульные, — несмотря на незнаніе языка, наши деньгищики ухитрялись очень недурно объясняться съ ними при помощи знаковъ. Такъ какъ прибылъ Григорій изъ Касселя налегкѣ, — сапоги, штаны, гимнастерка и фуражка, то Арцышевичъ далъ ему свою нижнюю теплую рубашку и кальсоны..

Насколько это было возможно, мы старались привести себя

въ порядокъ: чинили платье, мыли бѣлье въ тазахъ для умыванія. Но стирка въ холодной водѣ мало что значила: отъ насѣкомыхъ, главное, она не избавляла. Чтобы заполнить оставшееся время, одни, какъ я сказаъ, играли въ карты, другие ходили изъ угла въ уголъ или разговаривали... говорили обо всемъ: о прошломъ, о будущемъ, о шахматахъ, о Россіи, о войнѣ. Споры въ комнатѣ становились иногда довольно горячими.

Умиротворяющимъ элементомъ среди насъ выступалъ тогда поручикъ Суражевскій. Ему въ большой степени было врождено чувство мѣры и спокойное отношеніе къ вещамъ; умѣло, не обидно онъ успокаивалъ всякаго, слишкомъ далеко зарывавшагося въ политику или войну. Вообще же, онъ былъ веселаго нрава и любилъ смѣшить окружающихъ. Спалъ онъ дольше и крѣпче всѣхъ. Проснувшись, разсказывалъ, гдѣ былъ во снѣ и что ꙗлъ, такъ какъ безъ ёды у него не обходился ни одинъ сонъ. Ему завидовали, особенно Саламатинъ, самый здоровый среди настѣ тѣлесно и душевно.

На Саламашу, какъ его всѣ ласкательно звали, природа отпустила самый лучшій матеріалъ. Дѣтина выпелъ изъ него гарный, румянецъ залѣзъ ему даже на лобъ. Лицо у него было необыкновенное: квадратное, съ римскимъ профилемъ и чуть сдвинутымъ въ сторону носомъ. Походя по сложенію на здороваго, сильнаго бычка, Саламаша имѣлъ очень маленькия ручки и ножки. Въ свое время онъ учился въ какомъ то институтѣ въ Москвѣ, потомъ въ Кіевѣ, Ростовѣ, Саратовѣ и уже не помню, гдѣ еще. Въ моментъ мобилизациіи онъ переводился, кажется, въ институтъ восточныхъ языковъ во Владивостокѣ. Бумаги обѣ его студенческомъ званіи задержались въ пути, и онъ былъ взятъ на войну, какъ и мы всѣ. Онъ вносилъ въ нашу жизнь струю чего то свѣжаго и здороваго. Если отъ чего онъ и страдалъ, то только отъ пѣбытка непользованной энергіи и отъ аппетита. Его любили за веселье, за искренность, за благожелательность, и охотно прощали, когда онъ, говоря о чёмъ нибудь, во время ёды, стрѣлялъ въ собесѣдника кусочками хлѣба, картофеля, словомъ, всего того, чѣмъ былъ набить его ротъ въ тотъ моментъ.

Во время карантина, мы съ Саламашей припоминали наших великихъ писателей.

Душѣ, взволнованной всѣми пережитыми событиями, хотѣлось остановиться на чёмъ нибудь высокомъ и утѣшительномъ, что дало бы возможность найти потерянную точку, напутать вновь нравственный стержень..

Саламатинъ, обладавшій прекрасной памятью, читалъ мнѣ наизусть цѣлую страницу изъ «Анны Карениной», «Войны и Мира», «Дѣтства и Отрочества».

Лежа на постеляхъ, лицомъ другъ къ другу, мы повторяли, заученные когда то, простыя, но удивительныя строки:

На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый,
Задумавъ плыть по лону водъ,
Ступаетъ бережно на ледъ. Скользить и падаетъ.
Мальчишекъ радостный народъ
Коньками звучно рѣжетъ ледъ...
И рады мы
Проказамъ матушки зимы.

Припоминали «Демона»: его тоску, любовь, клятвы, коварство...

И это заставляло настъ забыть окружающую обстановку; мы переносились въ наши безконечныя степи, поля и лѣса, гдѣ бродить зачарованная и тоскующая русская душа.

ГЛАВА V.

Наконецъ, во время вечерней повѣрки дежурный офицеръ сказалъ Штайнбергу длинную фразу; она начиналась словами «Meine Herren» и кончалась — «zum Ende». Штайнбергъ выслушалъ и обратился къ намъ:

— Господа, завтра кончается карантинъ. Можно будетъ выходить въ садъ и гулять.

На следующее утро наша комната опустела: все пошли подышать воздухом и познакомиться с расположением лагеря. Мы гуляли по размокшим аллеям, смотрели через решетку на Везеръ, разглядывали постройки, дворъ и всю местность вокруг.

Наш лагерь состоял из двухъ большихъ корпусовъ, соединенныхъ третьимъ — пониже и поменьше. Наша комната помѣщалась въ пятомъ этажѣ третьего корпуса.

Русскихъ плѣнныхъ за дѣй недѣли карантина значительно прибавилось; изъ многихъ оконъ на насъ смотрѣли такія же, какъ и мы, сѣрыя фигуры. Иногда открывалась гдѣнибудь форточка, и насъ спрашивали, изъ какихъ мы частей, когда и гдѣ были взяты; завязывались коротенькие разговоры.

Кромѣ насъ, въ саду гуляли бельгийцы и французы. У бельгийцевъ были черныя крылатки и высокія кэпи. Бросалась въ глаза французская форма — красныя брюки, красное кѣпи, синяя шинель. Одинъ изъ насъ — офицеръ — артиллеристъ выразилъ изумленіе:

— Въ такихъ то цвѣтахъ, да воевать!.. И утверждать послѣ этого, что «французы готовились къ войнѣ»...

Саламаша, человѣкъ нрава общительного и къ тому же говорившій по-французски, первый изъ насъ завелъ знакомство съ союзниками.

Мы обошли въ саду всѣ дорожки, подышали свѣжимъ воздухомъ и передъ обѣдомъ снова вернулись къ себѣ, осмотрѣвшись по пути кантину и столовую. Кантинна помѣщалась въ томъ же корпусѣ, что и наша комната, въ самомъ нижнемъ этажѣ. Она была похожа на большую клѣтку, гдѣ вместо птицы метался коротко остриженный, толстенький, съ золотой цѣпочкой по животу, кантинщикъ. На полкахъ было разложено бѣлье, мыло, папиросы, сигары, пинки, хлѣбъ, масло. Кухня находилась внизу, въ полуподвалномъ этажѣ.

Столовая занимала весь нижній этажъ средняго корпуса. Съ одной стороны окна выходили въ садъ, съ другой — на крышу машиннаго отдѣленія. Отъ стѣны до стѣны стояли длинные, жидкіе столы, безъ скатертей, безъ kleenокъ; передъ ни-

ми — такія же длинныя, гнущіяся скамейки. Стѣны были совершенно голыя, съ бурыми отъ сырости клиньями.

Первый день нашей относительной свободы не принесъ особой радости. Наоборотъ, душевная пустота стала, какъ будто, еще невыносимѣе; передъ нами лежало печальное будущее, совершенно неизвѣстной длины.

Чѣмъ заполнить его?

Потянулись одинъ за другимъ дни; одни были сѣрые, дождливые, другіе — свѣтлые, солнечные; но тѣ и другіе — скучные, безодержательные, до такой степени, что мы съ трудомъ различали вчера и сегодня.

Всюду зрѣніе утомляли однообразные прямоугольники стѣнъ, половъ, потолковъ, оконъ; ничего не было, чтобы ихъ скрашивало, нигдѣ не чувствовалось ни малѣйшаго уюта. Даже солнце мало веселило. Оно наскоро заглядывало въ лагерь и торопливо пряталось за горой.

Вскорѣ послѣ окончанія карантина, въ лагерь прибыло сто двадцать офицеровъ - сибиряковъ; между ними — два генерала — одинъ пѣхотный, другой артиллерійскій.

Въ общемъ, въ началѣ декабря плѣнныхъ было уже че-ловѣкъ 300; изъ нихъ русскихъ насчитывалось около 200, около 80 французовъ и человѣкъ 20-25 англичанъ.

Если не было дождя, плѣнныя гуляли утромъ въ саду. Возвращаясь передъ обѣдомъ къ себѣ, я иногда заходилъ въ столовую послушать, о чѣмъ говорять и узнать, — нѣть ли какихъ новостей. Въ столовой всегда толпилось множество народа. Преобладали русскіе. Изъ завсегдатаевъ столовой нѣсколько лицъ останавливали па себѣ особое вниманіе.

У калорифера прохаживался обыкновенно старенький капитанъ. Говорилъ онъ тоненьkimъ голоскомъ, ходилъ въ теплыхъ туфляхъ и то съ нѣкоторымъ трудомъ; носилъ шерстяную фуфайку и очень любилъ тепло.

Пошелъ капитанъ на войну добровольцемъ изъ отставки. Онъ былъ такой ясный и безобидный, что даже нѣмцы все ему оставили, кромѣ оружія, конечно. Кажется, по этому случаю въ газетахъ было напечатано, что у русскихъ совсѣмъ нѣтъ ре-

зервовъ и что они глубокихъ стариковъ посылаютъ на войну. Фамиліи этого капитана никто не зналъ; для плѣнныхъ онъ былъ извѣстенъ подъ названіемъ «капитанъ Николай Угодникъ».

Другой капитанъ, рыжеватый, съ лицомъ, въ которомъ было что то рысье и лисье, цѣлыми часами молча шагалъ въ самомъ темномъ углу сгромной столовой, прикрывая рукой владимірскую ленточку, нашитую на петлѣ кителя. Звали его у настъ: «часовой у Гроба Господня»; это очень ему шло.

Всѣ эти прозвища были пущены полковникомъ Гавриловымъ, паходившимся обыкновенно тутъ же.

Высокій, кряжистый полковникъ, несмотря на цвѣтъ волосъ «перца съ солью», имѣлъ юношески - свѣжій видъ и румянецъ во всю щеку. Онъ казался старшимъ братомъ своего сына - кадета, который изъ корпуса бѣжалъ къ отцу на войну. Оба вмѣстѣ они и были взяты въ плѣнъ. Полковникъ Гавриловъ облюбовалъ столовую и, сидя у калорифера, окруженный толпой, рассказывалъ были и небылицы.

Междуд прочимъ, онъ совершенно серьезно увѣрялъ, что лейтенантъ Вальтеръ вечерами превращается въ собаку и бѣгаетъ къ нашему лагерю понюхать, не пахнетъ ли табакомъ. Говорилъ Гавриловъ серьезно, а слушатели помирали со смѣху.

Какъ я уже сказалъ раньше, однимъ изъ первыхъ распоряженій лагерного адъютанта, лейтенанта Вальтера было запрещеніе курить. Правда, прямого запрета не существовало: нельзя только было курить внутри зданія и во дворѣ.

Черезъ нашихъ старшихъ мы обратились къ коменданту съ просьбой разъяснить, на какомъ основаніи плѣннымъ запрещаютъ курить.

Но отвѣта на эту просьбу не послѣдовало. Какъ передавалъ Фрицъ и другіе унтеръ - офицеры изъ комендатуры, распоряженіе это не исходило отъ высшихъ властей. Въ самой кантинѣ долго еще свободно продавали сигары и папиросы, и на вопросъ о запрещеніи, кантинщикъ отвѣчалъ, что ему объ этомъ ничего не извѣстно. Но, когда табачные запасы въ кан-

тинѣ пришли къ концу, то комендантъ запретилъ возобновлять ихъ; кромѣ того, стали также отбирать папиросы, присылаемыя изъ Россіи.

Многимъ пришлось бы бросить куреніе, не будь самихъ же нѣмцевъ. Нѣкоторые изъ охранявшихъ нась ландштурмистовъ, являясь въ караулъ, приносили полные карманы сигаръ, папиросъ и даже спичекъ. Все это они продавали въ нѣсколько разъ дороже обычной цѣны интернаціональному союзу деньщиковъ; а тотъ, увеличивъ цѣны отъ себя, перепродаивъ плѣннымъ офицерамъ поштучно сигары и папиросы. Цѣны были разныя, въ зависимости отъ величины папиросы и количества ихъ на рынкѣ. Причемъ, когда процвѣтала свободная конкуренція, цѣны были меньше; но затѣмъ деньщики объединились въ трестъ, свободная конкуренція была задавлена, и цѣны сразу прыгнули. Пришлось платить уже по 1 и по 2 марки за каждую папирору.

Курили, обыкновенно, въ комнатахъ, т.-е. тамъ, гдѣ это особенно запрещалось: все-таки здѣсь было меньше опасности натолкнуться на нѣмцевъ. Для ловли курильщиковъ Вальтеръ высылалъ особые отряды; они обходили коридоры и заглядывали въ глазки. Но топотъ подкованныхъ гвоздями сапогъ предупреждалъ плѣнныхъ еще издали. Тогда Вальтеръ приказалъ ходить имъ на цыпочкахъ и назначилъ также денежныя награды за поимку курящихъ. Благодаря этому, было захвачено нѣсколько простофиль. Но, сообразивъ, въ чёмъ дѣло, плѣнныесъ честью вышли изъ положенія. Двери въ нашихъ комнатахъ отворялись во внутрь: курильщики садились у стѣны, за дверью; когда она открывалась, то этимъ самымъ закрывались курящіе. Усѣвшись, одинъ вынималъ папиросу, на ней намѣчалось столько дѣлений, сколько было совладѣльцевъ. Потомъ начинали дымить. Когда собственная доля превращалась въ дымъ и пепель, папироса передавалась слѣдующему.

Курили какъ то у нась въ комнатѣ, и не у двери, вопреки обычаю, а у радиатора. Дрожиловскій сдѣлалъ свою послѣднюю затяжку и передалъ папиросу слѣдующему. Въ этотъ моментъ вошелъ Вальтеръ. Дрожиловскій первый увидѣлъ его, но пре-

дупредить остальныхъ не могъ: у него ротъ былъ полонъ дыма; Вальтеръ же обратился къ Дрожиловскому:

— Гдѣ лейтенантъ Штейнбергъ?

Но тотъ въ отвѣтъ только выщучилъ глаза и замоталъ головой. Думая, что Дрожиловскій не понялъ, Вальтеръ еще разъ повторилъ вопросъ. Дрожиловскій снова мотнулъ головой, пожалъ плечами и развелъ руками. Но ему уже не хватило воздуха, онъ сталъ задыхаться и вдругъ пустилъ въ лицо Вальтеру громадную сизую струю.

Другой же курильщикъ, спрятавшись за спину Дрожиловскаго, понемногу выпускалъ дымъ; было похоже на то, что Дрожиловскій самъ дымится. Вальтеръ отъ изумленія отступилъ и ушелъ, ничего на этотъ разъ не сказавъ. Обычно же, за куреніе сажали дня на три, на четыре подъ арестъ на городскую гауптвахту.

Иногда, скучи ради, мы шутили надъ ландштурмистами. Вечеромъ, когда въ комнатахъ гасъ свѣтъ, и лампочки горѣли только въ коридорахъ, караульные, проходя, осторожно заглядывали въ дверные глазки — не видать ли гдѣ нибудь красноватаго огонька папиросы; въ это время кто нибудь ложился на незанятую кровать и начиналъ умышленно неосторожно курить. Дверь, конечно, съ трескомъ распахивалась, караульный бѣжалъ къ кровати и натыкался впотьмахъ на пустые кувшины, тазы, столы, стулья, нарочито разставленные у него по пути; все это съ грохотомъ падало и раскатывалось. Огонекъ исчезалъ, и мы принимались такъ храпѣть, что въ стѣнки начинали стучать сосѣди.

Но бывали и другіе случаи. На моихъ глазахъ одинъ ландштурмистъ поймалъ съ папиросой знакомаго артиллериста и повелъ его въ комендатуру; черезъ часъ я увидѣлъ этого же артиллериста, мирно курившаго хорошую большую сигару.

Оказалось, что ландштурмистъ, улучивъ по дорогѣ минуту, когда возлѣ нихъ никого не было, сунулъ ему огромную сигару и отпустилъ съ микромъ. Чтобы уменьшить расходъ на куреніе, мы собирали въ саду опавшіе листья, сушили ихъ и

курили. Отъ такого табака, получившаго кличку «Самъ - Кро-шэ», только сильно тошило.

Придумалъ Вальтеръ также и «ченія законовъ». Послѣ утренней повѣрки, раза два или три въ недѣлю, насы снова собирали въ столовой. Сюда же приходили Вальтеръ, Фрицъ, переводчикъ изъ комендатуры и четверо ландштурмистовъ. Въ порядкѣ чиновъ они располагались на лѣстницахъ: на самомъ верху Вальтеръ, за нимъ Фрицъ, потомъ переводчикъ и въ самомъ низу — караульные.

Начиналась перекличка по фамиліямъ; если кто зѣвалъ, а то и отсутствовалъ, за него отвѣчалъ сосѣдъ или знакомый; иногда на одну фамилію откликалось два — три голоса. Затѣмъ Фрицъ открывалъ толстую книгу въ черномъ переплѣтѣ и читалъ оттуда нѣсколько строчекъ. Прочитанное тутъ же переводилось. Переводчикъ, въ мирное время преподаватель нѣмецкаго языка въ одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ, зналъ русскій не особенно.

— Господа! Книга законовъ нѣмецкихъ военныхъ постановлений говорить, что военнооплѣнныи подвергются режиму военныхъ властей и за ослушаніе будутъ караться военнымъ судомъ.

Потомъ Фрицъ читалъ слѣдующую статью. Мы узнали, такимъ образомъ, что за устройство вооруженного бунта главныхъ зачинщиковъ ожидаетъ смертная казнь, а остальныхъ — пожизненная каторга; искренно раскаявшимся руководителямъ смерть можетъ быть замѣнена заключеніемъ въ тюрьму отъ 6 до 20 лѣтъ.

Доводилось также до нашего свѣдѣнія, что перочинные ножи съ лѣзвіемъ достаточно длинныи, чтобы проникнуть въ сердце, разсматриваются, какъ оружіе. Неповиновеніе караулу и вообще властямъ, сопровождаемое неприличными жестами, карается строже, чѣмъ простое неповиновеніе. Въ отношеніяхъ между собой плѣнныи должны руководиться товарищескими чувствами и помогать одинъ другому.

Въ общемъ, лично мнѣ, нѣмецкіе военные законы не показались особенно страшными.

Самымъ страшнымъ было выслушать одну и ту же статью разъ 30... Трудно сказать, какъ намъ опротивѣли эти чтенія законовъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Этому же Вальтеру пришла въ голову мысль, чтобы въ каждой комнатѣ находились плѣнныи всѣхъ націй. Началась всеобщая перетасовка къ удовольствію одного только Вальтера. Къ намъ, вмѣсто убывшихъ русскихъ, помѣстили трехъ французовъ и двухъ англичанъ.

Съ нашими плѣнными союзниками мы жили мирно, тѣмъ болѣе, что они уходили съ утра на весь день; но ихъ присутствіе насъ все-таки стѣсняло. Мы были плохо одѣты, плохо питались, у насъ были насѣкомыя. Наши же союзники, особенно англичане, находились въ условіяхъ гораздо лучшихъ.

Когда къ намъ привели второго англичанина, 23 - лѣтняго лейтенанта Бети - Смиса, только что взятаго на фронтѣ, то первымъ дѣломъ его было отоспаться. Спалъ онъ безъ просыпу цѣлыхъ сутки. Потомъ, вставши, вымылся до пояса и написалъ открытку. Черезъ недѣлю онъ уже получилъ бриджи, френчъ и обувь, по праздничному и будничному комплекту, причемъ въ каждомъ комплектѣ была зимняя и лѣтняя смѣна. Наслали ему всевозможныхъ консервовъ, печений, шоколада; была цѣлая посылка съ книгами и даже комнатный теннисъ. Бети - Смисъ спалъ между Бабинымъ и Суражевскимъ. У перваго изъ всего домашняго уюта имѣлся красный носовой платокъ, а у второго — пустой жестянной портсигаръ. Когда на Бети - Смиса посыпалась градомъ посылки, онъ купилъ для храненія полученнаго два большихъ чемодана и объемистый дорожный мѣшокъ. Наполнивъ ихъ до отказа, онъ сталъ класть вещи на полку, которая, на высотѣ человѣческаго роста, шла надъ нашими кроватями. Заставивъ причитающуюся ему долю, Бети - Смисъ, какъ истый бриттъ, увидя пустое пространство, не могъ не захватить его и устроилъ цвѣтущія консервныя колоніи надъ изголовьями Бабина и Суражевскаго.

Оба они жили подъ страхомъ быть когда нибудь раздавленными консервной лавиной. Имѣя также и деньги, Бети - Смисъ никогда не забывалъ заглянуть въ кантину и каждый

разъ приносилъ оттуда большія банки великолѣпныхъ фруктовыхъ и ягодныхъ консервовъ. Они стоили очень недорого, но, увы, для русскихъ и это было недоступно.

Французы тоже имѣли запасы, но все-таки меньшіе, чѣмъ англичане.

Изъ плѣнныхъ, нѣмцы, какъ они сами говорили, ненавидѣли больше всего англичанъ; на многихъ дверяхъ было написано: «Gott strafe England». Жилое же въ плѣну лучше всего именно англичанамъ: нѣмцы боялись ихъ; и у нихъ, такъ же, какъ и у французовъ, табакъ изъ посылокъ не отбирался. Куреніе не прощалось однѣмъ только русскимъ. На «чтеніяхъ законовъ» должны были присутствовать одни русские.

Словомъ, Вальтеръ никогда не упускалъ случая выказать намъ особое вниманіе.

Плѣнныe офицеры были раздѣлены на три роты — «Komragnie», каждая рота имѣла своего шефа, нѣмца офицера — Komragnieführer.

Въ восемь часовъ утра трубачъ ходилъ по корридорамъ и игралъ «пробужденіе». При этихъ звукахъ, напоминавшихъ ослиный ревъ, плѣнныe поднимались. Умывшись и закусивши, кто чѣмъ могъ, всѣ выходили во дворъ. Тамъ настѣ выстраивали на площади около столовой.

Первая и третья роты — другъ противъ друга, на разстояніи сорока или пятидесяти шаговъ; вторая помѣщалась между ними, образуя изъ всего построенія фигуру, похожую на букву П. Въ каждой ротѣ стояли по порядку комнаты, и каждая комната — по четыре человѣка въ рядѣ. На самомъ видномъ мѣстѣ находился Stube - Aelteste — старший по комнатѣ.

На этотъ постъ нѣмцы, обыкновенно, назначали человѣка, знавшаго нѣмецкій языкъ. Въ нашей комнатѣ старшимъ былъ сперва Штейнбергъ, но какъ то разъ, уже поздно вечеромъ, нѣмцы поймали его курившимъ подъ одѣяломъ въ постели. За это онъ просидѣлъ нѣсколько дней подъ арестомъ. Въ отвѣтъ врагамъ, онъ рѣшилъ забыть ихъ языкъ. Когда дежурный офицеръ обратился къ нему съ какимъ то вопросомъ, Штейнбергъ сдѣлалъ удивленное лицо и пожалъ плечами. Соединенными

усиліями мы объяснили дежурному, что лейтенантъ Штайнбергъ забылъ нѣмецкій языкъ. Лейтенанта Штайнберга арестовали еще разъ и разжаловали въ простые плѣнныя, съ переводомъ въ другую комнату. Послѣ него у насъ старшимъ сталъ одинъ москвичъ, бывшій студентъ Мангеймскаго Техническаго Университета.

Когда плѣнныя были уже на мѣстахъ, дежурный офицеръ произносилъ:

— Bitte zum Appel.

Послѣ этого каждый Kompragnieführer обходилъ свою роту въ сопровождениі фельдфебеля. Послѣдніе имѣли списки плѣнныхъ по комнатамъ. Фельдфебель дѣлалъ перекличку или просто пересчитывалъ людей, затѣмъ щелкалъ каблуками и гово-рилъ Kompragnieführer'у: «Stimmt». Тотъ прикладывалъ руку къ фуражкѣ, говорилъ намъ: «Danke» и проходилъ съ фельдфебелемъ дальше.

Кончивъ провѣрку своей роты, офицеръ и фельдфебель отходили на середину и ждали, пока не освободятся другіе führer'ы; затѣмъ каждый изъ нихъ козырялъ своей ротѣ въ цѣломъ составѣ, говоря: «Danke sehr, meine Herren».

Плѣнныя расходились. Если же былъ дождь, то утренній аппель производился по комнатамъ.

Въ восемь часовъ вечера раздавалась вторая труба; изъ столовой, изъ коридоровъ, изъ чужихъ комнатъ плѣнныя шли къ себѣ. Особые караульные наблюдали, чтобы никто не переходилъ изъ комнаты въ комнату. Потомъ являлся дежурный офицеръ съ фельдфебелемъ, начиналась провѣрка. Тотъ же трубный звукъ объявлялъ, что «Appel zum Ende». Черезъ полчаса послѣ этого, въ комнатахъ гасъ свѣтъ, и лампочки горѣли лишь въ коридорахъ.

Въ пожарномъ отношеніи напѣтъ лагерь былъ очень опасенъ. Только однѣ наружныя стѣны были кирпичныя; полы, потолки, лѣстницы, толстыя балки, шедшія снизу до верха — все это было деревянное, страшно сухое, пропитанное машиннымъ масломъ. Лагерныя власти, видимо, очень боялись пожара; по обоимъ концамъ всѣхъ коридоровъ стояли большие

металлические чаны съ водой; около нихъ висѣли полотняныя ведра. Ночью по коридорамъ, съ цѣлью надзора, бродили часовые; они стучали сапогами, барабанили по чанамъ, а иногда развлекали насъ иными звуками. Французы отъ нихъ ворочались въ кровати и говорили: «cochon», а русскіе давились отъ смѣха.

Въ нашей комнатѣ всѣ націи ложились одновременно. Исключеніемъ было Бэти - Смисъ. Послѣ вечерняго аппеля онъ, обыкновенно, уходилъ въ другую комнату, къ своимъ пріятелямъ и приходилъ, когда большинство уже спало. Онъ потихоньку раздѣвался, открывалъ осторожно форточку и ложился подъ свои плѣды, пальто и одѣяла.

Ночью радиаторъ не дѣйствовалъ, и въ комнатѣ подчасъ бывало очень прохладно. Однихъ нѣмецкихъ одѣяль было недостаточно, и каждый накрывался поверхъ одѣяль, чѣмъ было возможно. Но въ то время, какъ у союзниковъ было много теплыхъ вещей, у насъ ихъ почти не было. Въ шинеляхъ водились насѣкомыя, укрываться ими было непріятно. Поэтому мы предпочитали закрытую форточку; французы держали нейтралитетъ, они мирились и съ закрытой.

Но не мирился съ этимъ Бэти - Смисъ; чтобы избѣжать разговоровъ, онъ открывалъ форточку, когда мы уже спали. Богу одному известно, до какого часа онъ долженъ быть не спать, чтобы подкараулить этотъ моментъ.

Чего мы только ни дѣлали: закручивали створки форточки проволокой; ставили на столь стуль, на стуль чайники, кружки, тазы, и вообще все то, что могло шумѣть при паденіи; затѣмъ приводили всю эту систему въ состояніе неустойчиваго равновѣсія, одинъ конецъ бичевки привязывали къ ножкѣ стула, другой — къ форточкѣ, отворявшейся наружу; на полу, по пути къ окну, протягивали бичевочные загражденія.

Проснувшись утромъ отъ холода, мы видѣли, погребенного подъ толстымъ слоемъ теплаго, мирно спавшаго Бэти - Смиса, а на полу, подъ открытой форточкой, большую лужу отъ растаявшаго снѣга.

Правда, мы иногда рано утромъ слышали грохотъ: это

Григорій, не разглядѣвши, попадалъ въ минированное поле и валилъ наши хитро-придуманныя шутки, въ которыхъ ни разу не запутался Бети-Смись.

Наша чувствительность къ холоду удивляла союзниковъ. Имъ казалось, что мы, какъ сѣверяне, должны хорошо переносить холодъ, — на дѣлѣ же мы зябли больше, чѣмъ они. Это происходило просто отъ того, что они носили теплое бѣлье, а мы — нѣтъ. Понемногу, Бети-Смись пріучилъ насъ къ открытой форточкѣ. Это была его побѣда.

Въ свою очередь мы отучили его пользоваться нѣкоторой принадлежностью ночного обихода. Не желая разводить запаховъ въ комнатѣ, мы рѣшили не трогать нѣкоего сосуда; французы тоже согласились на это. Пользовался имъ одинъ Бети-Смись, по возвращеніи отъ пріятелей, передъ сномъ. Вазу мы прятали, вѣшали на стѣнку, ставили подъ кровати, но Бети-Смись всюду находилъ ее.

Наконецъ, Смирновъ, нашъ Stube - Aelteste, придумалъ, штуку.

Онъ добылъ въ кантинѣ длинную крѣпкую бичевку и, когда погасъ свѣтъ, поставилъ сосудъ на обычное мѣсто, но одинъ конецъ бичевки привязалъ къ его ручкѣ, а другой взялъ къ себѣ на кровать. Комната улеглась, съ нетерпѣнiemъ ожидая прихода Бети-Смисса. Тотъ пришелъ въ обычное время, полежалъ немного на кровати и, осторожно, направился къ мѣсту нахожденія сосуда. Подойдя на соотвѣтствующее разстояніе, Бети - Смись протянулъ руку взять бѣлѣвшійся въ темнотѣ предметъ. Но тотъ, качнувшись, метнулся прочь. Бети - Смись сдѣлалъ еще шагъ съ вытянутой рукой; но горшокъ, загремѣвъ, отпрыгнулъ на два. Бети-Смись остановился; онъ ничего не понималъ. Затѣмъ, быстро нагнувшись, онъ еще разъ попытался схватить внезапно ставшій одушевленнымъ предметъ. Но горшокъ описалъ на полу кривую и, гремя боками, исчезъ подъ чьей то кроватью.

Съ минуту всѣ сдерживались, потомъ сразу разсмѣялись. Хохотали до слезъ. Не отставалъ отъ другихъ и Бети - Смись. Но съ этихъ поръ пользоваться сосудомъ онъ уже пересталъ.

И это была наша победа.

Не преслѣдуя англичанъ за куреніе, не принуждая ихъ слушать чтеніе законовъ, нѣмцы въ то же время донимали ихъ другимъ способомъ: для наведенія порядка въ уборныхъ они брали исключительно англійскихъ солдатъ. Изъ послѣднихъ особенно выдѣлялся одинъ: красивый, чисто выбритый, тщательно причесанный, въ разглаженныхъ брюкахъ и постоянно свѣжей рубашкѣ. Одни про него говорили, что это клеркъ какого-то большого лондонскаго банка, другіе же произвели его въ студенты Оксфордскаго Университета, добровольцемъ отправившагося на войну. Именно его-то нѣмцы и заставляли чаще всѣхъ работать въ уборныхъ.

Всѣмъ становилось смѣшно, когда этотъ джентльмэнъ, одѣтый съ иголочки, съ трубкой въ зубахъ, вооружившись пожарной кишкой, наводилъ порядокъ въ уборныхъ, подъ наблюдениемъ нѣмца, мирно сосавшаго свою трубку. Англичане-офицеры, видимо, сочувствовали своему компатріоту, но сдѣлать ничего не могли.

Это самое учрежденіе, гдѣ попиралась британская гордость, было, кроме того, мѣстомъ тихой, но упорной борьбы между свѣтлыми русичами и нѣмецкой комендатурой. Оно представляло изъ себя длинный сарайчикъ подъ крышей и стояло немнога поодаль отъ самого зданія. На входной двери съ обѣихъ сторонъ карандашомъ было написано: «Gott strafe England». Внутри имѣлся рядъ кабинетиковъ, по-нѣмецки чистенькихъ, веселенькихъ и похожихъ на скворешни. Сидѣнія были безупречны.

Но свѣтлые русичи не пожелали садиться на одну доску даже со своими союзниками, и вскорѣ сидѣнія были запачканы не одними только сапогами. Нѣмцы ругались, джентльмэнъ съ кишкой — тоже; попробовали заставить самихъ русскихъ чистить уборныхъ, но это дѣлу не помогло.

Тогда на однихъ кабинетахъ нѣмцы краснымъ карандашомъ написали: «nur fr englische und franzoesische Offiziere», а на другихъ: «nur fr Russische».

На другой день эти надписи были зачеркнуты и появи-

лись новыя, сдѣланныя уже синимъ карандашомъ, по которымъ иностранныя скворешни отводились для русскихъ, а русскія для иностранцевъ.

Оказалось, что это сдѣлалъ какой то шутникъ изъ плѣнныхъ, и нѣмцы должны были востановить каждую націю въ ея правахъ; для этого въ кулуарахъ помѣстили здороваго ландштурмиста. Но онъ только молчалъ, сосалъ все время трубку и презрительно сплевывалъ. Послѣ его ухода па многихъ дверяхъ можно было прочесть: «Gott strafe England» и «Deutschland über alles».

Рѣшили снять двери. Стыдливые стали приходить ночью, но привычекъ своихъ не бросили. Кромѣ того, противъ политики открытыхъ дверей запротестовали и иностранцы, особенно англичане. Изобрѣтательному Вальтеру пришла въ голову мысль устроить покатыя сидѣнія. Хочешь не хочешь, а садись. Не помогло. Срѣтлы русичи упирались руками въ стѣнки, слетали часто съ сидѣній, лбомъ открывая двери, но оставались вѣрными себѣ.

Тогда нѣмцы прибили вверху планку, — если кто хотѣлъ приподняться, тотъ стукался о нее головой. Черезъ день въ этихъ мѣстахъ появился Вальтеръ посмотреть на послѣдствія хитрой выдумки. Но, увы! Отъ планокъ не осталось даже и слѣда: ихъ выломали и бросили. Тогда съ сидѣній рѣшили снять всѣ доски, оставивъ лишь узенькую балку; сверху же, чтобы невозможно было сломать, приколотили здоровенную плаху; русичи садились на эту плаху и вели себя по своему.

Нѣмцы опустили руки. Зато мы много смѣялись.

ГЛАВА VI.

Первое время мы не могли получить даже маленькаго клочка печатной бумаги. И мы питались слухами, тѣмъ, что удавалось прочесть изъ положеній вверхъ ногами въ кантинѣ газеты, и сообщеніями ландштурмистовъ. Они, принося

папиросы, кое-какъ и кое-что сообщали нашимъ деньщикамъ, а тѣ дѣлились полученными новостями со своими офицерами. Больше всего интересовалъ вопросъ о мирѣ. Все, что носилось въ воздухѣ относительно конца войны, обсуждалось въ лагерь на все лады. Въ благополучный для Россіи исходъ войны мы твердо вѣрили. Отдѣльный миръ съ Германіей представлялся немыслимымъ, и о немъ никогда не было рѣчи. Офицеры и солдаты, отвѣдавъ плѣна, были спаяны однимъ и тѣмъ же духомъ — «война до конца».

И вечеромъ, когда тушились огни въ комнатахъ, плѣные спускались внизъ; здѣсь — въ длинномъ, крытомъ коридорѣ, соединявшемъ самое зданіе и уборныя, они собирались и рассказывали новости прошедшаго дня: кто что прочелъ, кто что слышалъ, кто какое получилъ письмо. Собранія эти насыщались очень интересовали, и каждая комната посыпала своего представителя — послушать, что говорятъ на «Брехаловкѣ».

Вечеромъ Брехаловка шумѣла, какъ римскій форумъ. Тутъ всѣ имѣли право говорить и слушать. Больше всего пользовались успѣхомъ лица, говорившія увереннымъ тономъ и незнавшія сомнѣній. Они успокаивали малодушныхъ, чертили карты на стѣнкахъ и разбивали нѣмцевъ въ пухъ и прахъ. Обсуждались на Брехаловкѣ также и причины русскихъ неудачъ.

Самымъ строгимъ критикомъ русскихъ порядковъ былъ прaporщикъ Сатинъ — съ одной стороны революціонеръ, демократъ, съ другой — тамбовскій помѣщикъ. Ничѣмъ русскимъ онъ не былъ доволенъ.

Полной противоположностью ему былъ ротмистръ Кобедевъ. Онъ наносилъ нѣмцамъ пораженіе за пораженіемъ, тѣснилъ ихъ, заставлялъ просить мира и заплатить Россіи громадную контрибуцію. Недостатковъ не было, все было прекрасно.

Для лицъ, съ нимъ несогласныхъ, ротмистръ Кобедевъ имѣлъ записную книжечку, туда онъ вносилъ фамиліи критиковъ и лицъ вообще недовольныхъ русскими порядками.

Какъ за достовѣрный фактъ выдавали, что у одного плѣнаго, артиллериста - генерала, есть папка, куда онъ складывалъ всѣ, записанныя ротмистромъ Кобедевымъ и его странни-

ками, неосторожныя слова съ фамиліями лицъ, ихъ произнесшихъ.

Добровольный сыскъ ротмистра Кобедева и сплошное, полное злобы, отрицаніе пранорщика Сатина, производили на плѣнныхъ одинаково отталкивающее впечатлѣніе.

Однажды утромъ, къ намъ въ комнату пришелъ лейтенантъ Вальтеръ съ топчимъ каталогомъ и объявилъ, что можно выписывать книги. Мы набросились на каталогъ. Это былъ списокъ запрещенныхъ въ Россіи произведеній, — изданія какой то Лейпцигской фирмы. Тутъ была «Исторія революціонныхъ движений въ Россії» Туна, полное «Воскресеніе» Толстого, «Тайны дома Романовыхъ» неизвѣстнаго автора, запрещенные стихотворенія Пушкина и Лермонтова, стихи поэта Баркова.

Вскорѣ все это появилось въ лагерѣ.

Самый большой успѣхъ имѣлъ Барковъ, потомъ Толстой; запрещенные произведенія Пушкина и Лермонтова оказались намъ давно извѣстными: только вмѣсто многоточій были поставлены слова; а они были нами подобраны еще на гимназической скамьѣ. О «Тайнахъ дома Романовыхъ» можно сказать, что въ этой книгѣ тайнъ не было, такъ же, какъ и дома Романовыхъ. И почему авторъ далъ такое заглавіе собранію десятка анекдотовъ о неизвѣстныхъ графахъ, князьяхъ и пр., — намъ было совершенно непонятно.

Въ присланныхъ книгахъ оказались бесплатныя приложения — разныя брошюры и прокламаціи. Вотъ что писалось въ одной изъ нихъ и съ какимъ знаніемъ русскаго языка:

— ...мужикъ Елисѣй жилъ себѣ совсѣмъ по несчастному. Онъ снималъ себѣ квартиру у помѣщика и въ потѣ лица своего ходилъ въ поле на заработу...

Кромѣ книгъ и брошюръ, многіе изъ офицеровъ получили анонимныя предложения вступить въ какой то русскій соціаль-демократический союзъ въ Лейпцигѣ. Первымъ пунктомъ программы этого союза былъ немедленный миръ, вторымъ — полное равноправіе народностей въ Россіи. Получилъ такую брошюру и Арцышевичъ. Онъ повергъ ее и передалъ мнѣ.

— Не понимаю — имя мое, фамилія моя, по заграницей я никого не знаю. Кто же могъ прислать ее мнѣ?

Наши генералы забеспокоились.

Пропаганда!.. Образовался «комитет общественного спасенія». Начали ловить брошюры и предавать ихъ уничтоженію. За одно стали записывать и тѣхъ, кто читалъ эту чепуху.

Ротмистръ Кобедевъ образовалъ особый отрядъ изъ добро-вольцевъ всѣхъ родовъ оружія для слѣжки за неблагонадежны-ми. Потомъ старшимъ генераломъ былъ выпущенъ приказъ: военно-плѣнныя приглашались соблюдать правила воинской вѣжливости и привѣтствовали другъ друга и старшихъ; совѣтова-лось также воздержаться отъ чтенія нерекомендованныхъ книгъ и, кажется, было обѣщано устроить что то вродѣ предвари-тельной цензуры.

Но это было совершенно излишне.

Гнусные пасквили на Россію и на все русское были под-биты черезчуръ откровенной злобой, чтобы кто нибудь могъ дать имъ вѣру.

И лагерь смѣялся и плевался, — но первая попытка анти-русской агитациі и пораженческой пропаганды не удалась. Вся эта письменность въ концѣ концовъ сносилась плѣнными въ уборныхъ и тамъ находила себѣ конецъ.

Въ это же время у Бабина произошло столкновеніе съ од-нимъ изъ членовъ «комитета общественного спасенія».

Какъ то вечеромъ, отъ нечего дѣлать, мы устроили маска-радъ; Бабинъ замаскировался при помощи полотенецъ и вся-каго сподручного материала русской боярышней. Боярышня вы-шла изъ него такая хорошенькая, что даже добродѣтельный Бети - Смисъ не выдержалъ и посадилъ ее себѣ на колѣни. Ря-женые ходили повсюду и везде имѣли успѣхъ. Караульные, бро-дившіе по коридорамъ, таращили глаза. Наконецъ, ряженые попали въ комнату, гдѣ подъ лампочкой одинъ ротмистръ съ большой лысиной увлекался Барковымъ. Ряженыхъ ротмистръ встрѣтилъ наставленіями.

— Въ то время, когда на фронтѣ льется кровь и гибнутъ люди...

Дальше была Россия, офицерский мундиръ и т. д. Нотація была вразумительная. Самолюбивый Бабинъ всыхнулъ.

— Заниматься шпionствомъ, читать Баркова — не стыдно, это не унижаетъ офицерского мундира, а просто повеселиться позорно?!.»

«Такъ кончился пиръ нашъ бѣдою»...

Но стремленіе скрасить и наполнить чѣмъ нибудь нашу жизнь было неистребимо.

— Господа, у кого изъ васъ есть голосъ и кто хочетъ пѣть, пусть придетъ сегодня въ комнату № 48. Тамъ мы сдѣлаемъ пробу и, можетъ быть, составится хоръ», — заявилъ намъ однажды Клавдій Ивановичъ. Клавдій Ивановичъ, на войнѣ — прапорщикъ, въ миру — банковскій служащий, прихрамывавшій на раненую ногу, очень любилъ пѣніе.

Голосовъ въ лагерѣ оказалось немало и голосовъ хорошихъ. Многіе пѣли въ Россіи — кто въ церкви, а кто и на сценѣ. Режентомъ былъ выбранъ единогласно Клавдій Ивановичъ. Я тоже пошелъ послушать. Пѣвчіе, собравшись въ углу, стали откашливаться, послышался звукъ гудящей трубы и звенящаго золота: басы и тенора пробовали свои силы. Для начала, въ пику нѣмцамъ, спѣли русскій гимнъ. Тонкія переборки не могли сдержать звуковъ, и сильной волной голоса прокатились по коридорамъ и комнатамъ. Французы и бельгійцы останавливались и прислушивались съ удивленіемъ. Нѣкоторые подходили къ дверямъ и, постоявши, на цыпочкахъ входили въ комнату. Появились французскіе преторы, пришелъ изъ нижняго этажа на двухъ костыляхъ французскій кавалеристъ, за нимъ — высокій бельгійскій офицеръ.

Запѣли «Вечерній зеонъ».

Пришли и встали въ сторонкѣ нѣмцы. Ввалились гурьбой англичане, съ засунутыми въ карманы руками.

Пѣніе дало нѣкоторый исходъ настроению плѣнныхъ, и спѣвки стали происходить почти каждый день. На нихъ появлялся гауптманъ, самъ музыкантъ; онъ выхлопоталъ для хора камертонъ, нотную бумагу и письменныя принадлежности.

Пришелъ на одну изъ спѣвокъ и лейтенантъ Вальтеръ. Понравилось ему пѣніе или нѣть, онъ оставилъ это при себѣ; но съ этихъ поръ къ хору нѣмцы стали относиться съ извѣстнымъ вниманіемъ и даже отвели въ полное распоряженіе Клавдія Ивановича комнату, гдѣ собирались пѣвчіе.

Хоръ имѣлъ большой успѣхъ, особенно у иностранцевъ. Преторы даже просили переложить на ноты и перевести «Ночь сошла на землю». Потомъ одинъ изъ нихъ, по прозванію «Заячья губа», ходилъ по утрамъ въ коридорѣ и разучивалъ ее, отбивая тактъ кивками головы.

— Какіе чудесные напѣвы, — говорилъ одинъ преторъ другому, выходя однажды со спѣвки.

— А какіе голоса! — отозвался другой.

— Они поютъ, какъ настоящіе артисты, — сказалъ высокій бельгіецъ.

Удивляло иностранцевъ также и разнообразіе мотивовъ. Сдержаннѣе всѣхъ относились англичане. Но и они были побѣждены, когда Клавдій Ивановичъ съ хоромъ пропѣлъ «Эй, ухнемъ». Эти приближающіеся и снова удаляющіеся голоса забрали ихъ за живое.

Можетъ быть, это пѣніе и навело кого нибудь изъ нихъ на мысль, что русскіе не такие ужъ варвары, какъ они себѣ представляли.

Вскорѣ послѣ того разрѣшили пріобрѣтать научныя книги и учебники новыхъ языковъ, чѣмъ воспользовались многіе изъ плѣнныхъ. Къ сожалѣнію, выписка книгъ была сперва обставлена массой стѣснительныхъ формальностей; заказы шли черезъ комендатуру и приходили иногда мѣсяцъ спустя. Часто случалось, что къ моменту получения книги заказчикъ успѣвалъ поиздѣржаться, и книга шла обратно въ магазинъ. Но тѣмъ не менѣе, очень многіе изъ насъ обзавелись учебниками, главнымъ образомъ нѣмецкаго и французскаго языковъ, и принялись за зурбажку.

Другіе же продолжали по-прежнему ничего не дѣлать.

Праздное время заполнялось обыкновенно карточной игрой. Играли въ преферансъ и въ азартныя игры. Преферансъ

былъ еще терпимъ. Игровъ было всего четверо, они никому не мѣшали и вели потихоньку свои записи. Но бѣда, когда начинали играть во что нибудь азартное: занимали всѣ стулья, садились на ближайшія кровати, въ комнатѣ дѣжалось душно и тѣсно. Играющихъ стали изгонять. Тогда они свили себѣ гнѣздо въ столовой. Нѣмцы издавали приказъ за приказомъ противъ азартныхъ игръ, но на это не обращали вниманія.

Вначалѣ у всѣхъ денегъ было мало, и ставки были небольшія. Но съ теченіемъ времени денегъ въ лагерѣ прибавлялось: одни получали изъ дома, другіе попадали въ плѣнъ съ крупными суммами. Нѣкоторые изъ такихъ капиталистовъ, обмѣнявъ рубли на марки, почувствовали себя свободнѣе, и стали закладывать банки покрупнѣе.

Самымъ богатымъ банкиромъ считался одинъ вольноопредѣляющійся-сибирякъ. Бросивъ обязанности товарища прокурора, онъ поступилъ добровольцемъ въ одинъ изъ сибирскихъ полковъ. Командиръ полка сдѣлалъ его чѣмъ-то бродѣличнаго секретаря. Нѣмецкая развѣдка захватила ихъ обоихъ ночью, во время сна, а съ ними также знамя, денежный ящикъ, телефоны, пулеметы. На радостяхъ, нѣмцы даже не обыскали ихъ, и все, что они имѣли на себѣ, осталось нетронутымъ. Благодаря этому, товарищъ прокурора, потерявъ всѣ пулеметы, сохранилъ тысячи, данныхыя ему на хозяйственныя надобности. Сперва нѣмцы хотѣли отправить его, какъ нижняго чина, въ солдатскій лагерь. Но его полковникъ вступился за него и сказалъ, что онъ его родственникъ. Нѣмцы тогда оставили товарища прокурора въ покое.

За карты въ столовой усаживались сразу послѣ утренняго аппеля. Банкометы садились за столъ, вынимали изъ кителей бумажники и доставали оттуда деньги. Ихъ быстро окружала толпа; надежда на выигрышъ проникала въ души всѣхъ зрителей, и самая тугоплавкія добродѣтели таяли въ огнѣ азарта и случая.

Несчастная мелочь, жившая на 2 марки въ день, разъ начавъ играть, остановиться уже не могла. Иногда, даже отложивъ въ сторону небольшой выигрышъ, малоимущіе все-таки

продолжали играть дальше, мечтая об ужинахъ, обѣдахъ, обуви и т. п. Кончалось это тѣмъ, что марки мечтателей, силошь да рядомъ взятыя въ долгъ, прилипали къ рукамъ банкометовъ.

Если кто нибудь послѣ небольшого выигрыша вставалъ и уходилъ, банкометы ворчали:

— Обрадуется, что выиграль, и бѣжитъ прочь; не подумать, какъ невѣжливо уходить, когда игра еще не кончена...»

Когда же всѣ игроки были общипаны, банкометъ поднимался.

— Что-жъ мнѣ съ вами продолжать: проиграть я могу, а выиграть — врядъ-ли.

Результатъ всегда былъ одинъ и тотъ же — у имѣвшихъ имущество пріумножалось, у остальныхъ оно уменьшалось. Малосостоятельные, проигравшись вдребезги, переставали быть и быстро наживала себѣ малокровіе.

Союзники часто останавливались у стола, гдѣ играли русскіе, и смотрѣли на игроковъ. Видимо, они не могли понять, откуда у этихъ обдерганныхъ и голодавшихъ людей такъ много денегъ; сами же участія въ игрѣ не принимали.

Наши деньщики начали подражать своимъ офицерамъ. Комендантъ лагеря просилъ русского генерала принять участіе въ борьбѣ противъ азарта; генераль издалъ нѣсколько приказовъ, но успѣха они не имѣли. Появились шуллера: нѣсколько человѣкъ были пойманы съ мѣчеными картами; другие такъ были счастливы въ игрѣ, что съ ними стали бояться играть.

Передъ Рождествомъ начали дѣйствовать ванны и души, устроенные въ бывшемъ машинномъ отдѣленіи. Наше бальное заведеніе представляло рядъ чуланчиковъ по обѣимъ сторонамъ досчатой стѣнки: на одной сторонѣ находились души, на другой — ванны. Душъ стоилъ полъ-марки, а ванна — марку.

Мнѣ хотѣлось вымыться, какъ слѣдуетъ, и я рѣшилъ взять ванну, хотя разница въ полъ марки и была для меня чувствительной. Оказалось, что я не прогадалъ. Въ ближайшемъ ко мнѣ душѣ сидѣлъ Бабянъ. Въ то время, когда я спокойно ле-

жаль въ горячей ваннѣ, онъ все время ухалъ и приплясывалъ.

— Бабинъ, какъ у васъ съ водой? — спросилъ его изъ сосѣдняго душа Суражевскій.

— Плохо: то одна горячая, то одна холодная; то заморозить, то какъ поросенка ошпарить».

— У меня тоже такъ, — отвѣтилъ Суражевскій, — я уже весь намылился и не могу смыть мыла.

Я вымылся, одѣлся и ушелъ, а Бабинъ съ Суражевскимъ все еще сидѣли и ухали.

Новый годъ мы встрѣчали, лежа въ постели, но никто изъ насъ не спалъ; по кроватямъ ходила большая банка яблочного мусса вмѣсто шампанского.

Хотѣлось вѣрить, что слѣдующій новый годъ мы будемъ встрѣчать въ Россіи.

— Не можетъ война продолжаться долго; самое позднее въ мартѣ - апрѣлѣ придутъ къ соглашенію и заключать миръ, — говорилъ кто то въ темнотѣ.

— Я бы самъ такъ хотѣлъ, но только нѣмцы упорный народъ; лопнетъ скорѣе, но свое взять постарается. И организація у нихъ удивительная, — говорилъ Смирновъ, четыре года прожившій въ Германіи.

— А если у нихъ голодъ начнется, что-жъ имъ тогда подѣлать? — спросилъ Бабинъ.

— Сперва они плѣнныхъ уморятъ, а потомъ ужъ сами начнутъ голодать, — уверенно отвѣтилъ Смирновъ.

Мы замолчали. Въ томъ, что всѣ лишенія и бѣдствія должны были отразиться, прежде всего, на плѣнныхъ, у насъ не было сомнѣнія.

15-й годъ зашагалъ быстро.

Перепадаль иногда снѣгъ; плѣнныѣ выбѣгали тогда во дворъ и съ увлеченiemъ играли въ снѣжки. И я, запахиваясь въ свою безпуговичную шинель, наступалъ на французовъ и англичанъ.

Однажды, незамѣтно подкравшійся преторъ залѣпилъ мгнѣ лицо большимъ пушистымъ снѣжкомъ. Я побѣжалъ за нимъ. И

вдругъ почувствовалъ, что не могу бѣжать: неожиданно сердце забилось такъ, что я самъ слышалъ его биеніе. Ноги стали страшно тяжелыми; онѣ словно вязли въ глубокой липкой грязи. Я бросилъ преслѣдованіе врага и пошелъ къ себѣ наверхъ. Подниматься было очень тяжело; приходилось отдохнуть на каждомъ этажѣ. Придя, я легъ; я не понималъ, что со мной. Но, при видѣ лежащаго на полѣ хлѣба и масла, все внутреннее недомоганіе превратилось въ ощущеніе острого, неутолимаго голода. Этотъ неожиданный приступъ встревожилъ меня, и въ снѣжки я больше играть не рѣшался.

Вскорѣ послѣ новаго года въ нашу комнату привели новаго русскаго пленнаго. Это былъ молодой артиллерійскій прaporщикъ. Одна нога его была обута въ длинный, какъ лыжа, старый, покоробившійся штиблетъ, а другая — въ нѣмецкій солдатскій сапогъ.

— Высотскій, — отрекомендовался вновь прибывшій.

Оказалось, что онъ былъ раненъ подъ Варшавой осколкомъ въ почку и на перевязочномъ пункѣ захваченъ въ пленъ. Вмѣстѣ со своими ранеными нѣмцы направили его въ госпиталь, сначала въ Бромбергъ, а потомъ въ Геттингенъ; во время этой поѣздки у него пропали сапоги. Найти ихъ не могли, денегъ купить новые не было. Тогда нѣмецкій докторъ далъ ему свой одинъ штиблетъ (другой былъ разорванъ щенкомъ), — а служитель принесъ сапогъ одного раненаго, оказавшійся, вслѣдствіе ампутаціи ноги, ненужнымъ его бывшему владѣльцу.

Высотскій поселился по сосѣдству со мной. Послѣ полученія имъ писемъ изъ Россіи, у него часто напухали вѣки и, чтобы скрыть свое волненіе, онъ дергалъ Бабина за длинные, какъ у дѣячка, волосы.

— Какъ живуть они тамъ безъ меня? Семья у насъ большая, мать старуха, братъ въ реальному, сестра гимназію кончаетъ, а работникъ я одинъ, — тревожился онъ.

Письма изъ Россіи были для насъ самымъ болѣшимъ утѣшеніемъ.

Раздавали ихъ обыкновенно вечеромъ передъ апелемъ.

Разносиль письма Фрицъ. Его появление въ комнатѣ вызывало переполохъ; всѣ слетались къ нему, какъ куры на зерно. Медленно, переиначивая фамиліи, онъ вызывалъ адресатовъ. Они брали съ сердечнымъ содраганіемъ небольшіе, бѣлые прямоугольники, написанные тамъ, въ далекой Россіи.

Вся наша переписка просматривалась комендатурой, которая, для этой цѣли, держала переводчика. На всѣхъ выдаваемыхъ плѣннымъ письмахъ стоялъ большой, четкій штемпель: «gegrüßt». По всей вѣроятности, и то, что писали мы, уходило въ Россію съ такимъ же штемпелемъ.

Намъ разрѣшалось отправить въ мѣсяцъ четыре открытки и одно закрытое письмо. Въ столовой на стѣнѣ висѣло три ящика, для французскихъ, англійскихъ и для русскихъ писемъ. Все написанное опускалось въ соотвѣтствующій ящикъ; подъ вечеръ приходилъ Фрицъ, дѣжалъ выемку и вѣшалъ на гвоздикъ, невдалекѣ, списокъ лицъ, на имя которыхъ были получены въ комендатурѣ посылки.

Посылки выдавались, обыкновенно, утромъ, въ отведенной для этого комнатѣ. Посылка вскрывалась на глазахъ владѣльца, и содержимое ея просматривалось однимъ изъ нѣмцевъ. Иностранныя газеты, штатскіе костюмы, инструменты, которыми можно было бы перерѣзать проволоку — въ лагерь не пропускались.

Книги выдавались послѣ предварительного ихъ осмотра въ комендатурѣ.

Наппими сосѣдями слѣва были французы-претры, или «преторы», какъ въ лагерѣ, для легкости, называли всѣхъ лицъ, духовнаго званія, безъ различия чиновъ. Въ ихъ комнатѣ всегда было тихо. Они или сидѣли у себя, или гуляли по коридору, перебирая четки и читая молитвы. Зато въ комнатѣ справа, гдѣ жили русскіе, все время пѣли, шумѣли или громко разговаривалич Главнымъ зачинщикомъ былъ поручикъ Бородавкинъ. Нрава онъ былъ непосѣдливаго.

На заборѣ сидѣть котъ,
У кота болитъ животъ.

Запѣвалъ Бородавкинъ. И вся комната сразу подхватыvalа:

Химія, химія, —
Сугубая химія.

Въ этой же комнатѣ жилъ прaporщикъ Михайловъ, лицо значительное въ торговомъ мірѣ Петрограда.

— Максимычъ! — взывалъ онъ къ своему сосѣду, служащему одной изъ большихъ автомобильныхъ фирмъ, — взыграй что-нибудь на гитарѣ.

Максимычъ бралъ гитару и начиналъ безжалостно щипать струны:

На стѣнѣ патретъ висить,
На одну меня глядить,
Это тошно, невозможно,
Безъ милого жить нельзя.

— Максимычъ, — заканчивалъ Михайловъ концертъ: — вѣрь, съ тоской пою. Выпить бы теперь — т.-е. въ самую пору. Сначала бы по махонькой, а потомъ еще по махонькой, да закуси на зубъ взять, бутербротъ съ икрой, скажемъ. Разскази-ка, для утѣшенія, какъ ты пьяниствовалъ въ Питерѣ.

Максимычъ долго просить себя не заставлялъ.

— Былъ въ нашей конторѣ телефонъ. Какъ только шефы мои воинъ, я это сейчасъ къ нему. Плюнешь разъ — пива тебѣ несутъ, плюнешь два — изъ ресторана сосиски съ капустой ташутъ, бутерброды, раковъ, грибочкивъ разныхъ, словомъ, что къ пиву полагается. Вотъ разъ мои шефы ушли и остались въ магазинѣ я да механикъ. Сейчасъ же, чтобы времени не терять, за пивомъ послали. А столикъ то со всѣмъ благоутробиемъ за автомобилями поставили. Войдеть кто въ магазинъ — слышно будетъ, а насъ то не видно. Ладно. Засѣли мы, основательно такъ. Разъ послали за резервами, два — послали, а потомъ и считать бросили. Заколодило словно насъ: пиво есть, закуски нѣтъ, закуска есть — пива нѣтъ; а одно безъ другого нейдетъ, и между ними всегда балансъ надо держать.

— Дѣло извѣстное, — сказалъ Михайловъ, — балансъ нуженъ точный.

— Стали мы напослѣдокъ-то дорогу къ телефону плохо находить. Пойдешь къ нему, и вдругъ по дорогѣ «Фіатъ» вырастетъ. И совсѣмъ неизвѣстно, почему. Въ сторону вернешь — на «Бенца» наткнешься. И выйти невозможно.

Заспорили мы съ механикомъ — чья машина лучше: «Бенцъ» или «Фіатъ». Рѣшили испытать. Я за пассажира сѣлъ, а онъ за шоффера. Я какъ сѣлъ, такъ и заснуль. А потомъ хозяинъ пришелъ съ покупателемъ какимъ то: «Бенца» привезъ его смотрѣть. Только это шефъ за ручку взялся, я въ себя пришелъ; оеъ одну дверцу открываетъ, а я изъ другой ракомъ ползу. Картина, Василичъ, была!..

— А шофферъ какъ же? — освѣдомился Василичъ.

— А тотъ тоже заснуль, сидя на рулѣ; померещилось ему во снѣ, что у сосѣдняго «Фіата» моторъ испортился; онъ проснулся, взялъ инструменты и залѣзъ подъ машину, да тамъ такъ съ инструментами снова и заснуль...

Кантинщикъ прекрасно зналъ, какія прибыли кладутъ себѣ въ карманъ ландштурмисты и деньгищики, торговавшіе папиросами, и осаждалъ комендатуру просьбами разрѣшить снова продавать табакъ. Дѣло это тянулось долго.

Наконецъ, ему разрѣшили продавать жевательный табакъ.

— Ликуйте народы!.. — возгласилъ однажды вечеромъ Смирновъ и положилъ на столъ нѣсколько штучекъ, величиной съ обыкновенную тяпушку. Каждая изъ нихъ была завернута въ серебряную бумажку, поверхъ которой шла розовая полоска, а на ней было написано: «Kau-Tabak».

— Что это такое? — спросили мигомъ слетѣвшіеся курильщики.

— Нѣмецкій жевательный табакъ, — отвѣтилъ Смирновъ.

Развернули обложку; въ ней оказался черный жгуть, длинной и толщиной съ каравдашъ. Пахло отъ него черносливомъ и еще чѣмъ то, очень напоминавшимъ кипящій асфальтъ. Начали обсуждать, что дѣлать — жевать его или курить. Нашлось двое, рискнувшихъ попробовать жевать.

Каждому изъ нихъ стрѣзали по небольшому кусочку жгу-

та. Оба экспериментатора храбро отправили каждый свою долю въ ротъ и принялись жевать.

Лица ихъ начали быстро принимать выражение самого не-поддѣльного отвращенія, и одинъ изъ нихъ, не выдержавъ, вытащилъ изо рта табакъ и побѣжалъ къ ведру полоскать ротъ. Другой храбрился; но потомъ неожиданно громко икнулъ, сплюнувъ въ ведро и, закрывъ ротъ рукой, бурей помчался внизъ.

Попробовали курить «Кау-табакъ». Для этого отрѣзали небольшой кусочекъ, высушили его на радиаторѣ, покрошили и сдѣлали собачью ножку. Но отъ первой же затяжки захватывало дыханіе и выступали слезы: словно горячій комъ, обсыпанный перцемъ, вкатывался во внутрь и немилосердно жегъ горло.

Но, въ концѣ концовъ, мы все-таки научились дѣлать изъ кау-табака обыкновенный табакъ.. Для этого жгутъ разкорачивался и мочился въ водѣ; когда всѣ специ отходили, мы получали обыкновенный табачный листъ; его сушили, рѣзали и курили. Чѣмъ дольше мочили, тѣмъ мягче получался табакъ. Съ течениемъ времени появились специалисты, приготовлявшіе табакъ желаемой крѣпости.

На папиросной брѣхѣ появленіе кау-табака вызвало панику. Цѣны на сигары и папиросы сразу понизились.

ГЛАВА VII.

Зимой 15 года на фронтахъ было затишье. Ни газеты, ни ландштурмисты не сообщали намъ ничего особенно интереснаго.

Но въ концѣ февраля, или въ началѣ марта, въ Мюнденѣ зазвонили во всѣ колокола, водяная мельница, стоявшая на другомъ берегу Везера, густо разукрасилась флагами. Мы подумали сперва — не перемирие ли? Пришелъ Григорій, мы набросились на него, не знаетъ ли онъ, въ чёмъ дѣло.

— Бають наши караульные, что будто Гинденбургъ въ Восточной Пруссіи захватилъ 60 000 русскихъ въ плѣнъ... — отвѣчалъ онъ.

Мы сначала не повѣрили. Но въ утреннихъ газетахъ, дѣйствительно, было сообщеніе, что русскій 20 корпусъ былъ окружень и взятъ цѣликомъ въ плѣнъ, причемъ нѣмцы захватили около 400 офицеровъ и 40 000 солдатъ.

Это событіе не произвело на насъ особенно большого впечатлѣнія. Гибель Самсоновской арміи, уничтоженіе австрійской, взятие Перемышля, Эрзерума, все это заставляло думать, что настоящая война имѣть совершенно особые масштабы, тѣмъ болѣе, что, отзовивъ и снявъ флаги, нѣмцы о своей побѣдѣ больше не расписывали.

Плѣнныхъ къ намъ не присыпали. Мы рѣшили, что нѣмцы раздули небольшой успѣхъ для повышенія настроенія въ странѣ. И вдругъ телеграмма въ комендатуру, заготовить мѣста для 250 плѣнныхъ.

Послѣ этого прошло недѣли двѣ. Гуляя какъ то разъ утромъ по коридору, я выглянуль въ окно: на улицѣ, передъ комендатурой, стояла длинная, окруженная конвоемъ, вереница плѣнныхъ въ папахахъ, башлыкахъ, полушибукахъ. Нѣкоторые изъ нихъ съ любопытствомъ разглядывали лагерь. Небольшими партіями ихъ вводили въ канцелярію и, записавъ, разводили по мѣстамъ. Всѣ пустовавшія до сихъ поръ комнаты были заполнены. Въ лагерь сразу стало тѣснѣй и шумиѣй.

Спустившись въ кантину купить хлѣба, я нашелъ передъ ней вновь прибывшихъ. Я занялъ очередь, но кантинщикъ, отпустивъ еще 3 или 4 человѣка, захлопнулъ окошечко и заявилъ, что больше нѣтъ ни хлѣба, ни сахара, ни масла. Я ушелъ ни съ чѣмъ. Въ комнатѣ у насъ такихъ неудачниковъ оказалось еще нѣсколько человѣкъ. Сегодня, какъ разъ былъ день, когда доставляли хлѣбъ въ кантину; но вновь - прибывшіе, изъ которыхъ многіе были съ деньгами, разобрали уже все. Такъ какъ до сихъ поръ не было никакого ограниченія при покупкѣ хлѣба, то они сразу забирали по 3-4 коровья.

— Какъ же быть, я такъ надѣялся сегодня взять хлѣба и масла! — говорилъ Саламатинъ.

— Пойдемте завтра съ утра дежурить у кантинъ. Кантинщикъ, разъ у него хлѣба нѣть, раздобудеть его, только надо поближе въ очередь встать. И возьмемъ по нѣсколько хлѣбовъ, — предложилъ Суражевскій.

Такъ мы и сдѣлали. Но эта мысль пришла въ голову не намъ однимъ: почти весь лагерь собрался съ утра передъ кантиной съ той же цѣлью. Кантинщикъ, получившій сто хлѣбовъ, рѣшилъ, однако, на этотъ разъ продавать на каждое лицо лишь по одному караваю. Нѣкоторые, отнеся купленный хлѣбъ, опять становились въ очередь. Это замѣтили. Начался шумъ, стали укорять другъ друга; несдержаній Косовскій сталъ съ кѣмъ то ругаться. На шумъ подошли союзники. Одинъ французъ съ гордынъ, красивымъ профилемъ и холодными свѣтлыми глазами внимательно смотрѣлъ на шумящихъ русскихъ. Никто не обращалъ на него вниманія.

Англичане, засунувъ руки въ карманы и посасывая трубки, съ удивленіемъ разглядывали толпу: они не понимали, для чего та собралась передъ кантиной. И мнѣ стало отчего-то страшно неловко.

Среди вновь прибывшихъ старые плѣнныя встрѣчали бывшихъ однополчанъ, знакомыхъ и даже родственниковъ.

— Какъ въ Россіи поживаютъ, что о войнѣ говорятъ? — спрашивалъ своего бывшаго однополчанина поручикъ Пащенковъ.

— Да живутъ такъ же, какъ и раньше, все идетъ по-старому, — отвѣтилъ тотъ.

— О мирѣ-то ничего не слыхать, не поговариваютъ?

— Покамѣстъ ничего, да мы тамъ думали, что у васъ здѣсь больше насчетъ этого извѣстно...

— Ну, братъ, тутъ, у насть, ничего не слышно: живемъ, какъ въ пустомъ колодцѣ...

— А тебя убитымъ считали; дядя даже хотѣлъ по тебѣ панихиду служить, — передавалъ одинъ grenadier другому.

— А я сообщалъ, что въ Мюнденѣ, въ плѣну, — отвѣчалъ второй.

— Мать-то не знала даже сперва, что дѣлать: радоваться или горевать, что ты у нѣмцевъ; тамъ у насъ говорять, что обращаются съ плѣнными ужъ очень коряво...

— Со всячинкой, но у насъ то ничего, а вотъ въ солдатскихъ лагеряхъ...

— Да въ Россіи все есть: и хлѣбъ, и мясо, и сахаръ; вздорожало правда все, но немного, — передавалъ прaporщикъ - брюнетъ капитану - блондину.

— А здѣсь хлѣбъ дорогой; за такую булку, какъ въ кантинѣ продается — около марки. На наши деньги это полтинникъ безъ малаго... — жаловался капитанъ.

— Насъ съ фронта прямо въ Штральзундскій лагерь направили. Недѣли двѣ продержали; прививки анти-холерныя дѣлали, а потомъ, когда карантинъ мы отсидѣли, отобрали изъ насъ 250 человѣкъ и сказали — собирайтесь, въ Мюнденѣ побѣдите. Бѣхали — думали: въ Мюнденѣ легче будетъ. Все-таки городъ, въ центрѣ самой страны, войной не задѣтъ. А тутъ, оказывается, тоже не особенно, и даже курить запрещается, — жаловался саперный офицеръ.

Прибытие новой партіи плѣнныхъ внесло разстройство въ нашу жизнь, отразившись на самой слабой ея сторонѣ — на питанії.

Григорій, приходя къ намъ, часто говорилъ:

— Ничего не могъ достать въ кантинѣ: были селедки конченые, да, когда подошла моя очередь, и ихъ уже не стало.

Недобѣданіе стало чувствоватьться острѣе.

Вскорѣ послѣ пріѣзда новой партіи, нѣмцы начали къ чему то готовиться. Наши деньгищики выскребли и вычистили дорожки въ саду, посыпали ихъ пескомъ. Джентльмену изъ уборной дали въ помошь еще нѣсколько соотечественниковъ. Нѣмецкіе унтера летали повсюду и искали гдѣ бы еще павести порядокъ. Кромѣ того, и насъ самихъ просили держать компаніи въ возможной чистотѣ.

Капитанъ «Николай Угодникъ» слѣдила изъ столовой за

уборкой и говорилъ съ радостнымъ видомъ: «совсѣмъ какъ у насъ передъ инспекторскимъ смотромъ».

И вотъ, однажды утромъ, изъ окна комнаты я увидѣлъ въ саду какого то нѣмецкаго военнаго, уже пожилого. въ шинели съ красными отворотами. Заложивъ руки за спину, онъ прошелъ съ комендантомъ по саду; взглянувъ на телѣгу съ мусоромъ, заглянулъ въ уборный и скрылся.

Вечеромъ на Брехаловкѣ передавали, что лицо, гулявшее по саду — главный медицинскій инспекторъ. Собирали также, что онъ побывалъ въ нѣкоторыхъ комнатахъ, чтобы познакомиться съ обстановкой жизни плѣнныхъ; ходилъ даже слухъ, что кто то изъ нихъ подалъ ему заявленіе съ протестомъ противъ запрещенія курить.

Послѣ его отѣзда все осталось, какъ было. Питаніе наше не улучшилось, и основой его являлось, какъ и раньше, кипятокъ съ сахаромъ и хлѣбъ.

Послѣ Пасхи погода измѣнилась. Сразу стало тепло. Въ лѣсахъ и лугахъ брызнуло зеленью. Вмѣстѣ съ весеннимъ воздухомъ, мы словно проглотили зародышъ надежды. Высунувъ головы въ форточки, плѣнныи подолгу смотрѣли на горы, покрытыя дымкой. Гдѣ то за ней пряталась Россія, война, свобода. Неудержимо потянуло на волю.

Какъ-то утромъ Григорій, принеся кипятокъ, сообщилъ радостнымъ шепотомъ: «Такъ что вчера съ троє плѣнныхъ утекло изъ лагеря»...

Моментально одѣяла откинулись; на Григорія градомъ посыпались вопросы. Поставивъ пустые кувшины на полъ, онъ принялъся рассказывать.

Оказалось, что бѣжалъ русскій полковникъ Аносовъ, англійскій лейтенантъ Гетлеръ, если не ошибаюсь, а третій былъ какой-то французскій офицеръ. Помогло имъ бѣжать слѣдующее обстоятельство. Нижній этажъ нашего корпуса сообщался цинковой крытой галлереей съ сосѣднимъ амбаромъ. Когда то, вѣроятно, по этой галлереѣ отправляли въ амбаръ товарные тюки. Она была сплошная и слегка покатая къ амбару; амбаръ

быть уже вѣдь проволоки; выбраться оттуда на дорогу, особенно вечеромъ, было вполнѣ возможно.

Въ комнатѣ, куда выходило отверстіе, никто не жилъ. Тамъ стояло только піанино; на немъ пѣсколько часовъ въ сутки игралъ одинъ изъ русскихъ, бывшій ученикъ консерваторіі. Бѣглецы вошли съ нимъ въ соглашеніе, и пока музыкантъ игралъ, они разбирали стѣнку и вынимали осторожно кирличъ за кирпичемъ; вынутое они складывали въ чемоданъ и выносили во дворъ, на мусорную телѣгу. Сдѣлавъ дыру, они все замели и заставили проломъ піанино.. Штатское платье имъ смастерили одинъ изъ русскихъ денъщиковъ, портной по профессії.

Это дѣло удалось провести въ полномъ секретѣ. Вечеромъ бѣглецы сѣли въ трубу и скатились въ амбаръ. Дыру снова заставили. Утромъ всѣ плѣнныѣ уже знали о побѣгѣ; нѣмцы же еще ничего не подозрѣвали. На утреннемъ аллелѣ вмѣсто бѣглецовъ стояли денъщики; у нихъ повѣрка была на часъ раньше; все сошло благополучно.

Когда настѣ распустили, многіе пошли посмотреть комнату, откуда бѣжали. Корridorъ, ~~когда~~ темный и пустынnyй, загудѣлъ. У нѣкоторыхъ мелькнула мысль попробовать бѣжать этимъ же путемъ, пока не хватились нѣмцы.

Въ нашей комнатѣ рѣшили бѣжать Бабинъ и Корсовскій.

Одни ихъ отговаривали:

— Помѣшаете только первымъ: такъ нѣмцы когда еще могутъ хватиться, а если поль-лагеря черезъ трубу высыпется — сейчасъ же сообразятъ, гдѣ лазейка.

— Куда же бѣжать въ кителѣ, въ папахѣ, безъ пальто; сразу жители увидятъ, что плѣнныie. Это не побѣгъ будетъ, а мальчишеская выходка, — добавляли другіе.

— Знаю все это, — защищался Бабинъ. — Но хоть одинъ день побродить на волѣ, и то ужъ хорошо.

— А кто знаетъ, — ободрялъ его Суражевскій, — можетъ и повезетъ; перейдеть Бабинъ голландскую границу и оттуда намъ письмо пришлетъ...

Образовалось двѣ партіи бѣглецовъ. Одна должна была

отправиться раньше, другая немного позже. Главное затруднение было съ платьемъ. У насъ ничего не было, кроме форменного; поэтому бѣглецамъ оставалось одно: приспособить его такъ, чтобы оно возможно меньше напоминало военное. Съ этой цѣлью поверхъ брюкъ Бабинъ натянулъ теплые кальсоны, а вместо фуражки ему кто то далъ красную вязаную шапочку съ синимъ помпономъ. Въ карманъ брюкъ онъ сунулъ зубную щетку и порошокъ. Его спутникъ Корсовскій надѣлъ кожаные штаны, куртку и высокіе сапоги; на голову же нахлобучилъ вывернутую наизнанку папаху.

— «Чтобы не узнали», объяснилъ онъ, когда всѣ вокругъ разсмѣялись.

Бабинъ своими обтянутыми ногами напоминалъ что-то цирковое, а Корсовскій смахивалъ на разбойника.

Къ нимъ приходили, прощались, смѣялись, но, пожалуй, въ душѣ имъ всѣ немножко завидовали. Съ собой въ дорогу они брали ручной чемоданчикъ; Арцышевичъ наполнилъ его хлѣбомъ и всякимъ сѣстрымъ, онъ ничего не пожалѣлъ для отправлявшихся. Когда все было готово, Бабинъ и Корсовскій съ чемоданчикомъ направились внизъ, за ними масса любопытныхъ. Впереди шли разведчики: при появленіи немцевъ Бабинъ и Корсовскій должны были спрятаться въ ближайшую комнату. Но имъ удалось благополучно добраться до цѣли. Отодвинули піанино: Бабинъ, Корсовскій и ихъ багажъ, какъ на салазкахъ, скатились въ амбаръ.

Такимъ же образомъ была отправлена и вторая партия. Съ находившимися въ амбарѣ можно было даже говорить черезъ галлерей. Такимъ путемъ мы узнали, что у нихъ все благополучно и что они просятъ заставить дыру. Ихъ просьбу исполнили. На слѣдующій день готовилось бѣжать человѣкъ пятьдесятъ.

Но, приблизительно, черезъ часъ появился немецкій унтеръ - офицеръ и четверо караульныхъ; ониувѣренno прошли въ комнату съ піанино, отодвинули его и посмотрѣли въ дыру. Другие караульные направились въ амбаръ и забрали всѣхъ

бѣженцевъ въ комендатуру. Выпустили ихъ лишь на слѣдующій день, послѣ утренняго апеля. Они всѣ были очень утомлены и сейчасъ же улеглись спать.

— Всю ночь не пришлось спать, — рассказывалъ Банинъ. — Когда захватили насъ въ амбарѣ и привели въ комендатуру, то я подумалъ: составлять протоколъ, ну и отпустить. А вмѣсто того, насъ отвели въ пустую комнату и поставили лицомъ къ стѣнѣ, на шагъ отъ нея, на разстояніи вытянутой руки другъ отъ друга; сзади помѣстили часоваго; чуть пошевельнешься — онъ уже затворомъ щелкаетъ, оретъ что то по-своему. Не то, что поговорить съ сосѣдями, даже головы повернуть къ нимъ нельзя было. Весь день и всю ночь такъ провели; дремали стоя; протянешь руку, чтобы о стѣнку опереться — крикъ сзади. Одинъ рукой до стѣнки дотянулся — прикладомъ получилъ. Я думалъ, никогда ночь не кончится. А въ уборную лишь передъ утромъ позволили выйти. Потомъ, когда ужъ пришелъ переводчикъ, часовъ въ 9, насъ на допросъ повели. Записали имя, фамилію, а потомъ допрашивать стали: «почему вы бѣжать хотѣли, или вамъ плохо въ плѣну живется?» Стало затѣмъ смотрѣть, что въ чемоданчикѣ находится, увидѣли хлѣбъ, спрашиваютъ: «откуда у васъ такъ много хлѣба, кто вамъ далъ его?» Въ общемъ такие вопросы задавали, что и отвѣтить не знаешь какъ, — докончилъ Банинъ свой разсказъ.

— Въ сарай мы скатились благополучно, описывалъ свои впечатлѣнія прaporщикъ Ленчевскій, — сначала показалось темно, а потомъ ничего, стали разбираться: въ дверяхъ были щели, оттуда свѣтъ шелъ. Помѣщеніе оказалось громадное: солома вездѣ, картофельный кучи, наверху сани; словомъ, спрятаться можно было гдѣ. Попрятались, ждемъ вечера. Потомъ за стѣной вдругъ голоса, по пѣмецки что то говорять. Я сталъ прислушиваться. «Wo?» спрашиваетъ кто-то. Потомъ молчаніе. «Wieviel?» слышу опять. Отвѣта не разобралъ. Потомъ минутъ черезъ десять двери открылись, вошли караульные. Сначала двухъ нашли, а потомъ спрашиваютъ, гдѣ еще трое. И ихъ отыскали.

— Кто-то изъ русскихъ выдалъ, и говорить нечего, — подтвердилъ Ленчевскій, — когда нась вели въ комнату черезъ коридоръ, первая дверь, мимо которой мы прошли, была пальца на два открыта, а за ней кто-то въ сѣромъ стоялъ. Я подумалъ, что нашъ солдатъ какой-нибудь, хотѣлъ взглянуться, а въ этотъ моментъ дверь и захлопнулась; потомъ еще, когда мы стояли передъ стѣной, шорохъ какой-то послышался, я и обернулся быстро. Смотрю, а въ коридорѣ, у дверей, опять какая-то сѣрая фигура на насъ глядѣла, должно быть; но только я обернулся, она сейчасъ же юркнула, тутъ часовой еще заоралъ, я и не разобралъ...

Бѣжавшихъ предали военному суду; ихъ обвинили ни въ чёмъ другомъ, какъ въ порчу казенного имущества: пробитая полковникомъ Аносовымъ стѣна была поставлена въ счетъ Бабину и Ко. По окончаніи судебнаго слѣдствія, которое велось Абтомъ, все дѣло было передано на разсмотрѣніе Кассельского военнаго суда. Насколько помню, дѣло окончилось въ ничью. Пострадала одна цинковая галлерея: нѣмцы ее сняли совсѣмъ, а черезъ нѣсколько дней каменщики заложили проломъ.

Что же касается Аносова и его товарищѣй, то бѣжать изъ Германіи имъ никому не удалось: черезъ нѣсколько дней ихъ всѣхъ поймали и препроводили въ Мюнденскую тюрьму. Оттуда ихъ нѣсколько разъ приводили на допросъ въ комендатуру. Полковнику Аносову удалось какъ то передать въ лагерь, что нѣмцы съ ними въ тюрьмѣ обращаются невыносимо жестоко.

Съ прибытиемъ плѣнныхъ изъ Штальзунда, недобданіе, какъ я сказалъ, стало чувствоватьться сильнѣе. На хлѣбъ, правда, офиціального ограниченія не было. Но у насть получилось впечатлѣніе, что, несмотря на удвоившееся почти число плѣнныхъ, количество продуктовъ въ кантинѣ не увеличилось. Хлѣба въ ней часто не доставало, сахару тоже, на масло пришлось махнуть рукой. У кантинѣ подолгу приходилось дежурить, чтобы не остаться съ пустыми руками. Но, какъ никакъ, жить было еще все-таки можно.

15-го апрѣля 1915 года кто-то изъ насть утромъ послалъ

Григорія въ кантину спрятаться, нѣтъ ли хлѣба, а при возможности и купить. Григорій попелъ, но скоро возвратился съ пустыми руками и заявилъ: «финишъ бротъ». Оказалось, что хлѣбъ изъ кантини будетъ выдаваться лишь по маркамъ. И, начиная съ этого времени, по понедѣльникамъ, послѣ утренняго аппеля, нашъ старшій по комнатѣ получалъ отъ Фрица столько жестяныхъ жетончиковъ, сколько было человѣкъ въ комнатѣ. За такой жетончикъ изъ кантини выдавали хлѣбъ такого же вѣса и цѣны, что и раньше; но раньше мы съѣдвали его въ два-три дня, а теперь этого каравая должно было хватить на недѣлю. Стало очень голодно.

Начали усиленно писать въ Россію о присылкѣ съѣстнаго. Но что можно было слать изъ Россіи? Хлѣбъ для пересылки не годился, ржаные сухари надо было приготовить, а консервовъ въ Россіи мало. И деревянный, бѣлый ящикъ, откуда нибудь изъ Воронежа или Тамбова, заключалъ въ себѣ обыкновенно фунта два - три копченой колбасы, столько же сахару, немного табаку, изрѣдка ржаные сухари и пачки двѣ Эйнемовскаго печенья. Это было бы большими подспорьемъ, если бы посылки регулярно отправлялись и не терялись въ дорогѣ. А иногда они приходили совершенно разбитыя, почти или совсѣмъ лишенныя своего содержимаго. Нельзя было сказать, чья это вина — нѣмцы винили русскую почту, а мы думали па нѣмцевъ.

Каждый, колечко, зналъ, какихъ трудовъ стоить посылка: надо все найти, купить, достать ящикъ, запаковать и отправить на почту. Это требовало денегъ и времени.

— Ну, что моя мать для меня можетъ сдѣлать? — разсуждалъ поручикъ Борода. — Живеть она въ глухомъ мѣстѣ, отъ почты верстъ десять будетъ, ей и ящика то тамъ не достать. Насушила одинъ разъ сухарей, поѣхала за 10 верстъ киселя хлѣбать, а ей на почтѣ сказали, что пока посылокъ въ Германію не принимаютъ: пріѣхала въ другой разъ, а въ посылкѣ больше 10 фунтовъ оказалось: пришлось раскупоривать да до 10 фунтовъ подгонять. А ей безъ малаго 60 лѣтъ, и ревматизмъ

у ней, развѣ я могу допустить, чтобы она изъ за меня свои старыя кости трясла. И такъ: родила, выкормила, выrostila, да еще и теперь заботься...

— А моя Дарья Сергеевна должна до почты 20 верстъ сдѣлать. Баба она здоровая, ей это ни почемъ, только та бѣда, что и по-русски то пишеть, какъ курица лапами, а по-немецки заадресовать и совсѣмъ не можетъ. Чтобы адресъ написать, ей надо за 6 верстъ въ волость пойти... — сообщилъ про свою половину прaporщикъ Сальниковъ.

И, дѣйствительно, многіе плѣнныe не желали доставлять своимъ близкимъ лишнихъ хлопотъ и молчали о голодовкѣ.

Вскорѣ послѣ Пасхи, стоя однажды у окна въ коридорѣ, я увидѣлъ, какъ во дворѣ передъ комендатурой вошли, густо окруженнай ландштурмистами, группа плѣнныхъ, человѣкъ въ сорокъ. Это были русскіе солдаты изъ Касселя, присланные сюда для пополненія числа рабочихъ рукъ въ лагерѣ. Шинели на нихъ совсѣмъ ужъ истерлись и изъ сѣрыхъ стали желто-бурыми; всѣ лица были восковыя, исхудалыя. Двигались плѣнныe робко, неувѣренно, видимо боясь не такъ встать, не такъ повернуться. При малѣйшемъ окликѣ они всѣ шарахались въ сторону, какъ пугливое стадо. Принять ихъ вышелъ какой то унтеръ - офицеръ изъ комендатуры. Послѣ переклички ихъ направили внутрь зданія. Медленно проходили они черезъ дворикъ, не смѣя поднять вверхъ головы, шаркая утомленно ногами. Одни тащили свой небольшой скарбъ въ завязанныхъ платкахъ, другіе — въ самодѣльныхъ деревянныхъ сундучкахъ. У многихъ на ногахъ были деревянные башмаки и отпоротыя отъ старыхъ сапогъ голенища.

Вечеромъ одинъ изъ вновь прибывшихъ солдатъ разсказывалъ.

— Что въ лагеряхъ дѣлается? Помираютъ, Ваше Благородіе. Мрутъ страстьшибко. Насъ сто человѣкъ съ одного батальона въ плѣнъ пригнали; всѣхъ такъ въ одинъ баракъ и помѣстили. А теперь изъ сотни 25 человѣкъ осталось. А про чье — кто отъ тифа, кто отъ чахотки, а кто попросту съ голоду померъ.

— Ваше Благородие, бѣда коли нѣмецъ надъ русской землей власть получить. Сживеть онъ тогда всѣхъ православныхъ со свѣта. На войнѣ то еще нѣкоторые промежъ настъ говорили, что у нѣмца хорошо, у нѣмца всѣ богатые и вся кому жить у него вольготно. Теперь то мы увидѣли, кому здѣсь хорошо, — говорилъ пожилой запасный.

— Это еще что, это еще самыхъ лучшихъ сюда послали, — вмѣшался въ разговоръ солдатикъ съ совершенно прозрачнымъ лицомъ, — Вы бы посмотрѣли, какіе среди насъ въ Кассельѣ есть! Кости, да кожа; лежать и ѓсть не просятъ; догораютъ, такъ сказать. Ихъ и нѣмцы ужъ не трогаютъ, бесполезно....

— Но что же дѣлаютъ тамъ съ вами? — спрашивали собравшиеся офицеры, — кормятъ васъ все-таки чѣмъ нибудь?

— Какъ же, три раза въ день, но только и собаки этого не ѓдятъ; да и того даютъ очень мало. Меня въ городъ на работу посыпали; доводилось ведра съ помоями таскать; солешишь осторожно, а со дна собираешь, что попадеть: морковку, шелуху разную, кофе спитой; соберешь все это, да и ъшь. Жаходились люди, что мнѣ завидывали: ты, Матвѣй, счастливецъ; всегда изъ помоеvъ что нибудь достать можешь. Какъ передъ Истиннымъ... Ну, а затѣмъ еще и листовками настъ кормятъ; книжечки тоненькия намъ присылаютъ. Въ нихъ все больше Россію ругаютъ. Земля-де однимъ помѣщиковъ принадлежить, и народы, что въ Россіи живутъ, правовъ не имѣютъ, такъ имъ, значитъ, надо права дать...

Такъ разсказывали солдаты о своихъ лагеряхъ.

Мнѣ самому пришлось видѣть фотографический снимокъ, привезенный однимъ изъ деньгищиковъ: посреди большого двора было вкопано что то вродѣ креста. На этомъ крестѣ цѣпями за руки, за ноги и за поясницу былъ привязанъ русскій солдатъ. Вдали виднѣлась рѣшетка изъ колючей проволоки, нѣсколько фигуръ другихъ военноплѣнныхъ; у подножія стояла пустая миска. Сняль эту картину одинъ изъ латышей - переводчиковъ и переслалъ въ лагерь, какъ документъ.

ГЛАВА VIII.

Апрѣль былъ богатъ событіями; между прочимъ, умеръ старый коменданть, появился новый, исчезъ Вальтеръ.

Старый коменданть рѣдко показывался намъ. Онъ сидѣлъ больше у себя въ канцеляріи. Лично я видѣлъ его одинъ разъ, послѣ прибытія въ лагерь сибиряковъ - офицеровъ, взятыхъ подъ Лодзю. Коменданть рѣшилъ тогда сдѣлать всѣмъ намъ смотръ.

Росту онъ былъ небольшого, съ болѣзненно раздутымъ животомъ; изъ подъ каски виднѣлись сѣдыя, коротко - остриженные волосы; круглая, какъ арбузъ, голова сидѣла на толстой, крѣпкой шеѣ. Кожа была на лицѣ сѣрая, пездоровая. Носъ ястребиный; усы поднимались вверхъ, какъ громоотводы; глаза слегка выходили изъ орбитъ и двигались, какъ у рака. Когда ему представляли русскихъ генераловъ, онъ подалъ имъ большую, опухшую руку.

Мы знали отъ денъщиковъ, что коменданть боленъ, питья какія то воды и постоянно лечится, а лагеремъ править въ дѣйствительности Вальтеръ. Коменданть ему ни въ чемъ не можетъ отказать и подписываетъ все, что тотъ ему не подсунетъ. И запрещеніе курить, повидимому, исходило единствен-но отъ Вальтера.

Въ мартѣ коменданть уѣхалъ куда то на воды и тамъ умеръ. Исполнять его обязанности былъ временно назначенъ одинъ изъ гауптмановъ комендатуры.

Вскорѣ послѣ этого событія, спустившись одинъ разъ въ садъ, я увидѣлъ тамъ двухъ человѣкъ въ штатскомъ. Одинъ изъ нихъ былъ высокій, блондинъ, бритый; другой — пониже, съ бородой, брюнетъ. Они ходили по саду, съ записными книжечками въ рукахъ и, время отъ времени, что то туда вносили. Сначала пѣнныя приняли ихъ за нѣмецкихъ подрядчиковъ и не обращали на незнакомцевъ вниманія. Но потомъ пошли слухи, что это какія то важныя персоны, послы не послы, но

что-то въ этомъ родѣ, и явились они съ цѣлью узнать, какъ живутъ военноплѣнныя.

Высокій оказался представителемъ американского посольства въ Берлинѣ, а пониже — испанскаго. Первый — защищалъ интересы англійскихъ плѣнныхъ, второй — русскихъ. Своего защитника англичане таскали всюду и показали весь лагерь. Но въ сущности имъ не на что было особенно жаловаться. Самый лагерь содержался въ чистотѣ и порядкѣ. Они не голодали, и, хоть нѣмцы, дѣйствительно, ихъ не любили, но это обычно дальше надписей «Gott strafe England» не шло.

Но зато мы раскрыли испанцу всѣ наши скорби: недѣданіе, выходки Вальтера, запрещеніе курить, и, кромѣ того, просили его посѣтить солдатскіе лагеря и тамъ обратить вниманіе на положеніе русскихъ. Мы съ Суражевскимъ стояли около Вальтера, когда къ нему подошелъ американецъ.

— Плѣнныя жалуются, что въ лагерѣ запрещаютъ курить. Правда ли это? — спросилъ онъ Вальтера.

— Да, — отвѣтилъ тотъ.

— Почему?

— Лагерь очень опасенъ въ пожарномъ отношеніи.

— Но тогда можно было отвести специальную комнату для куренія. Имъ запрещено курить даже въ саду. Какъ Ва-ша фамилія?

Вальтеръ сказалъ, и американецъ что то записалъ въ книжечку. Послѣ этого оба представителя исчезли.

Намъ было разрѣшено курить, но одновременно съ этимъ исчезъ изъ лагеря Вальтеръ. Какъ мы потомъ узнали, его перевели въ одинъ изъ солдатскихъ лагерей комендантомъ. Кроме того, пронесся слухъ, что, вслѣдствіе жалобы англичанъ на слишкомъ большое скопленіе людей въ лагерѣ, часть плѣнныхъ будетъ переведена въ другое мѣсто.

Дѣйствительно, въ началѣ мая Фрицъ обошелъ всѣ комнаты и въ каждой объявилъ фамиліи лицъ, назначенныхъ къ отправкѣ. Изъ нашей комнаты уѣзжали Бабинъ, Суражевскій, Смирновъ и всѣ иностранцы. Мы съ любопытствомъ ожидали

момента, когда будетъ укладываться Бетти - Смисъ. Его запасы разрослись къ тому времени до размѣровъ хорошаго колониального магазина, Берестовъ даже сдѣлалъ вывѣску : «Great Grocery Betty Smith & Co» — и повѣсили ее надъ изголовиемъ англичанина. Бетти - Смисъ много смѣялся надъ вывѣской и даже приводилъ своихъ товарищъ, чтобы показать ее. Когда пришелъ, наконецъ, моментъ укладываться, Бетти - Смисъ явился съ двумя огромными дорожными мѣшками, купленными въ кантинѣ, и запаковалъ въ нихъ свою лавочку. Каждый мѣшокъ раздулся до размѣровъ толстаго человѣка; кроме того, у него еще была стопка чемодановъ довольно крупнаго калибра, всѣ тоже набитые до отказа. Цѣлое утро двое дюжихъ англійскихъ солдатъ, кряхтя, перетаскивали внизъ веши Бетти - Смиса, для отправки ихъ на желѣзную дорогу.

Пришелъ моментъ прощанія. Съ чувствомъ мы пожали другъ другу руки. Время, прожитое вмѣстѣ, насть всѣхъ сблизило, но, встрѣтившіяся на минуту, наши жизни расходились снова.

Послѣ отъѣзда нашихъ товарищъ, комнату № 145 рѣшили совсѣмъ освободить. Меня перевели въ сосѣднюю, къ русскимъ, а другихъ въ комнату двумя этажами ниже. Я предпочелъ остаться наверху, потому что видъ оттуда былъ лучше.

Весна была уже во всѣхъ своихъ правахъ. Все цвѣло; деревья въ саду покрылись нѣжнымъ бѣло - розовымъ облакомъ. Пчелы и шмели тыкались въ раскрытыя чашечки цвѣтовъ; молодая листва съ каждымъ днемъ становилась гуще; на лугахъ стѣной поднималась свѣжая трава. Все было радо солнцу, теплу и веснѣ. Даже самъ Везеръ повеселѣлъ, отражая синее небо и тонкія паутинныя облачка.

Въ это время, приблизительно, появился новый комендантъ, генералъ - майоръ фонъ - Визе. По прибытии въ лагерь, онъ вызвалъ къ себѣ старшихъ по чину плѣнныхъ, по одному отъ каждой націи, и объявилъ имъ, что намѣренъ приложить всѣ усилия, чтобы скрасить пребываніе плѣнныхъ въ Герма-

нії. Отъ нихъ же просилъ содѣйствія и указанія, что могло быть сдѣлано въ этомъ направленіи. Русскому генералу, кромѣ того, онъ еще сказалъ, что его заботить недоѣданіе русскихъ. Оказалось, что, по подсчету самого кантинщика, при числѣ плѣнныхъ около 600 человѣкъ, обѣдовъ расходовалось всего до 200; и то большая половина бралась нашими союзниками.

Новымъ комендантомъ была образована изъ плѣнныхъ «комиссія улучшений», какъ мы ее прозвали. Она ретиво приялась за дѣло.

Наступила «эпоха великихъ реформъ». Самая главная заключалась въ томъ, что коменданть согласился удалить кантинщика и дѣло продовольствія передать въ руки самихъ плѣнныхъ. Кантинщикъ исчезъ, а столовую выскребли, вымели, столы обили kleenкой, а для украшенія стѣнъ были заказаны русскимъ художникамъ картины. Потомъ преобразовали и увеличили кантину. Учредили изъ плѣнныхъ же двѣ комиссіи — кухонную и кантинную. Среди нась нашлись хорошие организаторы, и коммерсанты, и бухгалтеры, и продавцы, словомъ, все, что было нужно для веденія дѣла. Обѣдъ и ужинъ стали обязательными, и стоило это $1\frac{1}{2}$ марки въ день.

Плата взымалась впередъ и высчитывалась при получкѣ содержанія. Теперь обѣдъ нашъ состоялъ изъ трехъ блюдъ — супа, второго и компота. Супъ готовился изъ овощей; специально для него брались кости, правда, совершенно голыя, но все-таки онѣ давали наваръ. На второе намъ часто стали давать хорошо зажаренную рыбу, каждому по цѣлой штукѣ, величиной съ воблу; иногда — небольшія котлетки съ рисомъ или картофелемъ; если же нельзя было достать ни рыбы, ни мяса, — готовили макароны или рисъ въ большемъ количествѣ. Послѣ этого, слѣдовалъ компотъ изъ сливъ или яблокъ. На ужинъ давали одно блюдо: рисъ, макароны или картофель; время отъ времени къ этому присоединяли хорошую копченую селедку. Кромѣ того, въ самой кантинѣ появилось много товаровъ; они стали дешевле и лучше по качеству, чѣмъ у кантинщика. Денегъ, правда, у нась оставалось не много, но на

нихъ теперь можно было купить вдвое больше. Отмѣнили плату за баню и, вмѣсто плохихъ душей, поставили хорошіе. Теплая и холодная струя стали смыщиваться равномѣрно.

Представителямъ плѣнныхъ генераль фонъ - Визе, между прочимъ, сказалъ:

— Я хочу, чтобы время, проведенное плѣнными въ Германіи, не было потеряно ими; среди нихъ, несомнѣнно, найдутся лица, которые пожелають чѣмъ нибудь заняться; имъ будетъ предоставлена полная возможность читать и учиться. Я буду гордъ, если кто нибудь изъ нихъ, возвратясь къ себѣ, скажетъ: «я изучилъ это въ Германіи».

Слова фонъ-Визе не остались пустымъ обѣщаніемъ.

Внизу была отведена комната, куда раза три въ недѣлю являлись книготорговцы. Они приносили съ собой массу книгъ и, кромѣ того, черезъ нихъ можно было заказать все, что угодно. Заказы дѣлались по телефону въ Лейпцигъ и исполнялись въ три - четыре дня.

Только тутъ въ плѣну русскимъ стало видно ихъ странное положеніе. Всѣ націи — пѣмцы, французы, бельгійцы, англичане, поляки были покрыты чѣмъ то жесткимъ, что рѣзalo русское добродушіе, какъ ножъ тѣсто. Нѣмцы настѣ считали за варваровъ, поляки откровенно ненавидѣли, бельгійцы рассматривали, какъ «une espèce de sauvages». Французы молчали, но они, конечно, не допускали никакого знака равенства между собой и нами, а англичане просто не считались съ нами. Но русскіе никому не имѣли права платить той же монетой; отъ Россіи всѣ эти народы что-то требовали, но сами не думали ничего признавать за ней.

И, какъ только получилась возможность расширить свои познанія и пріобрѣсти новыя, всѣ съ жадностью набросились на книги. Отъ пресловутой русской лѣни ничего не осталось. Путь къ образованію лежалъ черезъ новые языки. И вотъ пожилые полковники, капитаны и совсѣмъ молодые поручики и прапорщики заходили по лагерю съ книгами, тетрадками и словарями.

Пожилой капитанъ говорилъ еще болѣе пожилому полковнику:

— Я теперь 8 часовъ въ день сижу падъ нѣмецкимъ. Когда начну достаточно понимать, возьмусь за французскій, а затѣмъ, если будетъ возможно, то и за англійскій.

— А я хочу только французскій подучить, какъ слѣдуетъ. Кто знаетъ, можетъ быть, въ отставкѣ лишній кусокъ хлѣба будетъ, — отвѣчалъ полковникъ.

Неокончившіе заурядъ - врачи, студенты - техники, инженеры, юристы, агрономы, востоковѣды вооружались увѣсистыми томами, каждый по своей специальности. Захлопали тяжелые словари Павловскаго, Макарова, Александрова.

Кромѣ того, комендатура вошла въ соглашеніе съ Пироговской библіотекой при Геттингенскомъ университѣтѣ. Библіотеку эту составили учившіеся тамъ русскіе; въ ней было около 7 000 томовъ научнаго содерянія на русскомъ языкѣ. Библіотечный каталогъ находился въ нашей комендатурѣ; желавшіе получить что-нибудь изъ Пироговской библіотеки, давали въ канцелярію записку съ указаниемъ книги. Черезъ день-два книга уже приходила въ лагерь. Черезъ комендатуру же можно было также пользоваться и мюнденской городской библіотекой, внеся небольшой залогъ.

Плѣнныя копались въ стружкахъ, оставленныхъ плотниками; выбирали оттуда обрѣзки досокъ, пускали въ ходъ ящики отъ посылокъ, доставали гвоздей и сколачивали себѣ столики для занятій. На этихъ столикахъ, часто не больше носового платка, въ величайшемъ порядкѣ складывались книги, словари, тетради. Для практики старались больше говорить съ иностранцами. Для этого знакомились съ союзниками, говорили съ нѣмцами. Вечеромъ, сидя подъ тусклой лампочкой и напрягая зрѣніе, писали упражненія, читали, переводили. Время прошло быстрѣе, и иногда даже посѣщали небольшія радости, когда замѣчались успѣхи. Это еще больше придавало силъ. Много плѣнныхъ ушло съ головой въ занятія и работало буквально съ утра до вечера.

Открылись курсы французскаго и нѣмецкаго языковъ;

одинъ русскій инженеръ, прожившій долго въ Германіи, преподавалъ нѣмецкій; а французскому учили одинъ французъ — офицеръ, самъ предложившій свои услуги.

Для лицъ, не кончившихъ средней школы, преподавалась математика въ объемѣ гимназического курса. Читались отдельныя лекціи по физикѣ, химії, агрономіи, ботаникѣ. Чтенія сопровождались туманными картинами, спеціально для этой цѣли комендатура достала волшебный фонарь.

Для лицъ, желающихъ заняться ручнымъ трудомъ, была оборудована переплетная мастерская. Работалъ въ ней капитанъ Гладкевичъ и его помощникъ — военный чиновникъ. Переплетали они хорошо и, благодаря обилию книгъ въ лагерь, они были всегда завалены работой. Кроме переплетного мастерства, можно было также заниматься вырезываніемъ по дереву, выжиганіемъ, выпиливаніемъ.

Художникамъ облегчили пріобрѣтеніе материаловъ, необходимыхъ для ихъ искусства; музыкантамъ разрѣшили покупать музыкальные инструменты, ноты, брать на прокатъ піанино; любители фотографіи могли обзаводиться какими угодно аппаратами и всей фотографической кухней.

Фотографія нашла почему то особенно много любителей, и вскорѣ каждая комната имѣла своего фотографа, а то даже и нѣсколькихъ сразу. И нѣкоторые изъ нихъ, дѣйствительно, достигли большого мастерства въ своемъ дѣлѣ.

Потомъ былъ выстроенъ длинный деревянный баракъ для занятій, рядомъ со столовой; его украсили насколько возможно картинами, — акварелями, пастелями; поставили маленькие столики и стулья. Баракъ этотъ получилъ у насъ название «Черепахи». Задняя половина его была раздѣлена на двѣ части, одна предназначалась для музыкантовъ, въ другой — стояли билліарды. Музыканты говорили, что имъ мѣшаютъ билліардисты, а эти жаловались, что имъ надоѣдаютъ музыканты.

Кромѣ книготорговцевъ, въ лагерь стали приходить также продавцы письменныхъ принадлежностей, разныхъ мелочей, портные, сапожники, оптика, часовщики. Я отдалъ передѣлать свою пострадавшую шинель и, послѣ этого, она стала предме-

томъ общей зависти; до передѣлки же она имѣла такой видъ, что я хотѣлъ совсѣмъ ее бросить. Испорченные часы были починены великодушно.

Готовность всѣхъ этихъ торговцевъ притти на помошь заказчику, ихъ честность, точность и быстрота исполненія, наряду съ небольшими цѣнами, были изумительны. И я, несмотря на свои скромные достатки, потихоньку и полегоньку сдѣлался обладателемъувѣсистаго короба книгъ, письменныхъ принадлежностей и другихъ мелочей.

Устроивъ души и оборудовавъ дезинфекціонную камеру, комендатура объявила войну вѣшамъ, — онѣ не переставали у насъ водиться. Постельное бѣлье мыняли 2 раза въ мѣсяцъ; свое мы отдавали стирать въ городъ, и, какъ ни старались держать себя въ чистотѣ, все-таки нѣтъ — нѣтъ гдѣ нибудь на бѣльѣ и находилось насѣкомое; вѣроятно, въ этомъ были виноваты наше платье и шинели, которыхъ не было возможности продезинфицировать. Кромѣ того, находились лица, не обращавшія на себя вниманія.

Отличался среди перяжъ поручикъ Мрусенко, постоянный собесѣдникъ капитана «Николая Угодника».

Это былъ удивительный по наружности и по характеру человѣкъ. Лицо онъ имѣлъ круглое, слегка скуластое, прѣта старой рогожи; носъ — съ большимъ выгибомъ и приподнятый на кончикѣ; съ каждой его стороны свисали внизъ большими грушами щеки; сѣрые, юркіе глаза все время бѣгали, какъ мыши. Засаленный китель и штаны казались налитыми застывшимъ жиромъ; въ то время, какъ все плѣнныя худѣли, онъ одинъ раздавался въ ширь. Правда, про него ходилъ слухъ, что онъ умудрялся обѣдать до 3-хъ разъ въ день; одинъ разъ на свой собственный счетъ, другой — на капитанскій, для третьаго онъ занималъ у кого нибудь; онъ не стѣснялся просить у франузовъ и англичанъ, бралъ въ долгъ также и у денщиковыхъ, не пропуская безъ вниманія ни одной націи.

Въ столовую онъ приходилъ первымъ и уходилъ оттуда послѣднимъ. Время онъ проводилъ въ ёдѣ и въ бесѣдахъ съ

капитаномъ. Капитанъ былъ вообще туговатъ на мешну, Мрусенко же онъ почему то оказывалъ кредитъ, правда небольшой. Но тотъ своихъ долговъ никогда и никому, въ томъ числѣ и капитану, не платилъ. Капитанъ сердился и даже гналъ иногда Мрусенко отъ себя. Но ихъссора продолжалась недолго: отъ обѣда до ужина въ день получения денегъ; затѣмъ между ними снова водворялось согласіе.

Что лежало въ основѣ дружбы между этими двумя людьми, разными и по характеру, и по возрасту, никто не могъ понять; доходили даже до предположенія, что капитанъ, человѣкъ многосемейный, прочилъ его въ женихи одной изъ своихъ дочерей. Намъ казалось, однако, невѣроятнымъ, чтобы какая нибудь женщина рискнула выйти замужъ за Мрусенко.

— Вотъ ужъ четвертый мѣсяцъ онъ живетъ въ нашей комнатѣ, — разсказывалъ про Мрусенко одинъ изъ его сожителей, — и никто не видѣлъ, чтобы онъ хоть разъ за это время вымылся. Спросить его: «ну, что, Мрусенко, будете вы сегодня мыться?». Онъ береть тогда кувшинъ, наливаетъ въ тазъ воды, нагибается, но не моется, а только дѣлаетъ видъ, что моется, затѣмъ сухое лицо полотенцемъ третъ. Бѣлья своего самъ не стираетъ и въ городъ не отдаетъ; въ чемъ пришелъ въ плѣнъ, въ томъ до сихъ поръ ходить. Раздѣвается, когда свѣтъ потушать, чтобы не показывать своихъ батистовъ. Да только напрасно. Какъ пойдетъ по комнатѣ запахъ прѣлаго копыта, такъ ужъ всѣ знаютъ, что Мрусенко раздѣвается. Сосѣди въ перегородку стучать: «какая тамъ у васъ вонючка завелась?» Изъ-за него съ открытыми окнами и дверью спимъ. Пройдутъ нѣмцы мимо нашей комнаты — обязательно «Russische Schweine» вспомянутъ. Сперва мы думали, что человѣкъ съ фронта пришелъ, очумѣлъ просто. Благотворительствовали: одинъ положить ему на кровать рубашку, другой — кальсоны, кто — носки. Деньги на мытье давали. Чтобы не сбѣжалъ, до бани провожали. И все въ пустую: является вечеромъ и еще сильнѣе несетъ отъ него. А потомъ деньгищикъ нашъ говоритъ: «поручикъ Мурсенко къ намъ въ комнату приходилъ, бѣлье чье-то продавать». Оказывается, и въ банѣ онъ не мылся, прид-

ти — придетъ, да сядеть и ждеть, когда баня кончится, не-
мытымъ и уходить.

Подобное воздержаніе Мрусенко отъ мыла и воды заслу-
жило ему отъ его сожителей кличку: «вшивый парникъ» и ро-
дило легенду, что онъ страдаетъ тихимъ видомъ водобоязни.

Полковникъ же Гавриловъ утверждалъ, что Мрусенко уро-
нила въ дѣтствѣ пянька, и съ той поры онъ б�ится утопуть въ
тазу и захлебнуться подъ душемъ.

Но самъ «вшивый парникъ» мало обращалъ вниманія па
то, что думаютъ и говорятъ другіе. Неудобства, которыя спѣ
причинялъ своей особой, не омрачали его душевной ясности.
Среди всеобщаго неудовольствія, онъ одинъ становился вполнѣ со-
бой доволенъ.

Быть у насъ еще въ лагерѣ капитанъ Никулитовъ. Самъ
по себѣ онъ былъ человѣкъ интересный и не безъ дарованій,
но въ смыслѣ опрятности вель себя только немногимъ лучше
Мрусенко и испускалъ запахъ, приблизительно, такой же крѣ-
пости и пріятности.

Такіе люди разводили насѣкомыхъ и снабжали ими и дру-
гихъ. Потому, когда была объявлена всеобщая чистка, боль-
шинство осталось довольно. Заставили отдать въ дезинфекціон-
ную всѣ носильныя вещи — шинели, кителя, брюки, фуражки,
грязное бѣлье. Пока все это парилось въ камерѣ, владѣльцы
вещей мылись лишній разъ въ душахъ. А стѣны и полы ком-
натъ были вымыты какимъ то растворомъ.

Такая мѣра сразу убавила насѣкомыхъ, но окончательно
ихъ не вывела, пришлось педѣли черезъ двѣ повторить чистку,
и послѣ этого я уже вшей больше не находилъ.

ГЛАВА IX.

По берегу Везера, огибая напѣ лагерь, шла дорожка. Въ
одномъ мѣстѣ она близко подходила къ паружной рѣшеткѣ и
черезъ луга направлялась дальше, къ ближайшему лѣсу. По этой
дорожкѣ по воскресеніямъ проходило много народа; разо-

дѣтые по праздничному мужчины и женщины останавливались на поворотѣ посмотрѣть на плѣнныхъ и съ любопытствомъ разглядывали насть.

Плѣнныe же глядѣли на нѣмцевъ, обнаруживая каждый особенности своей націи: англичане — спокойно, руки въ карманахъ, останавливались, на минуту прервавъ свою прогулку вдоль рѣшетки сада; у русскихъ видъ свободныхъ людей, а особенно молодыхъ женщинъ, то вызывалъ непристройныхъ и совершенно безсмысленныхъ ругательства, то, наоборотъ, прекращалъ разговоры. Сильные, молодыя девушки, разодѣтыя въ легкіе, весенніе наряды, казались намъ живыми цветами. Глядя на нихъ, мы чувствовали, что въ нашей жизни есть громадный пробѣль: отсутствіе женскаго общества, женскаго вліянія. Веселой компаніей хотѣлось отправиться куда нибудь въ лѣсъ, поваляться въ травѣ на лугу, послушать, какъ жужжать шмели и посмотреть, какъ перекатываются въ чашечкахъ цветовъ блестящія росинки. Душа стремилась къ свободѣ, къ любви, къ счастью. Но этотъ порывъ не находилъ выхода и томилъ. Между нами и золей была двойная рѣшетка съ часовыми.

На французовъ видъ женщинъ дѣйствовалъ по другому. Особенно отличался одинъ изъ нихъ. Онъ прикаль совсѣмъ къ рѣшеткѣ, кричалъ, свистѣлъ, хранилъ, ржалъ.

Одинъ разъ я сидѣлъ у рѣшетки, когда проходили немки. Французы, по обыкновенію, начали гоготаніе. Высотскій, бывшій рядомъ со мной, всталъ.

— Пойдемъ. Ни слова не понимаю, но чувствую, какъ все, что они кричатъ, похабельно...

Другой прапорщикъ, стоявшій у самой проволоки, тоже вдругъ отошелъ.

— Пришли и спугнули меня, — сказалъ онъ. — А я о женѣ раздумался, да о дѣвочкѣ. Тутъ какъ разъ шла какая то женщина съ ребенкомъ. Издали то мнѣ показалось, что мои. Сердце такъ и покатилось. Смотрю и глазъ не спускаю съ нихъ. А вдругъ, думаю, какимъ нибудь чудомъ, мои... А тутъ какъ разъ подошли союзники... Видно мать то хотѣла въ

сторону свернуть, да некуда. Ну, она идетъ, дѣлаетъ видъ, что вниманія не обращаетъ, а маленькой все любопытно. Что тамъ они кричали, я не понять, но только, когда одинъ сталъ... я ужъ не выдержалъ и — ушелъ. Ну, думаю, хорошо, что не мои...

Это дѣло дошло до коменданта, и фонъ-Визе даже выпустилъ приказъ, запрещающій плѣннымъ, подъ угрозой строгаго наказанія, нарушать правила благопристойности въ присутствіи гулявшихъ нѣмокъ. Подобное отношеніе къ женщинамъ было намъ непонятно. Чисто словесная непристойность отдѣльныхъ лицъ у русскихъ, вродѣ Корсовскаго, не шла изъ глубины. За нею скрывалось лишь неумѣніе, вслѣдствіе ограниченности, выражить свой порывъ. Общее же отношеніе русскихъ къ женщинѣ было смягчено и облагорожено чувствомъ къ оставшимся тамъ, въ глубокой Россіи.

Самымъ постояннымъ наблюдателемъ проходившихъ мимо нѣмцевъ былъ одинъ русскій офицеръ-кавалеристъ. Съ утра онъ уже выносилъ свое складное полотняное кресло въ садъ и ставилъ его въ углу, подъ большими орѣховыми деревомъ. Мѣсто было удобное и красивое; за спиной цвѣла сначала черемуха, потомъ сирень, по бокамъ было много зелени, а впереди вился Везеръ и лежали сочные, цвѣтистые луга; вдали поднимались курчавыя оть лѣсовъ горы.

Отсюда всѣ шедшіе изъ города и въ городъ были очень хорошо видны. Плѣнныхъ здѣсь бывало почему то мало. Я приходилъ сюда съ книгой, а мой компаньонъ располагался, полулежа, на своемъ креслѣ. У него были тонкія, красивыя черты лица; большой лобъ, русые, мягкаго отлива, волосы. Лицо было чистое, блѣдное; на щекахъ виднѣлись пятна, похожія на розовые лепестки. На колѣняхъ у него обыкновенно лежала газета или какая нибудь книга; сбоку, на землѣ, валялась палка, на которую онъ опирался во время ходьбы. Чтенiemъ онъ не занимался. Большой частью, онъ лежалъ, смотря прямо передъ собой. Видно было, что цвѣтуща солнечная весна доставляетъ ему огромное наслажденіе.

Несколько разъ мы встрѣчались и расходились, не скавъ другъ другу ни слова. Наконецъ, одинъ разъ, сидя недалекъ отъ него, я услышалъ тихій смѣхъ. Я поднялъ голову.

— Вы простите меня, — сказалъ онъ, — въ моемъ смѣхѣ нѣть ничего обиднаго для васъ. Это меня развеселила весна и ваше молчаніе.

Ледъ былъ сломанъ, мы заговорили.

— Я сперва даже былъ недоволенъ вашимъ присутствіемъ, — сознался онъ. — Хотѣлось быть одному. А потомъ вижу — человѣкъ сидить и молчитъ; заинтересовало — ужъ русскій-ли? Даже сталъ поджидать васъ и все наблюдалъ, какъ у васъ чтеніе подвигается. На воздухѣ, въ такую то погоду, особенно, не читается. Я все больше на проходящихъ смотрю, да думаю, Богъ знаетъ, о чёмъ...

Начиная съ этого дня, при встрѣчахъ, мы говорили чаще. Корнетъ Хтовъ оказался для меня очень интереснымъ собесѣдникомъ.

— Мой отецъ изъ московскихъ заводчиковъ, а мать изъ дворянокъ. Самъ я кончилъ Московское Техническое, а передъ войной въ Германіи на фабрикахъ работалъ, да къ здѣшней жизни присматривался. На войнѣ въ кавалерію попалъ; сперва отличился, чинъ даже заработалъ, а потомъ сразу двѣ пули получиль: одну въ грудь на вылегъ, а другую въ ногу. Лошадь еще примяла; нѣмцы только меня изъ - подъ нея освободили. Рана въ ногу чепуха, немного прихрамываю, а вотъ въ груди что-то нехорошо. Домой хочется, ужъ если помирать, такъ хоть среди своихъ.

— Поживете еще! — сказалъ я ему въ утѣшеніе.

— Хорошо бы. Ужъ одна жизнь — само счастье. Посмотрите, какъ вокругъ и свѣтло, и тепло, и зелено. А когда мелькнетъ мысль, что это, можетъ быть, послѣдняя весна — я тогда ничего не понимаю; я тогда стою близко, близко къ чему то страшному, къ безумію, должно быть...

— Вы не писатель, не художникъ, не ученый, не знаменитость какая нибудь? — спросилъ онъ, помолчавъ.

— Служашій въ однай компаніі, — отвѣтилъ я.

— Ну и хорошо. У меня тетка есть въ Питерѣ, она любить у себя знаменитостей принимать, передовой за это слыветь. Я у нея бывалъ и погода, въ качествѣ племянника, разумѣется. У меня съ самаго дѣтства была мысль о смерти, — что долженъ дѣлать человѣкъ, чтобы встрѣтить ее съ открытымъ лицомъ, что такое она изъ себя представляетъ? Завель знакомство съ философіей, а потомъ рѣшилъ познакомиться и съ живыми знаменитостями — нѣ обладаютъ ли они какимъ нибудь секретомъ познанія? Но никакого секрета у нихъ не оказалось. Они сытно ъли, хорошо пили, нѣкоторые занимали у тетки деньги, цѣловали ей руку, а, выйдя на лѣстницу, ругали ее кухаркой. Быстро разочаровался я въ нихъ.

— Вы можете представить себѣ, о чемъ я теперь часто думаю? — спросилъ меня корнетъ Хтовъ въ другой разъ.

— Не могу.

— О женскомъ вопросѣ.

Мнѣ порой кажется, что современная роль мужчины кончилась. Теперь женщина легко можетъ быть врачомъ, адвокатомъ, бухгалтеромъ... И когда я смотрю на это женское нашествіе, мнѣ кажется, что мужчина отъ чего-то отрекся: въ глубинѣ вѣковъ онъ сдѣлалъ большую черновую работу, а, когда трудъ его сталъ благодарный и легче, пришла женщина и вытѣсняетъ его. Я это говорю безъ всякаго умысла кого нибудь обидѣть и понимаю, что часто сама жизнь толкаетъ на это женщину: выйти замужъ, обзавестись дѣтьми удается далеко не всякой. Я лично врагъ женского допущенія повсюду, но это я держу при себѣ, пбо неувѣренъ въ непогрѣшимости своего отношенія; по правдѣ, я даже не знаю, изъ чего оно выросло. Женской конкуренціи я не боюсь, по думаю, что для женщинъ есть своя, особая, сфера дѣятельности...

Нѣсколько дней прошло у насъ почти что въ молчанії. Мы только здоровались при встрѣчахъ да обмѣнивались ничего незначающими словами.

— Бывали вы когда нибудь больны? — спросилъ меня однажды Хтовъ.

Я сталъ рыться въ воспоминаніяхъ.

— Значить, нѣтъ; если бы вы тяжело хворали, вы бы, несомнѣнно, сохранили воспоминаніе объ этомъ времени.

Болѣзни, обыкновенно, называются бичомъ человѣческаго рода, и всѣ усилія медицины направлены на борьбу съ ними. Но, кромѣ зла, онѣ приносятъ и что то другое. Какъ моя болѣзнь, по крайней мѣрѣ. Никогда у меня не было такой утонченности чувствъ. Я живу теперь словно другою жизнью и все вижу въ другихъ краскахъ и въ другихъ отношеніяхъ. Вопросы и вещи, которые раньше казались простыми, вдругъ стали сложными; сложное — упростилось. И забавнѣе всего — это происходитъ само собой, безъ всякаго участія моей воли. Надъ временемъ меня словно подымаетъ невѣдомая сила, и я могу далеко видѣть впередъ и назадъ. Люди становятся понятны по звуку голоса, по одному повороту головы. Мнѣ просто жалко было бы разстаться съ этой легкостью и ясностью мысли. Въ этомъ состояніи я переживаю снова вопросы, нѣкогда меня тревожившіе. Больше всего меня занималъ изъ нихъ — соціальный. Кончилось это тѣмъ, что попалъ въ партію. Первое время я чувствовалъ себя смущеннымъ и недостойнымъ — буржуй, толстосумъ, кровопieцъ. Съ уваженiemъ я пожималъ руки, черные отъ угля и работы, жаль также и холодные, липкие пальцы съ грязными ногтями. И вотъ больше всего мнѣ понравились владѣльцы рукъ въ сажѣ и маслѣ. Много было среди нихъ честныхъ, твердо вѣрившихъ въ свѣтлое будущее. За свое дѣло они готовы были перенести какія угодно испытанія, вплоть до смерти. У нихъ были чувства, какъ у вѣрующаго, который принимаетъ причастіе. Этими чувствами пользовались другіе. Эти другіе — ихъ трудно спредѣлить. Во-первыхъ, — сами не работавшіе, съ работой никакой незнакомые; неряшливые; въ спорахъ — схоластика; живой вопросъ тонулъ въ принципахъ. Разносили буржуазію. Ругали меня. Но когда кому нибудь надо было денегъ — присыпали записку ко мнѣ. Съ большимъ трудомъ мнѣ удалось предупредить покушеніе на артельщика, который изъ банка возилъ деньги на нашу фабрику для выплаты рабочимъ. Ме-

ня главарь сначала даже и слушать не хотѣлъ; пришлось отступного дать, лишь бы не трогалъ артельщика.

— И принялъ? — перебилъ я.

— Принялъ; онъ потребовалъ 500, но сошлись на 300 рублей; другіе не поддержали, онъ и сдался. Словомъ, первый впечатлѣнія были сумбурныя. Потомъ является разъ ко мнѣ одинъ, начинаетъ разговоръ. Въ ссылку кто то попалъ, помочь надо было. Поговорили, кончили. Затѣмъ онъ меня спрашивается: «Вы, товарищъ, безъ предразсудковъ?» «То-есть?» «Да вотъ, есть одно дѣло; вы помочь можете въ немъ, если вы искренній соціалистъ...» «Если смогу, то помогу». Что же сказалось? Одинъ изъ моихъ родственниковъ въ военномъ министерствѣ видное мѣсто занимаетъ. А въ то время какъ разъ писали и говорили о сформированіи новыхъ русскихъ корпусовъ и перевооруженіи нашей артиллеріи. Такъ вотъ, надо было черезъ него свѣдѣнія достать по этому дѣлу. «Нѣть», говорю, «дѣло это съ соціализмомъ ничего общаго не имѣеть и пшонажемъ заниматься я не буду». «Я такъ и говорилъ, что вы съ предразсудками и полагаться на васъ нельзя». Бесѣда наша на томъ и кончилась.

Хтовъ замолчалъ, перебирая сиреневый листочекъ длинными и бѣлыми, какъ алебастръ, пальцами. Потомъ онъ началъ снова.

— Я даже затрудняюсь сказать, какой слѣдъ оставило во мнѣ это предложеніе. Во всякомъ случаѣ, на посредника я не былъ въ обидѣ: это былъ человѣкъ съ урѣзанными правами.

Но тотъ, кто его послалъ, не могъ не понимать, что, предавая Россію, онъ предаетъ русскихъ крестьянъ и рабочихъ. Самое глубокое неравенство между людьми не въ томъ, что одинъ богатъ, а другой бѣденъ, а въ томъ, что одинъ все можетъ, а другому внутри что то мѣшаєтъ, нравственный императивъ, что ли... Не даромъ иные партійные этотъ императивъ чепухой называютъ: онъ имъ па дорогѣ къ власти и миллиямъ лежитъ. Попалъ въ нашъ кружокъ одинъ адвокатъ. Говорунъ замѣчательный; до того замѣчательный, что совсѣмъ заговорилъ одну дѣвицу, молодую, красивую и очень богатую.

Та какъ то опрометью вышла за него замужъ и долго по Европѣ возила. Миланъ ему показала, Венецію, Парижъ и прочее тому подобное. И не замѣтила, какъ въ угарѣ все свое состояніе на него перевела. Послѣ этого онъ ее и отпустилъ, но одну, безъ капиталовъ; ихъ онъ себѣ оставилъ... Рабочимъ ураганыя рѣчи произносить, буржуазію во какъ громитъ. Въ Ниццу жеѣздить одинъ, а жена за тридцать рублей въ конторѣ служить.

Недѣли черезъ полторы, мы встрѣтились снова на нашемъ мѣстѣ. Хтовъ выгляделъ еще прозрачнѣе, а пятна на щекахъ замѣтно увеличились. Его лихорадило, и въ жаркій солнечный день онъ сидѣлъ, укрывшись пледомъ. Я ничего не могъ ему сказать ободрителнаго и только слѣдилъ, какъ на солнцѣ сверкали своими воронеными спинками бѣлогрудыя ласточки.

— А я сегодня получилъ интересное письмо изъ Швейцаріи, — первымъ заговорилъ Хтовъ: — почитайте-ка.

И онъ вынулъ изъ книги синій конвертъ съ швейцарской маркой. Письмо было написано на листѣ бумаги коммерческаго размѣра. Вверху стояло: Бернъ и дата. Всего содержанія письма я не помню, но въ памяти осталась фраза: «если вы обѣщаетесь принять участіе въ предпринимаемомъ нами изданіи, вамъ будетъ дана возможность перѣѣхать въ Швейцарію». Я прочелъ письмо и пожалъ плечами.

— Политическій младенецъ, — усмѣхнулся Хтовъ. — Дѣло идетъ тутъ о какомъ то журналѣ, который долженъ будеть обслуживать интересы, во всякомъ случаѣ, только не Россіи. Понимаете положеніе — они знаютъ, что я боленъ, что я рвусь отсюда; хоть меня и не любятъ, а я имъ нуженъ. Вотъ меня и искушаютъ.

Онъ закрылъ глаза и задремалъ. Мнѣ сразу стало скучно. Я потихоньку ушелъ.

Съ того дня больше Хтова я не видалъ. Онъ не приходилъ на свое мѣсто. Вся эта странная исторія взбудоражила меня, и я былъ даже радъ, что не вижу его. Черезъ нѣсколько дней мнѣ кто то сказалъ, что Хтова перевели изъ нашего лагеря, не-

извѣстно куда. Все обрывалось, такимъ образомъ, между нимъ и мной.

Прошло мѣсяца два, я уже сталъ забывать о немъ. И вдругъ, совсѣмъ неожиданно, отъ него пришло письмо. Оно было мнѣ передано однимъ изъ русскихъ офицеровъ, туберкулезнымъ, который, какъ оказалось, былъ нѣкоторое время вмѣстѣ съ Хтовымъ въ санаторіи.

— Теперь онъ, должно быть, ужъ умеръ, — сказалъ передавшій мнѣ письмо офицеръ, — хотя онъ и былъ на особомъ положеніи и лечили его энергично, все же за послѣднее время онъ таялъ, какъ снѣгъ, и доктора говорили, что спасенія ему нѣтъ. Нѣмецкая фирма, съ которой они имѣли дѣла, очень заботилась о немъ; ему посыпали цвѣты, провизію, шоколадъ; онъ раздавалъ все это другимъ, самъ же почти ничего не елъ. Цѣлыми часами сидѣлъ на верандѣ и грѣлся на солнцѣ. Когда я уѣзжалъ въ Мюнденъ, онъ очень просилъ найти васъ и передать это письмо.

Оставшись одинъ, я вскрылъ конвертъ. Сначала изъ него выпалъ пакетикъ чистой бумаги; внутри его оказалось двѣсти марокъ. Торопясь, я досталъ самое письмо. Оно было довольно длинное, написанное, видимо, въ нѣсколько приемовъ. Писалъ онъ то чернилами, то химическимъ карандашомъ.

«...Ко мнѣ подходятъ большія минуты, когда не лгутъ ни себѣ, ни другимъ. Въ нашу послѣднюю встречу вы были до того сдержанны, что не спросили даже, что же я сдѣлаю. Да я, кажется, къ тому же заснулъ, а вы ушли. Ночью мнѣ стало очень погано; меня отправили въ госпиталь, а оттуда я написалъ знакомой нѣмецкой фирмѣ; она пристроила меня въ хорошую санаторію.

...Въ Швейцарію я не поѣхалъ; я просто ничего не написалъ имъ. Но думать обо всѣхъ величинахъ, сопряженныхъ съ ней, не пересталъ. У меня сейчасъ нѣть вѣры въ дѣло, которому я служилъ. Меня за это облили бы презрѣniемъ. Но это ихъ дѣло... къ тому-же я боленъ, я слабъ, къ слабымъ же они безпощадны...

...Я пошелъ въ партію, какъ въ церковь. Я надѣлся пріобщиться къ служенію человѣчеству. Вмѣсто истины, я нашелъ тамъ партійную схоластику. Вмѣсто свободы — не только думать, даже чувствовать заставляли по особому. Никакихъ сомнѣній въ авторитетахъ не допускалось. Это считалось ересью; точь въ точь, какъ въ первые вѣка христіанства.

Да, такъ оно было; впрочемъ, не въ этомъ дѣло.

Я инженеръ; въ нашемъ ремеслѣ основными моментами являются три вещи: фактъ, число, и производящая ихъ сила. Отъ нихъ ничто не можетъ убѣждать. Даже сама будущая революція. Я представляю себѣ: народы разбиваются цѣпи и становятся свободными. А дальше? Кто и какъ будетъ производить то, что необходимо для ихъ же жизни? Бывшіе буржуи — ихъ слишкомъ мало, бывшіе рабочіе? — врядъ ли: они пожелаютъ пріобщиться къ умственной жизни, къ образованію. Это вполнѣ自然而然но и справедливо. Но кто то долженъ же будетъ добывать уголь, ткать, мостить, строить. Я хочу, чтобы я ошибался. Но сейчасъ я дохожу до сомнѣній въ основныхъ догматахъ всеобщаго спасенія. Узки они. Когда то узость и увѣренность въ непогрѣшимости родили инквизицію. Множество людей было объявлено ею недостойными милосердія. Въ наши дни партійные заправилы объявляютъ всѣхъ, кто иначе мыслить, недостойными ихъ снисхожденія; нѣть вины, въ которой эти другіе не были бы виноваты.

Исторія осудила инквизиторовъ и оправдала ихъ жертвы. Можетъ быть, она же представить въ иномъ свѣтѣ «кровоплѣщъ» нашего времени и ихъ обвинителей...

Земное и временное уходитъ уже отъ меня. Всеобщее спасеніе я вижу лишь въ широкой двери, черезъ которую могутъ пройти всѣ. Эта дверь — милосердіе. Передъ нимъ примиряются всѣ противорѣчія. Но я не знаю, когда оно станетъ правиломъ поведенія...

Не откажите принять при семъ прилагаемое. Деньги здѣсь мнѣ не нужны, а Вамъ могутъ понадобиться.

Я сильно слабѣю. Врядъ ли мы встрѣтимся. Если вы когда

нибудь по-дружески вспомните меня, мнѣ отъ этого, я увѣренъ, будетъ легче. Жму руку...»

Черезъ недѣлю я отъ кого то узналъ, что Хтовъ умеръ. Мнѣ показалось, что изъ жизни ушло что то хорошее.

ГЛАВА X.

Однажды, въ праздничный день мы большой толпой стояли у рѣшетки. Мимо проходили нѣмцы. Кто то изъ французовъ крикнулъ имъ что то вродѣ «sales Boches». Въ отвѣтъ на это, одинъ изъ нѣмцевъ остановился, поднялъ палку и что то прокричалъ. Словъ его никто не могъ разобрать, и плѣнныe принялись смеяться еще больше. Но мнѣ въ тонѣ кричавшаго послышались и угроза, и торжество. Дѣйствительно, часа черезъ два въ лагерѣ уже ходилъ слухъ о какомъ то большомъ прорывѣ, произведенномъ соединенными силами нѣмцевъ и австрійцевъ на русскомъ фронтѣ.

На другой день газеты сообщили, что на протяженіи нѣсколькихъ километровъ орудія были поставлены колеса къ колесу, и въ теченіе четверти часа было выпущено 700 000 снарядовъ; послѣ этого, нѣмецкія войска, съ ружьями за спиной, перешли черезъ срытыя русскія позиціи.

Русская армія стала отступать. Нѣмцы каждый день приносили количество взятыхъ орудій, пулеметовъ и людей.

Города и области, завоеванные цѣною неимовѣрныхъ усилий, переходили снова въ руки враговъ. Но не это пугало. По нѣмецкимъ сообщеніямъ выходило, что у русскихъ нѣть оружія: нѣмцы брали въ плѣнъ роты, вооруженные старыми берданками, а то и просто палками, съ желѣзными наконечниками; во многихъ частяхъ бывало больше людей, чѣмъ оружія; въ бою раненые передавали свои винтовки уцѣлѣвшимъ. Сначала мы не вѣрили этому; но то же самое сообщали и новые русские плѣнныe.

Съ тоской слѣдили мы за отступлениемъ. Появилось множество картъ. На нихъ булавками отмѣчали фронтъ. Каждый день приходилось булавки перекалывать. Предположеніе, что русскіе остановятся на линіи крѣпостей, не оправдалось. Крѣпости, къ великому оторченію, оказались не прочнѣе картонныхъ. Изъ нихъ я немного зналъ Новогеоргіевскъ; какъ говорили военные специалисты, это была прекрасная крѣпость. Комендантомъ ея былъ крутой и строгій генералъ. Но Новогеоргіевскъ не имѣлъ даже славы долгой и мужественной обороны; всѣ запасы, которые находились въ этой крѣпости, попали въ руки нѣмцамъ вмѣстѣ съ комендантомъ, генераломъ Бобыремъ. Изъ мужественныхъ людей молва называла только одно имя — поручика Малинина; онъ упорно защищалъ свой фортъ. Вытѣсненный нѣмцами изъ передней части, онъ поставилъ орудія въ горжѣ форта и оттуда отстрѣливался. По сообщеніямъ нѣмецкихъ газетъ, въ Новогеоргіевскѣ было захвачено около 1000 орудій, 60 000 пленныхъ, въ томъ числѣ 1000 офицеровъ.

Одинъ изъ новогеоргіевскихъ офицеровъ, прибывшій въ Мюнденъ, рассказалъ такую исторію:

Нѣмцы, обложивъ крѣпость съ одной стороны, начали ее сильно обстрѣливать. Снаряды дальнобойныхъ орудій стали залетать въ цитадель. Тогда генералъ Бобырь спѣшно созвалъ военный совѣтъ. На этомъ совѣтѣ имъ былъ поставленъ вопросъ: что дѣлать? Нѣкоторые спросили: «Т.-е., какъ что?» Бобырь пояснилъ: «Сдаваться или продолжать борьбу?»

Многіе удивились — положеніе вовсе не было такимъ безнадежнымъ. Но Бобырь рѣшилъ за всѣхъ:

— Какъ коменданть, я приказываю сдаться...

И вотъ, когда съ одной стороны крѣпости гремѣли орудія, изъ цитадели выѣхалъ автомобиль съ нѣсколькими военными; это были парламентеры, уполномоченные комендантомъ вступить съ нѣмцами въ переговоры о сдачѣ. Автомобиль направился вдоль Вислы; никого не было видно. Нѣсколько нѣмецкихъ солдатъ, при видѣ русского автомобиля, пустились въ бѣгство. Наконецъ, автомобиль, случайно, наткнулся па нѣмецкій кавалерійскій разъездъ. Тѣ уже начали было сдаваться, когда выяс-

нилось, что сдается собственно крѣпость. Кавалеристы ободрились и проводили автомобиль, куда слѣдуетъ.

Новогеоргіевскъ былъ сданъ, и много офицеровъ отправилось въ плѣнъ въ новенькихъ пальто, въ блестящихъ сапогахъ. Нѣкоторые захватили не только тугу набитые чемоданы, но даже и самовары.

— Сначала нась всѣхъ перевели въ Штранльзундъ, — рассказывалъ мнѣ тотъ же офицеръ. — Въ этомъ лагерѣ съ Бобрыемъ случилась такая исторія. Отъ всѣхъ плѣнныхъ онъ требовалъ отданія чести. Выходить онъ разъ на дворъ, а тамъ на скамейкѣ сидитъ какой то поручикъ. На генерала никакого вниманія. Бобрыкъ къ нему:

— Почему вы чести мнѣ не отдаете, видите, что я генераль?

А тотъ отвѣчаетъ:

— Я такимъ генераламъ, которые крѣпости сдаются, чести не отдаю.

Послѣ Новогеоргіевска, паденіе Ковно и Гродно нась уже не удивило. И, все-таки, эти тяжелыя переживанія не подавили у нась надежды на лучшее будущее. Была вѣра въ Россію, въ ея силы. Никто изъ нась не смотрѣлъ на эти неудачи, какъ на окончательныя.

Пока развивались эти событія, внутри лагеря между нами и комендатурой пошли большія тренія. Поводомъ къ нимъ послужила прибыль, полученная кухней и кантиной. Несмотря на расходы по оборудованію, послѣ 2-хъ мѣсячнаго хозяйственанія плѣнныхъ получилась экономія въ 5000 марокъ. Возникъ вопросъ, кто имѣть право на эти деньги. Мы считали, что онъ принадлежать намъ; но комендатура рѣшила, что деньги — ея.

Боясь, что эта прибыль пойдетъ на какія нибудь военные цѣли, и не желая очутиться въ роли невольныхъ германскихъ союзниковъ, русскіе вышли изъ состава всѣхъ комиссій.

Миновали прекрасные дни Аранжуеца! На кухнѣ и въ кантинѣ наступило междуцарствіе. Кто тамъ правиль — трудно было сказать; не то союзники, не то пѣмцы. Но перемѣна сразу же сказалась на количествѣ и качествѣ пищи. Нагляднымъ

примѣромъ была рыба. Вмѣсто цѣлой, намъ стали давать по половинѣ на человѣка; часто у этихъ половинъ недоставало самыхъ лучшихъ частей; затѣмъ съѣхали на еще меньшія доли. Въ заключеніе на столъ, гдѣ сидѣло 14 человѣкъ, стали подавать всего лишь двѣ маленькия рыбки. Количество картофеля, риса, макаронъ также рѣзко уменьшилось. Не мало было сказано нами горькихъ словъ по адресу тѣхъ, кто правилъ кухней. Но это дѣлу не помогало, мы стали голодать. Объяснялось ухудшеніе стола безхозяйственностью и повальнымъ воровствомъ.

— Кто-жъ теперь на кухнѣ не тащить! — говорилъ намъ Григорій. — Да, почитай, что, всѣ, кто тамъ работаютъ. Этотъ толстый нѣмецкій унтеръ — офицеръ, что на кухнѣ сидитъ, всякий вечеръ полный мѣшокъ домой уносить; а чего у него тамъ нѣть: и рыба, и мясо, и макароны, и рисъ. Потомъ, полагается на столъ, скажемъ, 10-15 рыбъ, по числу ѳдоковъ. Вдругъ является какой нибудь нѣмецъ и забираетъ себѣ 2-3 птицы, за нихъ другой; французъ-поваръ тоже беретъ: «это я для своихъ сфицеровъ».

Дѣйствительно, спускаясь съ лѣстницы, я часто встрѣчалъ французовъ поваровъ, тащившихъ миски съ рыбой и картофелемъ своимъ офицерамъ. Кроме того, у нихъ на кухнѣ можно было купить жареную рыбу по маркѣ за птицу.

Словомъ, наступившій порядокъ вещей былъ хороши для всѣхъ, исключая насъ. Двухъ-мѣсячный опытъ веденія хозяйства русскими показалъ въ нихъ большой запасъ общественности: дѣло велось не только умѣло, но и въ высшей степени честно. Никто изъ тѣхъ, кто имѣлъ нравственное право на вознагражденіе за свой трудъ, не посягнулъ въ какой бы то ни было формѣ на общее достояніе. Свое удовлетвореніе работавшіе находили въ сознаніи, что они исполняютъ нужное для всѣхъ дѣло.

И не поспѣшили ли они черезтуръ, уйдя и оставивъ его? Прибыль можно было бы пожертвовать, въ концѣ концовъ, нѣмцамъ. Зато не одна человѣческая жизнь была бы спасена отъ туберкулеза и общаго истощенія.

Въ августѣ у насъ появилась сестра Оржевская. Изъ га-

зеть мы уже знали, что, по взаимному соглашению между Германіей и Россієй, каждая страна отправляетъ въ другую отрядъ своихъ сестеръ милосердія для осмотра лагерей военнопленныхъ. Нѣмцы готовились къ ея пріѣзду усиленной чисткой, а мы заготовили громадный сборникъ жалобъ. Наши фотографы зарядили свои аппараты и караулили моментъ ея прибытія. И вотъ, въ одинъ ясный, августовскій день, около лагеря остановилась коляска, сначала оттуда посыпались нѣмецкіе офицеры, а потомъ вышла женщина въ костюмѣ русской сестры милосердія. Это была сестра Оржевская. Зашелкали аппараты, весь лагерь пришелъ въ движение. Всякій спѣшилъ взглянуть на человѣка, недавно пріѣхавшаго изъ Россіи. Сначала она зашла въ комендатуру, гдѣ пробыла нѣкоторое время, вѣроятно предъявляя свои документы. Передъ дверью, изъ которой она должна была показаться, собралась толпа, всѣ были взволнованы; шутка ли, увидѣть русскую женщину, да еще свободную. Дверь открылась; у меняшибко застучало сердце. Она сказала намъ нѣсколько словъ и передала привѣтъ отъ Императрицы. Во времѧ рѣчи, ея голосъ дрожалъ; дрожалъ онъ и у того, кто ей отвѣчалъ. Затѣмъ она кого то обнимала, кого то цѣловала; всѣ тянулись приложиться къ ея рукѣ. Она прошла по всему лагерю, побывала въ саду; ей показали черепаху, наши комнаты; подивилась она, какъ мы смогли изъ пустяковъ такъ красиво убрать наши жилища; потомъ наши старшіе забрали ее на свою половину; тамъ, съ документами въ рукахъ, изложили ей наши нужды и горести, не забыли и солдатъ.

— Мы еще живемъ въ сравнительно сносныхъ условіяхъ, но наши солдаты мрутъ, какъ мухи. Это не плѣнныe, а мученики, — говорили ей.

Сестра все обѣщала доложить Императрицѣ. О военномъ положеніи она отказалась говорить, связанныя словомъ, но передала, что былъ дѣйствительно моментъ, когда войскъ на фронтѣ было очень мало. О самомъ же интересномъ для насъ — сколько намъ придется еще просидѣть, она знала столько же, сколько и мы. Подъ вечеръ она уѣхала въ Кассель.

Ея пріѣздъ собственно ничего опредѣленного не далъ.

Будеть-ли одѣлано что-нибудь для плѣнныхъ въ смыслѣ снабженія ихъ пищей и одеждой, такъ и осталось невыясненнымъ.

Съ сестрой Оржевской прибыло въ Германію еще нѣсколько другихъ сестеръ для осмотра лагерей. Прибытіе сестеръ вызвало среди плѣнныхъ много толковъ. Вотъ разсказъ офицера изъ лагеря Гютерслѣ:

— Пріѣхала къ намъ русская сестра графиня Х., женщина молодая, красивая. Заговорилась она со встрѣчными французами и англичанами, и о насъ совсѣмъ забыла. А когда пришла пора уѣзжать изъ лагеря, она къ намъ обратилась: «ну-съ, господа, что-же отъ васъ передать въ Россію?».

Въ какомъ-то лагерѣ дѣло было еще проще, какъ сообщилъ переведенный оттуда офицерь:

— Пріѣхала сестра. Всѣ бросились къ ней, стали жаловаться — обращеніе грубое, пища плохая. А она въ отвѣтъ: «не забывайте, господа, что вы въ плѣну, а не дома».

— Просто послали сестеръ въ Германію посмотрѣть, что читаютъ плѣнныи и каково ихъ настроеніе, — заключилъ Саламаша, полоща банку изъ подъ консервированного молока.

И это думалъ не онъ одинъ.

Махнувъ рукой на помошь русского правительства и написавъ еще разъ домой съ напоминаніемъ о посылкахъ, большинство плѣнныхъ погрузилось съ головой въ занятія. Приближалась осень, впереди была зима, а конца войны такъ и не предвидѣлось. На душѣ становилось очень тоскливо, налетали порой сѣрыя, безотрадныи, какъ осеннія вороны, мысли... Отъ нихъ тоже искали спасенія въ занятіяхъ.

При новомъ комендантѣ въ лагерѣ появилось пиво и красное вино. Прежде чѣмъ допустить продажу того и другого, фонъ-Визе совѣщался съ нашими представителями. Но тѣ его увѣрили, что никакого зла отъ этого не будетъ; продажа была разрѣшена.

Всего умѣреннѣе пользовались этимъ разрѣшеніемъ французы, они пили только за обѣдомъ и за ужиномъ. Центральное положеніе въ этомъ отношеніи заняли англичане и самое крайнее — русскіе. Въ нашей комнатѣ большими поклонниками

«спиритизма» оказались капитанъ Никулитовъ и Максимычъ съ Васильичемъ.

Капитану Никулитову было около сорока лѣтъ; онъ былъ худой, какъ сухарь; лицо его, несмотря на красивыя черты, своими морщинами и цвѣтомъ напоминало печеное яблоко. На видъность свою онъ мало обращалъ вниманія, ходилъ небрдтымъ, въ туфляхъ, безъ кителя и фуражки; штаны подвязывалъ старымъ ремешкомъ. У него была особенность — на всякий вопросъ онъ отвѣчалъ съ откровенностью, которая однажды смѣшила, а другихъ пугала. О себѣ, о своей жизни и службѣ въ полку онъ говорилъ безъ утайки, не скрывалъ и тѣхъ замѣчаній, которые часто дѣлались ему.

— Все водочка виновата; послѣ инспекторскихъ смотровъ я всегда нагоняй получалъ; если бы не братъ, меня бы со службы давно уволили, — говорилъ спокойно Никулитовъ, — онъ похлопочетъ, меня и оставятъ.

— Но, что бы вы стали дѣлать? У васъ жена, ребенокъ?
— спрашивали слушатели.

— А я не знаю. Попадѣлъ бы въ плотники, въ красильщики, нашелъ бы какую нибудь работу.

Дѣйствительно, обычныя людскія заботы, страхъ передъ высшими, боязнь замѣчаній, мысли о повышеніи, о будущемъ, для него не существовали. Трудно было понять, кто онъ — философъ, или черезчуръ беспечный человѣкъ.

Женатъ онъ былъ па шведкѣ.

Исторія его женитьбы, разсказанная имъ самимъ, ходила по всему лагерю. Я не знаю этой исторіи, на мою просьбу разсказать ее, мнѣ отвѣчали смѣхомъ и словами: — «пусть онъ самъ вамъ разскажетъ». Говорили еще, что священникъ, вѣнчавшій капитана, сказалъ ему: — «много свадебъ я видѣлъ, а такой, какъ ваша — никогда».

Словомъ, онъ кажется готовъ быть отвѣтить на самый интимный вопросъ, и, все-таки, съ пимъ никто не переходилъ извѣстныхъ границъ. Въ пемъ было что-то глубоко-наивное, дѣтски-чистое и до крайности беззапитное. И это обезоруживало всѣхъ.

Жена видимо любила его и заботилась о немъ; онъ часто получалъ отъ нея письма, денежные переводы, посылки съ продуктами и бѣльемъ. Прислала она ему и свою фотографическую карточку. Съ нея смотрѣла милая, светлоокая швѣдочка, видимо, такая же беззащитная, какъ и ея супругъ. И, глядя на нее, мы невольно думали, какъ она можетъ жить съ такимъ мужемъ.

Въ жаркую лѣтнюю ночь, когда мы лежали, томясь отъ зноя, вдругъ по всей комнатѣ разносился невыносимо-противный запахъ. Мы уже знали, что это капитанъ Никулитовъ снимаетъ носки. Онъ ихъ не мынялъ и не мылъ ногъ.

— Опять понесло, раздавались въ темнотѣ голоса, дышать нельзя.

— У кого такія прѣлые копыта, спрашивалъ Василичъ, прекрасно зная, отъ кого исходитъ запахъ.

— Спираль ядовитая, подтверждалъ Максъ, ласточки даже гнѣздо подъ нашимъ окномъ бросили.

Но Никулитовъ былъ склоненъ видѣть только смѣшную сторону вещей.

— Капитанъ, спрашивалъ его Антоничевъ, вы и въ Россіи такъ пахли?

— А что? весело отзывался Никулитовъ.

— Да какъ вы къ женѣ могли подойти. Отъ вашихъ ногъ такъ несетъ, что меня тошнить.

— Копытцемъ, копытцемъ несетъ, восторгался капитанъ. Жена-то знала это и всегда за мной съ тазомъ воды ходила.

И не то, чтобы у него не хватало бѣлья, — бѣлья капитанъ имѣлъ много; но, получивъ посылку, онъ выбиралъ изъ нея все сѣбѣстное, а остальное сваливалъ въ шкафикъ и больше уже имъ не интересовался.

Онъ любилъ рисовать и дѣлалъ много рисунковъ пастелью. Всѣ свои лишнія деньги капитанъ первое время тратилъ на карандаши, краски, уголь, картонъ, полотно. Его рисунки, какъ и онъ самъ, чѣмъ-то поражали. Въ нихъ было что-то новое, интересное, что невольно останавливало взглядъ. Онъ располагался, обыкновенно, у какого-нибудь окна и за-

рисовывалъ тотъ видъ, который передъ нимъ открывался. Или уходилъ въ садъ. Законченныя картины онъ складывалъ у стѣнки, за кроватью, гдѣ валялись старые салоги и грязное бѣлье. Когда ему становилось скучно, онъ вынималъ свои произведенія и разсматривалъ ихъ.

И вотъ, появились въ лагерѣ вино и пиво. Они разбудили дремавшаго внутри капитана алкоголика. Этотъ алкоголикъ ежедневно требовалъ бутылки двѣ - три пива и столько же вина на «загладку». Противиться этому требованію капитанъ не могъ. На «пивишко и винишко», какъ онъ ласкателю выражался, пошли сперва остатки жалованья; ихъ хватило не надолго. Тогда Никулитовъ сталъ распродавать присланное ему женой бѣлье. Покончивъ съ бѣльемъ, онъ вынулъ изъ изголовья свои запыленныя произведенія и вытеръ ихъ грязнымъ платкомъ; подтянувъ потуже ремень на штанахъ, онъ взялъ картины подъ мышку и куда-то ушелъ. Пропадать онъ съ полъ-часа; вернулся довольный и радостный.

— Продалъ одну картину какому-то французу за 5 ма-
рокъ, объявилъ намъ Никулитовъ.

— Какъ же вамъ удалось продать? спросилъ его Анточи-
чевъ, собратъ капитана по искусству.

— Очень просто. Вышелъ въ коридоръ, вижу французъ стоитъ. Я ему: «Monsieur, voulez-vous acheter un tableau?» Онъ отказался. Я тогда по комнатамъ пошелъ. Въ первыхъ двухъ никто не взялъ, а въ третьей — купили.

У Никулитова не только покупали, но ему и заказывали картины, особенно французы. Нравились, видно, имъ его пастели, не думаю, чтобы это была простая благотворительность.

Получивъ заказъ, Никулитовъ вооружался карандашами и погружался въ работу. Въ эти моменты бѣсъ алкоголя тे-
рялъ надъ нимъ силу. Но когда заказъ уже былъ готовъ, бѣсъ снова овладѣвалъ капитанской душой. Съ заработанными деньгами Никулитовъ немедленно отправлялся въ канти-
ну. Оттуда опять возвращался, позванивая бутылками, въ вели-
колѣблившемъ настроеніи духа.

Въ противоположность многимъ пьющимъ, капитанъ Ни-

кулитовъ никогда не искалъ компаний, довольствуясь своимъ собственнымъ обществомъ. Онъ также не просилъ взаймы денегъ, да, вѣроятно, ему все равно и не дали бы.

Капитанъ Никулитовъ предпочиталъ пить не изъ бутылокъ, а изъ графинчика. Для этой цѣли имъ была пріобрѣтена соотвѣтствующая, довольно объемистая, «сосудинка». Сперва онъ ее наполнялъ пивомъ, а когда пиво перекочевывало въ капитанскій желудокъ — виномъ. «Сосудинка» ставилась на стулъ, стуль придвигался къ кровати, на ней же устраивался и самъ капитанъ. Затѣмъ, не спѣша, онъ наливалъ первый стаканчикъ и потихоньку, съ чувствомъ выпивалъ его. Вытеревъ ротъ оборотной стороной ладони, капитанъ бралъ мандолину.

Она тихо начинала звенѣть подъ его руками; звуки были нѣжные, ясные. Они несмѣло расходились по комнатѣ, каждый мигъ будто готовые скрыться. Съ удивительной тонкостью и изяществомъ передавали они всѣ переживанія и пастроенія души; грусть выходила овѣянной далекой надеждой на что то свѣтлое, а въ радости слышались щемящія нотки. Иногда, неожиданно раздавался ликующій аккордъ, и тутъ же, чуть успѣвъ замереть, звуки снова становились застѣнчивыми и робкими, какъ дѣти при видѣ чужого.

Играя, капитанъ смотрѣлъ куда то вдаль. Лицо его свѣжѣло, глаза дѣлались ясными, онъ весь молодѣлъ. Мы отрывались отъ занятій и слушали игру Никулитова. И когда онъ переставалъ играть, становилось сѣро и скучно.

И нельзя было понять, какой же человѣкъ въ немъ является настоящимъ — тотъ ли, у кого такъ звенятъ струны, или другой — неопрятный, скверно - пахнущій.

Кромѣ капитана Никулитова, у насъ въ комнатѣ большой приверженностью къ напиткамъ отличались, какъ я уже сказала, Макъсъ и Михайловъ. Но эта исторія была совсѣмъ другого характера. Они были люди общительные и разговорчивые. Выпивали они всегда вмѣстѣ и, выпивая, обсуждали прошлое, настоящее и будущее со всѣхъ точекъ зренія.

Дѣлились воспоминаніями о службѣ, о войнѣ, объ изобилии плодовъ и напитковъ въ петроградскихъ ресторанахъ.

Никулитову достаточно было для приведенія себя въ рай- ское состояніе пяти марокъ; Максу и Михайлову, какъ людямъ болѣе молодымъ и сильнымъ, зарядъ требовался большій. Но денегъ, какъ и мы всѣ, они имѣли мало. И все-таки въ теченіе пѣсколькихъ мѣсяцевъ, почти каждый день, они умудрялись достигать райского градуса. Никто не понималъ, откуда они достаютъ деньги. Но въ русской жизни есть одно странное яв- леніе — гораздо легче находятся деньги на выпивку, чѣмъ на хлѣбъ.

Сначала они пили на свои собственные средства и даже угощали лицъ, особо именитыхъ, «случайно» зашедшихъ къ нимъ на пиршество. Когда этотъ источникъ высохъ, они обратились къ кредиту. Ихъ знали, они пользовались извѣстнымъ уваженіемъ, и сначала имъ охотно давали. Но хронической не- платежъ по своимъ обязательствамъ лишилъ ихъ общественна- го довѣрія. Стало продаваться вещи — бѣлье, кое какое пла- тье, обувь. У Михайлова, вмѣсто сапогъ, на ногахъ оказались длинныя, какъ лыжи, старыя туфли; у Макса — чин-то пор- ванные и покоробившіеся штиблеты.

Сидя за своимъ столикомъ, я иногда слышалъ отрывки ихъ разговоровъ,

— Ты, Максимычъ, знаешь, былъ на Петроградской сто- ронѣ одинъ такой уютный ресторанчикъ. На окнахъ занавѣ- сочки бѣленькия, столики маленькие, аккуратные; хоть не хо- чешь, а пива непремѣнно спросишь, — вспоминалъ Михайловъ.

— А у насъ по близости пивная была, громадная, какъ дворецъ; тамъ бутылки съ кружками приносили. Выпьешь — бутылку унесутъ, а кружокъ оставятъ. Пришли мы разъ туда вдвоемъ, съ «мухой» уже, пиво начали пить. Ну, пьемъ, бу- тылки забираютъ, кружки оставляютъ. Потомъ давай мы круж- ки эти считать. Такъ, что-ижъ ты думаешь, Василичъ? Не мо- гли. Все по разному получается: у меня 12, а у другого 14.

— Какъ это такъ? спросилъ Михайловъ; двоиться на- чало?

— Въ томъ то и дѣло, что нѣть; другой то, оказывается, двѣ пепельницы присчитывалъ...

— Бываетъ, что нельзя разглядѣть. Я въ одномъ ресторанѣ кашнѣ на столѣ забылъ, а салфеткой шею повязалъ, сказалъ Михайловъ.

— Василичъ, продолжалъ Максъ, откупоривая вино. Ну, развѣ ты сталъ бы пить въ Россіи такую гадость?

— Вѣрно, что гадость. Не вино, а самый настоящій блевантинъ.

Вино, дѣйствительно, это название оправдывало. Стоило только капельку перехватить, какъ получалось то дѣйствіе, откуда оно и получило свое название. Послѣдствія неумѣренности бывали иногда настолько неожиданны и скропалительны, что часто пострадавшій не успѣвалъ сойти въ уборную и оставлялъ гдѣ-нибудь въ коридорѣ или на лѣстницѣ то, чего желудокъ не желалъ принимать.

Разъ, спускаясь съ Максомъ по лѣстницѣ, мы увидѣли большої овалъ изъ пролитаго такимъ образомъ вина. Въ этомъ же овалѣ лежали совершенно цѣлые кусочки сала и колбасы.

— Не донесъ кто-то, отнесся сочувственно Максъ, должно быть русскій, по колбасѣ видать: настоящая московская копченая.

А иногда и самому Максу и Михайлову приходилось спускаться внизъ съ большой скоростью.

Какъ я сказалъ, подвыпивши, они вели задушевные разговоры.

— Вотъ языки стали зубрить, философствовалъ Михайловъ, и пусть ихъ зубрятъ, мѣшать я имъ не буду. Но только не сочувствую я этому.

— Тебѣ, Василичъ, и зубрить ихъ незачѣмъ: ты и такъ ихъ знаешь, говорилъ Максъ.

Михайловъ, котораго всѣ называли просто «Василичъ», воспитывался въ Реформатскомъ училищѣ, а высшее коммерческое образованіе дополнялъ въ Германіи и Англіи. Языки онъ зналъ хорошо.

— Обидно, Максимычъ. Думаютъ, что въ Европѣ одна малина со сливками. Совсѣмъ это не такъ.

— Больше говорятъ про нее хорошаго, чтобы насытить уро-

нить, а всѣ такъ и лѣзутъ въ Россію, и чего лѣзутъ? резонерствовалъ Максъ.

— Намъ все время Европой въ глаза тычутъ. Какой-либо сопливый ученикъ, а ужъ ореть: «Россія страна дикая, некультурная, безъ паспортовъ иѣздить нельзя». Въ Европѣ, точно, паспортовъ не спрашиваютъ, но только тамъ полиціи не въ примѣръ больше, и она всякий твой шагъ знаетъ. Пока ты никому не мѣшаешь, и она къ тебѣ не вяжется. А случись что-нибудь такое, спросятъ у тебя имя и фамилію — скажи-ка что-нибудь не такъ!.. Со дна морского достануть. У насъ городовой коснуться не моги меня; а тутъ у каждого наручники есть; схватитъ тебя и браслеты сейчасъ же одѣнетъ. А разъ тебя взяли — сопротивляться не моги. У насъ даль полицеїскому въ физіономію — ну, мѣсяцъ высидки. А тутъ — за это года два-три тюрьмы.

— Я тоже вижу, не все русское ужъ такъ плохо. У яасъ, напримѣръ, автомобили Балтійского завода — прекрасныя машины. Тяжеловаты правда, но ужъ зато какой прочности!.. А взять нѣмецкое производство, ихнія шрапнели что-ли. Гбутся wysoko, стаканъ часто разлетается, дѣйствія большого нѣть; больше пугаетъ, и берутъ только количествомъ. А когда меня взяли въ плѣнь, такъ наша-же артиллерія обстрѣляла насъ. Горячка была: стрѣляютъ мѣтко, шрапнель рвется низко, стаканъ то у нашей стальной, точеный, не разлетается: какъ дастъ, такъ душа въ пятки уходитъ. Далеко нѣмецкой до нашей. Возьми ты потомъ ихъ сахаръ; развѣ его можно сравнить съ нашимъ рафинадомъ. Я въ этихъ штаахъ больше года хожу, — а ужъ въ какихъ передѣлкахъ они ни были, англійский товаръ не выдержалъ-бы, а нашъ, ничего — держитъ.

— Выпьемъ за твои штаны, Максимычъ!

— Выпьемъ, Василичъ.

Наливали и выпивали.

— Да, Максимычъ, русскіе всѣмъ языкамъ учатся, а русскому — никто. Даже и тѣ, кто знаетъ-то его, и тѣ не желаютъ говорить на немъ. Дала мнѣ наша фирма одинъ разъ

порученіе къ одному лицу съѣздить, по торговому дѣлу значить. Ну-съ пріѣхалъ, карточку даль: Михайловъ и прочее, по дѣлу. Лакей говорить по-польски: «обождите». Жду. Потомъ приходитъ и спрашиваетъ: «пань справляется, по какому дѣлу»; я ему говорю — «по важному, отъ нашей фирмы». Мнуть черезъ пятнадцать зовутъ меня. Привели въ кабинетъ. Покой большой, хорошо обставленный, много книгъ; на столѣ журналы, все кажется польские. За столомъ стоять человѣкъ, сѣдой и на Сенкевича по портретамъ похожъ. Я подхожу, кланяюсь. Онъ отвѣчаетъ, но руки не даетъ. Потомъ спрашиваетъ: «пань Михайловъ?» «Я самый», отвѣчаю. «Я по русски не разумемъ, говорите по польски». А я по польски не понимаю». «Do you speak english?» «Oh yes.. Начали по английски: лапти плететь; на французскій перешли — тоже неважно. Но разговоръ кое-какъ кончили. Пропись послѣ этого мѣсяцъ или два. Являюсь въ Градоначальство. Паспортъ что-ли надо было получить заграниценный. А тамъ у меня полковникъ знакомый, зашелъ къ нему подождать. Пустились въ разговоры. А тутъ дежурный входить, карточку ему визитную подаетъ. Прочиталъ ее полковникъ и говорить: «просите». Я уйти хотѣлъ. Не пустилъ: «пять минутъ и все конечно». Подошелъ я къ окну, смотрю на улицу. Не видѣлъ, кто вошелъ; слышу, только, говорятъ о какомъ-то городскомъ дѣлѣ: а потомъ я случайно обернулся. Гляжу, а это тотъ самый, что «по русски не разумемъ», и такъ это по русски чешетъ, что лучше насть съ тобой. Я на него глаза выпучилъ; а онъ, какъ увидѣлъ меня, осѣкся, весь разговоръ скомкалъ и поскрѣй ушелъ. А, какъ уходилъ, ты посмотрѣлъ бы; какъ ракъ, пятился назадъ и все полковнику кланялся; ужъ только въ самыхъ дверяхъ обернулся.

— У меня, Василичъ, тоже былъ интересный случай, принялъся рассказывать Максъ. За недѣлю до плѣна везъ я на подводѣ хлѣбъ въ полкъ. Дорога неблизкая была, верстъ что-то 10-12. Ёдемъ, съ возчикомъ бесѣдуемъ о войнѣ. Потомъ я ему говорю: «послѣдній разъ русскіе тутъ. Послѣ войны у васъ все будетъ свое: и армія, и чиновники; безъ насъ управляться ста-

нете». А возчикъ обернулся ко мнѣ и говорить: «мнѣ это не пра-
вится. Я хоть полякъ самъ, но русскихъ предпочитаю». Удивил-
ся я. «Почему?», спрашиваю я. «Русскій человѣкъ — простой;
русскій хоть и большой начальникъ, а держитъ себя доступно.
Иногда я вожу комиссара по крестьянскимъ дѣламъ, русскій
онъ. Въ дорогѣ мы потолкуемъ обо всемъ, спросить онъ, какъ
дѣла у меня, какъ внучки въ Варшавѣ живутъ; папиросой
угостить, на постояломъ дворѣ мнѣ рюмку поднесеть, не за-
будетъ. Въ уѣздномъ правлѣніи я къ чиновнику поляку не
пойду — онъ и взятку возьметъ, и наореть, и дѣла не сдѣла-
етъ. Не то, чтобы посадить меня, старика, даже и не поздо-
ровается. Къ русскому пойду — дѣло другое; приметъ какъ
слѣдуетъ — поздоровается, поговорить. Ну, дашь ему за тру-
ды, дѣло извѣстное, и скорѣе сдѣлаетъ, и пана надо мнѣ
не строитъ. Говорять, что москаль — собачьей крови, но толь-
ко я думаю, что ея-то у нашего брата побольше. Теперь, при
русскихъ, я имѣю право въ помѣщичій лѣсъ пойти, хворосту
набрать. А правъ наши паны одни, они меня и близко къ
лѣсу не подпустятъ». Вотъ, Василичъ, какая исторія. Пере-
вернулось у меня все въ головѣ; и теперь понять не могу, кто
кого тамъ въ Польшѣ давить; только, по разсказамъ-то вы-
ходитъ, что не русскіе жмутъ польскихъ холоповъ, — закончилъ
Максимычъ.

— Польскій хлопъ — хороший хлопъ; польская шляхта
и купечество — не знаю, какіе они; а простой народъ поль-
скій — сердечный; когда мы шли въ плѣнъ, сколько намъ
польки хлѣба передавали, молокомъ поили, водой, чаемъ; пла-
кали, на васъ глядючи.

— А я, Василичъ, думаю, что, вообще, народъ съ наро-
домъ не враждуетъ. Враждуютъ верхи. Посмотри на ланд-
штурмистовъ. Съ любопытствомъ глазѣютъ па насть, и только.
Да и что мы имъ сдѣлали, чтобы они волкомъ смотрѣли?

— А ты въ Восточной Пруссіи не былъ?

— Какъ не быть. Похозяйничали мы тамъ. Только, вѣдь,
это ни я, ни ты, никто не виноватъ. Всѣ виноваты. Они у насъ
тоже въ занятыхъ-то городахъ картины и диваны изъ домовъ

тащили, да къ себѣ отправляли. Теперь только одинъ убытокъ другъ другу дѣлаютъ, но когда нибудь да надо же будетъ разрушенное возстановливать. На насъ если взвалить — несправедливо; не хотѣли мы этой войны; на нѣмцевъ — и между ними много такихъ, я думаю, что не пошли бы на войну своей охотой.

— Словомъ, дѣло такое, Максимычъ, что не выпивши, не разберешь. Налей-ка блевантипу, пока онъ силы еще своей не потерялъ... Ну, будь здоровъ!..

Такъ коротали время Максъ и Михайловъ. Проснувшись утромъ съ опухшими глазами, въ состояніи невыразимо - поганаго похмелья, они сразу же принимались искать средствъ и возможности снова подняться на вершины блаженства.

Но это становилось все труднѣе. Свои имъ перестали вѣрить; тогда они стали просить у лицъ, ихъ не знавшихъ, отъ офицеровъ спустились къ деньщикамъ. Деньщики часто приходили къ нимъ, въ грубой формѣ требуя уплаты долга; грозили пожаловаться на нихъ и русскому генералу и нѣмецкому коменданту.

Оба они такъ же, какъ и Никулитовъ, умѣли вести себя тихо: у насъ въ комнатѣ никогда не бывало пьяного шума.

Нельзя сказать, что другіе были лучше ихъ: всѣ пили. Но, выпивъ, большинство дѣлало затѣмъ перерывъ.

У меня самого бывало иногда такое настроеніе, что я спускался внизъ и бралъ бутылку или двѣ вина.

Благодаря ему, придвигалось далекое; невозможное становилось почти возможнымъ, память оживляла события и лица. Глаза не видѣли сѣрой обстановки: все было закрыто коврами фантазій. Въ этомъ созданіи переживаний, которымъ, казалось, чуточку не хватаетъ, чтобы стать дѣйствительностью, и заключалась страшная спля алкоголя.

Особенно для тѣхъ, кто ничего не дѣлалъ.

И Максъ съ Михайловымъ, понемногу, со ступеньки на ступеньку, спускались все ниже и ниже. А оба они были не безъ дарованій. Михайловъ, какъ я уже сказалъ, былъ человѣкъ съ высшимъ коммерческимъ образованіемъ, зналъ язы-

ки, зналъ Европу. Максъ, хотя и простой техникъ, имѣлъ большой практическій опытъ, и отъ него можно было многому поучиться.

При помощи только ножа, онъ дѣлалъ удивительныя рамки; вырѣзаль для лагерной церкви ажурное паникалио и семисвѣтникъ на престолъ; сдѣлалъ запрестольный крестъ, затѣйливая гнѣзда для лампадокъ передъ иконами. Работалъ онъ съ увлеченіемъ, цѣлыми днями, и совершенно безкорыстно. Когда же онъ кончилъ, и больше для него дѣла не нашлось, то тутъ то онъ и запилъ.

Какъ только въ комнатѣ начинали звенѣть бутылки, Саламатинъ снимался съ мѣста и уходилъ. А потомъ и я.

— Не могу смотрѣть, какъ они пьютъ, — говорилъ Саламатинъ, — въ сущности, чего мнѣ — ко мнѣ не лѣзутъ, ведутъ себя тихо — а глядѣть тошно.

— И мнѣ тоже, — сознался я.

— Когда они тамъ угощаются, я, какъ на иголкахъ, сижу; невольно всѣ ихъ разговоры слушаю. Въ концѣ концовъ, заниматься и нельзя. Бѣжишь изъ комнаты.

— Я думаю въ другую комнату перейти, — выдалъ я свою мысль.

— А вы послушайте-ка, — сказалъ Саламатинъ, не отвѣчая на моя слова. Мы прислушались. Изъ комнаты, этажомъ ниже, доносился нестройный ревъ. Кто-то выводилъ сою:

Изъ - за острова на стрежень,
На просторъ рѣчной волны,
Выпłyваютъ расписные
Стеньки Разина челны.

И хоръ дружно рявкалъ:

Выпłyваютъ расписные
Стеньки Разина челны.

Послѣ «Разина» запѣли «Вечерній звонъ». Одни шѣли, другое громко говорили, смѣялись; часто хлопали дверью.

У нашихъ сосѣдей внизу была ассамблея.

— Попробуйте-ка заниматься при такихъ условіяхъ! Здѣсь-то хоть тихо.

Но я все-таки рѣшилъ перейти.

ГЛАВА XI.

Жилъ у насъ въ комнатѣ одинъ прапорщикъ. Звали его Алексѣй Сергеевичъ Перель. По возрасту, онъ былъ самый старшій изъ насъ — ему уже докатывался 40-ой годъ.

Росту онъ былъ небольшого; волосы имѣлъ черные, кудрявые, но уже съ серебристыми прожилками; трехугольное, очень подвижное лицо его оканчивалось бородкой клинушкомъ. Самой замѣчательной чертой въ его характерѣ было соединеніе крайняго миролюбія и необыкновенной воинственности. Эти двѣ противоположности уживались въ немъ, нисколько не мѣшая одна другой. Его воинственность была лишь слѣдствіемъ безграницной любви къ Россіи. Но природа помѣстила этотъ геройскій духъ въ маленькомъ, хиломъ тѣлѣ, снабдивъ еще это тѣло ужаснымъ геморроемъ. Вѣроятно, Перель могъ бы не итти на фронтъ, а устроиться гдѣнибудь въ тылу, а то и вовсе освободиться отъ военной службы. Но онъ этого не сдѣлалъ. Сложенія онъ былъ настолько слабаго, что его утомляла одна наша лѣстница: онъ рѣдко выходилъ въ садъ и лежалъ, болѣшей частью, у себя на кровати, читая французскія книги.

Глядя на него, мы не понимали, какъ онъ могъ дѣлать на войнѣ большие переходы. Между тѣмъ, онъ участвовалъ во взятіи Львова, Перемышля и во многихъ другихъ бояхъ. Онъ имѣлъ двѣ боевыхъ награды. Его недугъ такъ мучилъ его, что онъ не могъ обходиться безъ промывательного. Но

эти затруднительные обстоятельства не портили ему настроение. Когда ему, по его же словамъ, подходило время «роздовъ», онъ бралъ свой сосудъ, наполнялъ его водой и спускался съ нимъ внизъ.

Говорить не приходится, какъ удивлялись встрѣчные, не знавшіе Переля и его недуговъ, при видѣ человѣка, бережно несшаго сосудъ, обвитый резиновой трубкой. Нѣкоторые даже слѣдовали за нимъ посмотрѣть, что онъ будетъ дѣлать. Онъ сердился на это «праздное любопытство» и заявлялъ, что это «совсѣмъ неинтересно».

Отступленіе русской арміи въ 1915 году ни на комъ такъ тяжело не отразилось, какъ на немъ. Послѣ отдачи Львова и Переышля, онъ пересталъ заниматься и читать. Цѣлыми днями онъ, молча, смотрѣлъ въ окно, ничего не слыша и не видя. Даже во снѣ онъ продолжалъ переживать то, что его мучило днемъ. Однѣ разъ ночью мы слышали, какъ онъ бредилъ, убѣждая кого то, что «это ничего не доказывается, что русская армія отступила. Это еще не значитъ, что она разбита. Самое главное — народный духъ; а народный духъ — цѣль»...

Раны, полученные на войнѣ, были, по его словамъ, священныя. Кто то изъ офицеровъ, въ присутствіи Переля, пожаловался на недостаточность военного образования и позавидовалъ его университетскому значку.

— А по-моему, — загорѣлся Перель, — самое почетное и высокое — это быть защитникомъ отечества. Мой значокъ имѣть силу только пока есть наша страна, пока есть Россія.

О самомъ себѣ онъ выражался такъ: «окончивъ курсъ ерундическихъ наукъ, поступилъ въ дровокатское сословіе, гдѣ, по слабости здоровья и по подлости характера, остаюсь и по настоящее время».

Всякое явленіе онъ умѣлъ освѣтить по своему и найти въ немъ смѣшное; одно его слово, одно замѣчаніе часто заставляли смеяться всю комнату, но шутить онъ безъ всякой злобы.

Во время гоненія на куреніе, онъ получалъ много таба-

ку отъ знакомаго изъ Швейцаріи, — эти посылки нѣмцы конфисковать почему то не рѣшались; и многихъ Перель щедро одѣлялъ своимъ табакомъ.

Приходили къ нему и за юридическими совѣтами. Онъ даваль ихъ вполнѣ охотно. На нашихъ курсахъ онъ читалъ элементарную математику; онъ прекрасно зналъ ее и часто рѣшалъ задачи для собственного удовольствія. Для дѣньщиковъ онъ учредилъ школу грамоты; занимался отдельно съ нѣкоторыми изъ нихъ.

Слабыми сторонами Переля были его сапоги и штаны. Онъ очень не любилъ, когда рѣчь заходила объ этихъ предметахъ.

Еще въ началѣ плѣна онъ купилъ себѣ очень хорошую пару сапогъ. Но они были сдѣланы для огромныхъ нѣмецкихъ ногъ и имѣли короткія, похожія на граммофонный рупоръ, голенища. Во время ходьбы, Перель, чтобы не потерять сапогъ, волочилъ ноги по землѣ. По шарканію подошвъ, мы еще издалека узнавали его приближеніе.

Штаны онъ носилъ защитнаго цвѣта, какъ и всѣ, только сзади портной ихъ почему то черезчуръ расширилъ. Когда Перель вставалъ, мотня у него свисала до самыхъ колѣнъ.

Въ своихъ сапогахъ и штанахъ Перель имѣлъ видъ человѣка на лыжахъ, у котораго спадаютъ невыразимые. Подойдя къ кровати, онъ поднималъ сперва одну ногу, потомъ другую и какъ то ими дрыгалъ; сапоги сами сползали съ его ногъ. Затѣмъ, онъ лѣзъ на кровать, гдѣ и «оказывался». Если же ему надо было выйти, онъ спускалъ ноги съ кровати и начиналъ ими по особенному болтать въ воздухѣ: сапоги послушно сами налѣзали на ноги.

Случалось, что къ Перелю заходилъ новый посѣтитель, незнавшій его слабыхъ сторонъ.

— Гдѣ вы купили такие сапоги? — спрашивалъ новичекъ, глядя на ихъ задранные кверху носки.

— Ну, гдѣ я купилъ! — сердился Перель. Какъ будто не о чёмъ больше и говорить, какъ о сапогахъ.

Иногда его останавливали въ саду посторонніе:

— Алексей Сергеевичъ, у васъ, кажется, брюки спадаютъ, — замѣчали ему безъ злого умысла.

Алексей Сергеевичъ уподоблялся тигру.

— Какое вамъ дѣло до моихъ штановъ, смотрите-ка лучше за своимп!

Эти мелочи не мѣшали ему быть справедливымъ и пользоваться всеобщимъ глубокимъ уваженіемъ.

Каждый дорожилъ его мнѣніемъ; онъ былъ нашей совѣстью. Такъ какъ мой уходъ изъ комнаты могъ бы толковаться разно, то прежде, чѣмъ это сдѣлать, я откровенно рассказалъ Перелю, почему я перевожусь. Перель понялъ меня; онъ даже признался, что и его самого тяготить пьянство Михайлова и Макса.

Я перешелъ въ комнату № 81, двумя этажами ниже. Тамъ жили Высотский, Арцышевичъ, Берестовъ, капитанъ Доброворскій; съ остальными я быстро познакомился; люди были тихіе, почти всѣ занимались, работать можно было безъ помѣхи.

Весной 15 года русские плѣниые получили возможность устроить въ лагерѣ небольшую церковку. Нѣмцы отвели для нея комнату на четвертомъ этажѣ послѣдняго корпуса; провели туда нѣсколько лишнихъ лампочекъ, покрыли полъ линолеумомъ и дали столикъ для алтаря. Все остальное плѣниые сдѣлали сами. Запрестольный образъ, изображавшій моленіе о чашѣ, и другія иконы были нарисованы русскими художниками. Покровы на алтарѣ, ризы — все это было скроено и спито плѣниыми. Максъ сдѣлалъ, какъ я говорилъ, паникадило, подставки для лампадокъ и массу другихъ мелочей. Для службы священники прѣѣзжали изъ солдатскихъ лагерей; прїѣзжали они ненадолго, на день, на два и послѣ службы отправлялись обратно.

Много народа сходилось на богослуженіе. Эта небольшая комната, преобразованная въ церковь, казалась уголкомъ Россіи. Тихое позывакиваніе кадила, запахъ ладана, голосъ священника, пѣніе хора, — все это было свое, родное, далекое,

незабываемое. Съ особеннымъ чувствомъ и вниманіемъ плѣн-
ные прислушивались къ словамъ:

— О мирѣ всего міра...

— О плавающихъ, недугующихъ, страждущихъ, плѣнен-
ныхъ...

Въ этихъ простыхъ словахъ чувствовалась безконечная
глубина и прозорливость. Ихъ творцу было открыть ужасъ
мира безъ мира. Ясной и трогательной была эта скорбь о
всѣхъ томящихся. Непобѣдимое волненіе проходило черезъ ду-
шу. Вѣчные глаголы милосердія и любви находили прямую
дорогу къ сердцу.

На богослуженіе приходили и союзники. Имъ нравилось
русское церковное пѣніе. Появлялись также и французскіе
преторы; они съ интересомъ присматривались къ напитмъ цер-
ковнымъ обрядамъ.

Въ религіозномъ отношеніи англичане были, видимо, бли-
же къ православію, чѣмъ къ католицизму. Когда пріѣхалъ ан-
гликанскій священникъ, то для совершенія богослуженія онъ
попросилъ уступить ему церковь, хотя католики тоже имѣли
свою часовню, и даже съ органомъ.

Затѣмъ, когда погибъ лордъ Китченеръ, англичане обрати-
лись къ нашему священнику съ просьбой отслужить пани-
хиду.

Русская панихида — вещь замѣчательная. Она говорить
о всепрощеніи, о райскихъ обителяхъ, объ упокоеніи со пра-
ведными; но, несмотря на это, въ ея напѣвахъ много тоски.
Каковы бы ни были обѣщанія будущаго, все же покинуть грѣш-
ную землю и свѣтлое солнце — самое печальное, что есть въ жиз-
ни.

Англичане стояли и внимательно слушали; они крести-
лись и становились на колѣни, слѣдя примѣру русскихъ.

На панихиду пришли также и нѣмцы: они слышали, что
это — «одна изъ самыхъ сильныхъ вещей въ русскомъ бого-
служеніи». Такъ намъ объяснилъ одинъ изъ караульныхъ ун-
теръ — офицеровъ, въ мирное время пѣвецъ Вагнеровскихъ
оперъ.

Священники, пребывавшие въ памъ, говорили, что въ солдатскихъ лагеряхъ люди по-прежнему мрутъ въ ужасающемъ количествѣ. Они не успѣвали отыскать и причастить всѣхъ умирающихъ.

— Теперь, слава Богу, — рассказывалъ Григорій, — священниковъ больше стало. Хоть тамъ не всѣхъ, то по крайности и некоторыхъ, какъ слѣдуетъ, обрядятъ передъ смертью, отыскавъ, причастять. А, если кто и безъ молитвы помретъ, такъ ему священникъ хоть разрѣшеніе дастъ, въ могилку проводить, землю освятить. А когда я еще въ лагерь былъ — народъ болѣеть, мретъ, а открыться на духу — некому, и причастія получить невозможно; такъ, съ тяжелымъ духомъ, люди и помирали. Потомъ додумались: заболѣлъ кто нибудь, чуетъ — не выживетъ, зоветъ къ себѣ товарища, что ближе къ нему былъ, и говорить ему грѣхи такие-то и такие-то, то-то и то-то я сдѣлалъ и беретъ съ него обѣщаніе, что, какъ только онъ вернется въ Россію, сейчасъ же къ попу на духъ долженъ явиться и грѣхи умершаго разсказать.

— Ну, а если тотъ, кому грѣхи были сданы, самъ взялъ, да и захворалъ? — спросилъ Высотскій.

— Тогда, коли онъ чуетъ, что и ему послѣдняя минута подходитъ, зоветъ третьяго; тому — и свои и чужие грѣхи довѣряетъ. Мнѣ вотъ такъ двое отыскавшись, и какъ только батюшка въ лагерь приѣхалъ, я ему сейчасъ за умершихъ и за себя покаялся. Легче стало послѣ того.

По сосѣдству съ нами жили католические монахи и иезуиты. Они все время ходили по коридору, перебирали четки и постоянно бормотали что-то себѣ подъ носъ; утромъ и вечеромъ они спускались въ свою часовню и даже обѣдали, положивъ молитвенникъ рядомъ. Кроме того, многие изъ нихъ превратили изголовія своихъ кроватей въ маленькие алтари, гдѣ они тоже могли молиться.

Намъ они казались страшными формалистами. Однажды вечеромъ одинъ изъ нихъ сообщилъ мнѣ, что за истекшій день онъ прочиталъ 30 или 300 разъ (я уже не помню хорошо) Ave Maria. Такое усердіе онъ, видимо, ставилъ себѣ въ боль-

шую заслугу и на томъ свѣтѣ собирался представить по этому поводу изрядный счетъ.

Я ему отвѣтилъ притчей о гордомъ фарисеѣ, исполнявшемъ всѣ предписанія закона, и смиренномъ мытарѣ. Но преторъ только посмотрѣлъ на меня съ сожалѣніемъ.

Другой монахъ рассказалъ мнѣ, что всякая произнесенная молитва есть ступень въ рай. И цѣлыми днями онъ ходилъ и строилъ эти ступени. Въ этой райской лѣстницѣ количества, кажется, брало перевѣсъ надъ качествомъ. Съ высоты своей постройки будущій праведникъ съ сожалѣніемъ глядѣлъ на грѣшниковъ. Про православіе они съ нами не говорили. Но одинъ разъ, Саламатинъ, стоя у окна, откуда мы оба часто созерцали лѣса и думали о свободѣ, съ возмущеніемъ говорилъ:

— Сегодня у меня былъ разговоръ о религіи съ молодымъ семинаристомъ. Зашла рѣчь о католицизмѣ и православіи. Онъ и выпалилъ мнѣ: «православіе, это не религія, это схизма, ересь, скорѣе. Есть только одна истинная церковь — католическая».

— Ну, и вы что-жъ? — спросилъ я.

— Отвѣтилъ, что какое бы тамъ православіе ни было, оно все-таки ближе къ людямъ и жизни. Ему, напримѣръ, особенно не нравится, что русское духовенство можетъ вступать въ бракъ; онъ на самого Христа указалъ, какъ на примѣръ. А я возразилъ, что семейный священникъ чище и выше тихо блудящаго патера. Нѣть, я пришелъ къ убѣждѣнію, что наша Церковь шире, милосерднѣе и снискодительнѣе, чѣмъ католицизмъ, — закончилъ Саламатинъ, раньше никогда не думавший о церковныхъ вопросахъ.

Прошло лѣто, приближалась зима. Одинъ день уходилъ, на смѣну являлся другой. Дни не предвидѣлось конца; они все были унылы и похожи одинъ на другой, какъ окна въ казармѣ.

Я вставалъ рано и, если была хорошая погода, съ книгой уходилъ въ садъ. Тутъ, на ходу, я занимался и читалъ. Около 9 часовъ въ форточкѣ показывалась голова Высотскаго. Онъ кричалъ, что чай готовъ. Я поднимался, и мы выпи-

вали по двѣ кружки чая съ хлѣбомъ. Иногда пашь завтракъ сдабривался пластинкой сала или колбасы, если дѣло происходило вскорѣ послѣ полученія Высотскимъ посылки изъ дома.

Напившись и потянувшись Высотского, въ знакъ благодарности, за вихры, шли на апель. Послѣ повѣрки, я усаживался въ комнатѣ за столикъ, раскладывалъ книги и принимался за работу. Такъ шло время до самаго вечера съ небольшими перерывами на обѣдъ и ужинъ. Впереди меня, у окна, сидѣлъ пашь старшій по комнатѣ, прaporщикъ Романовъ. По профессіи онъ былъ инженеръ - химикъ и незадолго до войны кончилъ Ганноверскій политехникумъ. Романовъ былъ высокаго роста, пухлый и бѣлый, какъ настоящій московский купчикъ; но онъ говорилъ страннымъ голосомъ, точно ему сдавливали горло.

— Это у меня наслѣдственное, вѣроятно, — объяснялъ онъ, — мой отецъ умеръ отъ рака въ горлѣ.

Онъ вырѣзывалъ по дереву и за этимъ дѣломъ короталъ время.

Недалеко отъ него, сидя на кровати передъ малюсенькимъ столикомъ, занимался одинъ офицеръ гренадеръ — Пантелеимонъ Степановичъ Сабанѣевъ.

Есть живыя существа, которыхъ такъ сливаются съ окружающей обстановкой, что ихъ почти невозможно замѣтить: для этого надо, чтобы они шевельнулись. Таковъ былъ и Сабанѣевъ. Лицо у него было сѣре, костюмъ сѣрий и начиненъ онъ былъ безцвѣтной мудростью людей, которые съ трудомъ проложили себѣ маленькую дорожку въ жизни и каждую минуту дрожать надъ своимъ бѣднымъ благополучиемъ. Онъ былъ скроменъ и бережливъ; эти качества онъ доводилъ до того, что окружающимъ становилось тошно. Ложась спать, онъ свертывалъ поясной ремешокъ и клалъ его на стулъ; рядомъ съ нимъ коробку спичекъ, «на всякий случай», и носовой платокъ; черезъ спинку вѣшалъ брюки и гимнастерку; сапоги стояли на разъ опредѣленномъ мѣстѣ. Даже спалъ онъ тѣль аккуратно, что утромъ его прическа была въ полномъ порядѣ.

кѣ. Онъ рѣдко высказывался категорически, его сужденія были большей частью условныя; онъ казался неспособнымъ ярко вспыхнуть въ высокомъ порывѣ. Сначала я думалъ, что онъ не въ мѣру остороженъ и слишкомъ много времени удѣляетъ на мелочи жизни. Теперь мнѣ приходитъ въ голову другое: можетъ быть, все это было, словно, своего рода защитный цвѣтъ.

— Аккуратность и точность на половину сокращаютъ неудачи жизни, — говорилъ онъ. Эти слова казались мнѣ противной мудростью слабыхъ, пока, увы, я силой вещей, самъ не дошелъ до этого же. Передавая о своихъ впечатлѣніяхъ на войнѣ онъ говорилъ:

— Лежишь подъ снарядами, а самъ только думаешь — унеси меня Господи отсюда. Пусть, кто хочетъ, тотъ и забирается въ Польшу и Литву, лишь бы я остался цвѣлъ.

— Пантелеимонъ Степанычъ, да побойтесь вы Бога, что вы за чушь на себя городите! — обращался къ нему его однополчанинъ.

— А что горожу? Говорю, что трусила, говорю правду.

— А припомните, какъ вы редутъ брали почти голыми руками.

И однополчанинъ Сабанѣева обращался къ намъ:

— Пришелъ приказъ взять нѣмецкій редутъ, что впереди нашихъ позицій былъ. Пошла рота Пантелеимона Степаныча прямо на вѣрную смерть. У насъ ничего, кромѣ винтовокъ, а у нѣмцевъ и пушки, и пулеметы были. Кромѣ того, три ряда проволочныхъ загражденій надо было пройти. И рота взяла редутъ.

— Такъ, что-жъ изъ этого, — не сдавался Сабанѣевъ, — меня послали, я долженъ былъ повиноваться. Если бы я не пошелъ, то меня отдали бы подъ судъ и разстрѣляли, и только всего.

Къ себѣ Сабанѣевъ относился критически. Утромъ, причесываясь передъ зеркальцемъ, онъ говорилъ самому себѣ:

— У всѣхъ носъ, какъ носъ; одному мнѣ Господь Богъ руль привѣсилъ.

Но лицо у него было, какъ лицо: несмотря на иѣсколько крупныя черты, оно было бы даже красиво, не будь оно такимъ сѣрымъ. Сабанѣевъ, видимо, прошелъ тяжелую школу жизни; его привычки и характеръ были выработаны имъ самимъ, безъ посторонней помощи.

Изъ скуднаго офицерскаго жалованія онъ, за семь лѣтъ службы, скопилъ иѣсколько тысячъ. Онъ умудрился сдѣлать это, живя въ Москвѣ и несмотря на постоянные вычеты изъ жалованія на обѣды, на подарки и т. д.

— Я хочу быть обезпеченнымъ на старости лѣтъ, чтобы мнѣ не падо было уничтожаться и писать прошенія: «припадая къ стопамъ Вашего Превосходительства и орошая оныя старческими слезами...»

Происходя изъ бѣдной семьи, Сабанѣевъ, однако, не жалѣлъ денегъ на образование сестры; черезъ годъ она должна была кончить медицинскіе курсы.

— Кончить курсъ — пусть дѣлаетъ, что хочетъ, хоть замужъ выходитъ. Не будетъ отъ одной мужиной милости зависѣть.

Ей же, уходя на войну, онъ оставилъ и все свое содѣяніе.

Посылки же отъ нея скорѣе устрашали Сабанѣева, чѣмъ радовали. Онъ всегда ворчалъ, перебирая полученные продукты и бѣлье.

— Зачѣмъ она все это шлетъ? Небось, ей самой не хватаетъ на жизнь: теперь, поди, все такъ дорого въ Москвѣ...

Полученнымъ отъ сестры онъ любилъ угостить, но когда его угощали другіе — онъ отказывался наотрѣзъ.

Чужая собственность была для него священной, все равно, будь это старый сапогъ, очутившійся подъ его кроватью, деньги, земля, заводъ. Въ собственности онъ видѣлъ воплощеніе трудовъ и дарованій владѣльца.

— Умѣль приобрѣсти — и хорошо. Не каждый па это способенъ. Пусть владѣеть себѣ па здоровье...

Завѣтнымъ стремленіемъ Сабанѣева было попасть въ Академію Генеральлаго Штаба. И время своего плѣна онъ рѣшилъ

использовать на подготовку по языкамъ. Занимался онъ старательно, вникая во всѣ тонкости чужой рѣчи. Онъ имѣлъ учителя — претора. Для насть было непонятно, откуда онъ выгадывалъ деньги на плату: того, что мы получали на руки, едва хватало на мойку бѣлья и самые мелкие расходы. Его рѣчи о служебныхъ успѣхахъ, о могуществѣ власти и богатства носили какой то странный характеръ: Сабанѣевъ какъ будто хотѣлъ всѣхъ увѣрить, что только это для него и является важнымъ. Но мнѣ, почему-то, казалось, что это было не такъ. Обыкновенно, онъ просыпался очень рано и, чтобы не будить другихъ, тихонько лежалъ на своей кровати. Съ мсего мѣста я хорошо видѣлъ его безрадостное, тоскливоое лицо. Мнѣ казалось, что въ эти минуты онъ переживалъ большое душевное беспокойство. Иногда онъ перекладывалъ голову и что-то про себя тихонько шепталъ. Его глаза, бездонные и неподвижные, казалось, что то видѣли. У меня было впечатлѣніе, что я стою у какой то тайны и, говоря откровенно, я испытывалъ довольно жуткое чувство. Внѣшне общительный и разговорчивый, Сабанѣевъ никогда ничего не говорилъ о своихъ внутреннихъ переживанияхъ.

Мы втроемъ — Сабанѣевъ, Романовъ и я — были самыми большими домосѣдами. Между нами часто завязывались разговоры. Романовъ охотно рассказывалъ о своихъ студенческихъ годахъ и объ особенностяхъ жизни въ Германії. Сабанѣевъ слушалъ его съ интересомъ и задавалъ Романову много вопросовъ, сравнивая жизнь въ Россіи и Германії.

— Если ганноверскій студентъ переѣзжаетъ на другую квартиру, — говорилъ Романовъ, — онъ зоветъ къ себѣ въ этотъ день товарищей. Приглашенные являются вечеромъ и забираютъ вещи. Одинъ несетъ лампу, другой чемоданъ, третій книги, потомъ ведутъ собаку, а сзади всѣхъ идетъ хозяинъ съ пустыми руками. Двигаются гуськомъ. Когда по дорогѣ фонарь попадается, каждый обернется вокругъ столба и пдеть дальше.

— А полиція какъ смотритъ на эти затѣи? — интересовался Сабанѣевъ.

— Да никакъ. Всѣ шуцмана знаютъ, что это студентъ на другую квартиру переходитъ.

— А пьютъ нѣмецкіе студенты?

— Первый семестръ особенно. Спѣять до полночи въ биргалкѣ, а потомъ выйдутъ, и давай вывѣски перевѣшивать. Бывало, идешь утромъ въ Институтъ и видишь вдругъ на аптекѣ какую нибудь «Wursterei». Это значитъ студенты веселились.

— А какъ студенты и профессора къ русскимъ относились?

— Да такъ, съ большой прохладой.

— Это неудивительно. Они такие патріоты своего отечества, — замѣтилъ Сабанѣевъ.

— Положимъ, нѣмцы имѣютъ нѣкоторыя основанія для прохладнаго отношенія къ намъ, — замѣтилъ Романовъ. — Они на свои университеты смотрятъ съ большимъ уваженіемъ. Тамъ, гдѣ написано «курить запрещается» — нѣменскій студентъ курить не станетъ. Затѣмъ, всѣ они одѣты чисто и прилично; никто изъ нихъ не пріѣдетъ на лекцію въ грязномъ воротничкѣ и невычищенныхъ сапогахъ. Одинъ разъ, на моихъ глазахъ, въ аудиторію двое русскихъ заявились — въ грязныхъ косовороткахъ и высокихъ сапогахъ; и еще съ дубинками въ рукахъ.

— Но, что же дѣлать, если они, положимъ, бѣдняки.

— До войны въ Германіи такие пустяки стоило прилично одѣться, что обѣ этомъ и говорить не приходится. Нужно было только хотѣть. Да и это не все. Эта же самая пара послѣ лекціи, тутъ же, не выходя изъ аудиторіи, закурила, какъ разъ подъ самой вывѣской: «das Rauchen ist verboten». На нихъ нѣмцы глаза вытарашили. А когда педель сказалъ имъ, что курить въ аудиторіи запрещается, то одинъ поплевалъ на сигару и въ карманъ положилъ; а другой свою о стѣну потушилъ. А стѣны-то въ аудиторіи масляной краской выкрашены.

Мѣсяца черезъ два въ эту же комнату перешелъ Перель. Предварительно онъ всѣмъ представился и попросилъ разрѣшенія поселиться у насть. Вечеромъ, лежа въ кроватяхъ, мы

обсуждали этот вопросъ; никто противъ него ничего не имѣлъ. Причиной ухода Переля изъ прежней комнаты былъ Никулитовъ съ одной стороны, Максъ и Михайловъ — съ другой.

— Я только теперь вполнѣ понимаю васъ, — говорилъ мнѣ Перель, — дѣйствительно, слышать каждый день звонъ бутылокъ и видѣть опухшія красныя физіономіи — стало невмоготу.

Онъ помѣстился рядомъ со мной; поставилъ у кровати свой стулъ, подъ изголовье засунулъ ящикъ съ книгами, стянулъ съ ногъ сапоги, залѣзъ на кровать, свернулъ папиросу, снялъ китель, укрылся имъ и былъ сразу у себя дома.

Сабанѣевъ и Перель явились другъ для друга находкой. Они ни въ чёмъ не сходились. На сомнѣнія и недоумѣнія перваго, второй отвѣчалъ жаромъ и пыломъ патріотического воодушевленія.

— И зачѣмъ, подумаешь, Россіи нужна была война? — говорилъ Сабанѣевъ, сидя на кровати, — слава Богу, все у насъ было. И хлѣбъ, и порядокъ, и деньги. Страна богатѣла. Пусть бы дрались себѣ, кто этого хотѣлъ.

Перель, дремавшій подъ кителемъ, просыпался отъ ужаса. Его ноги приходили въ движение; онъ откидывалъ китель, усаживался на кровати въ позѣ Будды на алтарѣ и поднималъ перчатку.

— Что это вы, Пантелеимонъ Степанычъ, городите?! — съ горечью говорилъ Перель. — Вы думаете, что нѣмцы оставили бы въ покое Россію? Безъ нея они живо справились бы съ Франціей и Англіей, а потомъ, будьте увѣрены, принялись бы и за насъ.

— Этого я не знаю, а что послѣ войны у насъ революція будетъ — я увѣренъ.

— Ну, такъ что-жъ, что революція? Отъ этого плохо Россіи не станетъ. Будетъ у насъ выборный строй и отвѣтственное правительство. А такой дѣльный офицеръ, какъ вы, только выиграетъ отъ подобной перемѣны...

— Нѣть, Алексѣй Сергѣевичъ, — отвѣчалъ Сабанѣевъ, — отъ революціи мы потеряемъ. То, что я сберегъ, напри-

мѣръ, при революції я ужъ не получу, а если и получу — то оно не будетъ имѣть такой цѣны...

— Потеряютъ тамъ члены Государственнаго Совѣта, да такія лица, какъ Безобразовъ, а вамъ бояться нечего...

Эти разговоры были началомъ долгихъ преній.

— Въ нашемъ строѣ есть недостатки, — говорилъ Сабанѣевъ, — но они будутъ при всякомъ строѣ. Во всякомъ случаѣ, сейчасъ правятъ русскіе люди. А, случись революція, — ихъ «уйдутъ». Неизвѣстно, кто еще тогда будетъ править Россіей.

— Какъ кто, — горячился Перель, — будутъ править лучшіе, выборные люди. Наконецъ, вы сами сможете попасть въ число этихъ выборныхъ, если захотите. Посмотрите на нашихъ революціонеровъ, гдѣ вы найдете большіе подвиги? Люди отрекались отъ личной жизни, шли на эшафотъ...

— А вы читали «Бѣсы» Достоевскаго, Алексѣй Сергеевичъ? Помните, какъ Достоевскій рисуетъ революціонеровъ?

— Да, помилуйте, Достоевскій самъ былъ революціонеромъ...

— Сперва, а потомъ?

— Но, согласитесь сами, что вѣдь наша страна нуждается въ реформахъ. Только вы одинъ не хотите этого видѣть...

— Странный человѣкъ Пантелеймонъ Степановичъ, — разсуждалъ одинъ разъ Перель, когда Сабанѣева не было въ комнатѣ, — его преданность старому строю вовсе не вытекаетъ изъ личныхъ выгодъ, это ясно; почему онъ держится такъ за него?

— Пантелеймонъ Степанычъ вовсе не такой консерваторъ, какимъ онъ кажется, — отозвался товарищъ Сабанѣева, — у пасъ въ полку онъ былъ скорѣе па линіи революціопера. Чтобы прочесть въ подлинникѣ «Капиталь», онъ долго изучалъ нѣмецкій языкъ. Русскую исторію онъ знаетъ прекрасно. У него есть дома небольшая библіотека: тамъ и Платоновъ, и Ключевскій, и Костомаровъ. Онъ даже и русской палеографіей интересовался, разбиралъ какія то лѣтописи...

Однажды Романовъ прочиталъ намъ изъ газетъ, что знаменитый нѣмецкій летчикъ, — ротмистръ Freiherr von Ritthofen, сбившій 83 непріятельскихъ аэроплана, погибъ.

— Германія вправѣ гордиться подобнымъ человѣкомъ, — заявилъ Перель, — какъ надо любить родину, чтобы такъ рисковать собой! Какъ вы думаете насчетъ этого, Пантелеимонъ Степанычъ?

— Что-жъ тутъ хорошаго, Алексѣй Сергеевичъ, убить сотню людей, если не больше?

— Но вѣдь онъ это сдѣлалъ для своей страны. Или для васъ родина пустой звукъ?

— Для меня больше моя собственная совѣсть...

— Ну и человѣкъ же, ужасался Перель, ей-Богу я начинаю думать, что вы говорите одно, а въ головѣ у васъ другое...

Послѣ вечерняго аппеля лампы у насть горѣли еще съ четверть часа. Этимъ временемъ плѣнныи пользовались, чтобы сходить внизъ, перекинуться тамъ съ кѣмъ нибудь словомъ и успѣть раздѣться.

— Только и знаешь, что снимаешь штаны, да надѣваешь, жаловался въ темнотѣ веселый круглолицій поручикъ Калутисъ, до плѣна все это шло какъ то само собой, незамѣтно. А тутъ — не то; вечеромъ думаешь — неужели опять ложиться, а утромъ, — неужели опять вставать? Хотѣлъ бы я знать, будутъ-ли еще на свѣтѣ войны и плѣнныи?»

— Послѣ этой войны Европа, вѣроятно, будетъ воевать съ Россіей, — отозвался изъ своего угла капитанъ Добротворскій.

— Почему? — спросилъ кто-то.

— Очень просто. Россія врядъ ли дастъ сама независимость Польшѣ, и, чтобы принудить ее, Европа объявить Россіи войну.

— Но, вѣдь, Польшѣ обѣщана независимость, ей совсѣмъ нечего ломиться въ открытую дверь.

— На увѣренія москалей нечего полагаться, — отвѣтилъ Добротворскій, отъ нихъ надо силой вырвать то, что принадлежитъ намъ.

— Напрасно вы такъ кидаетесь на Россію, — сказалъ Перель. — Даровать Польшѣ что-нибудь она еще можетъ. Это ея добрая воля. Но потребовать отъ нея Польша ничего не можетъ. Это было бы смѣшно. И, кромѣ того, Россія имѣть самое несомнѣнное право на ту часть Польши, которая была въ ея границахъ.

— Какое же это право? — спросилъ Добротворскій.

— Право побѣды. Россія Польшу завоевала своей кровью. Ни одинъ народъ не откажется отъ права побѣды.

— Значить право состоять въ силѣ?

— А позвольте спросить, отказались-ли бы поляки, стань они побѣдителями, отъ того, что даетъ побѣда?

— Конечно, нѣтъ. Но вѣдь побѣда поляковъ означала бы побѣду Запада надъ Востокомъ, побѣду культурной націи надъ некультурной.

— Побѣжденные вообще имѣютъ обыкновеніе такъ думать о побѣдителяхъ. Прежде чѣмъ обращаться къ Россіи, вы потребуйте отъ Англіи, чтобы она оставила Индію, Гибралтаръ, Африку, а заодно уговорите и Францію вернуть Ниццу, Корсику, и очистить Тунисъ, Алжиръ, Индо-Китай.

— Увидимъ, что скажетъ Европа послѣ войны, — продолжалъ Добротворскій, она просто можетъ приказать Россіи: «вонъ изъ Польши».

— Какой будетъ конецъ войны — никому неизвѣстно. Можетъ случиться всеобщая катастрофа, и нѣмцы останутся побѣдителями. И тогда врядъ-ли вы осмѣлитесь сказать пѣменецкому офицеру: «вонъ изъ Польши».

— Вѣроятно, тогда капитанъ Добротворскій поступить на службу къ нѣмцамъ, — сказалъ Калутисъ.

— Не примутъ такое д....о. Только на русской терпѣли, — отозвался кто-то.

ГЛАВА XII.

Со своей прежней комнатой я не порвалъ связей и иногда ходилъ туда навѣстить Саламашу. Прійдя однажды къ

нему въ гости, я нашелъ его на кровати. Въ углу, на своихъ мѣстахъ лежали Максъ и Василичъ. У нихъ былъ періодъ безденежья, они нѣсколько дней не пили, и ихъ лица приняли естественный видъ. Еще въ коридорѣ былъ слышенъ Саламатинъ голосъ. Онъ пѣлъ, повторяя безъ конца послѣднія слова стиха:

Ach du bist mein lieber Августинъ, Августинъ:

Обѣлся, таки, ты капустинъ, капустинъ...

Первое, что мелькнуло у меня въ головѣ, была мысль — не помѣшался ли Саламатинъ.

Но Василичъ меня успокоилъ:

— Не бойтесь, входите. Отъ тоски мы вздумали устроить состязаніе менестрелей. Теперь какъ разъ Саламатинъ чредъ.

— Ну и тоска, — говорилъ Саламатинъ, — зима, дожди, ранніе сумерки, хоть волкомъ вой. А какъ въ вашей комнатѣ?

— Да такъ же, какъ у васъ, приблизительно.

— Значить, тоже невесело. Понимаете, все время заниматься нельзя. А какъ перестанешь, хоть на минуту, не знаешь, что дѣлать съ собой; ну и тянешь «Mein lieber Августинъ».

Онъ говорилъ правду: стоило па минуту оторваться отъ книги, какъ въ душу лѣзли «удушливые газы», по выражению Высотского.

Наступившее Рождество дало возможность передохнуть немного. Сначала его съ трескомъ отпраздновали англичане. Къ нашему большому удивленію, почти всѣ они оказались изрядными выпивохами.

На ихъ сочельникъ, послѣ ужина въ своихъ комнатахъ, они выкатили въ коридорѣ піанино и начали его катать по всему этажу. Одинъ изъ нихъ что-то игралъ на ходу, другой мяукалъ, а остальные рявкали кто что хотѣлъ, какъ хотѣлъ и когда хотѣлъ.

Въ этой чудесной какофоніи было все, кроме слуха и умѣнія пѣть. У свѣтлыхъ русичей такой способъ празднованія ничего не вызвалъ, кроме самой глубокой симпатіи. Фраляц-

зы же неодобрительно ворочались въ кроватяхъ. Англичане поприглашали на свои праздники знакомыхъ изъ русскихъ и такъ ихъ ублаготворили, что нѣсколько человѣкъ, не найдя дороги къ себѣ, заночевали въ другихъ комнатахъ, подъ чужими кроватями. Англичане - деньгищи тоже устроили торжество для своихъ русскихъ товарищѣй, гдѣ обѣ стороны братались до самой зари. На Рождество и на Новый Годъ по обоимъ стилямъ нѣмцы разрѣшили пѣннымъ забавляться до 12 часовъ ночи и до этого времени не тушили огней.

Когда подошло русское Рождество — удивлялись уже англичане. Еще задолго до праздника русскіе стали копить продукты; кроме того, накупили консервовъ у союзниковъ. Благодаря этимъ приготовленіямъ, Рождество было встрѣчено, какъ слѣдуетъ. Шуму было, пожалуй, еще больше, чѣмъ у англичанъ, но какъ то самый шумъ былъ музыкальне. Много нѣли веселаго, но много и красивыхъ, заунывныхъ пѣсенъ. Французы на этотъ разъ уже не протестовали — они покорились.

Нѣсколько человѣкъ изъ нихъ, нанесшіе взпіть русскимъ, «пали костьми»; ихъ разносili па шинеляхъ по комнатамъ съ пѣніемъ «Святый Боже». Когда огни въ комнатахъ были потушены, толпа собралась въ коридорѣ; образовался оркестръ: нѣсколько мандолинъ, гитара, небольшая гармонія. Каждая нація показывала свои танцы.

У насъ въ комнатахъ, благодаря Высотскому и Арцишевику, Рождество было отпраздновано мирно, своей компаніей. Сверхъ положеннаго, мы имѣли овсянку, ветчину, чай съ печеньями и два большихъ кувшина горячаго глинтвейна. Пригласили къ нашему столу и капитана Добротворскаго. Онъ не отказался и принесъ, какъ свою долю въ торжествѣ, мазурокъ, недавно имъ полученныхъ отъ жены. И между нами не было ни поляковъ, ни русскихъ, съ ихъ безконечной враждой и запутанными счетами, а были только глубоко тосковавшіе о свободѣ люди.

Прошли праздники. Наступилъ 1916 годъ. Снова замелькали безрадостные, неотличимые одинь отъ другого, дни.

Съ первого марта мы стали получать по 113 марокъ въ

мѣсяцъ, вмѣсто прежнихъ 60. Этотъ увеличенный окладъ намъ должны были выдавать еще съ первого августа или сентября, хорошо не помню, и потому на долю каждого пришлось получить около 300 марокъ за прежніе мѣсяцы.

Но ничего съѣстного на эти деньги все-равно нельзя уже было достать. Зато въ кантинѣ появилось множество разныхъ вещей — дорожныя корзины, чемоданы, дешевые часы, запонки, мыло; но все это было уже производство военного времени. Мы съ Высотскимъ купили себѣ по алюминіевой чашкѣ съ видомъ Мюндена, а затѣмъ рѣшили устроить небольшой пиръ.

Въ это время одинъ изъ нѣмцевъ — монтеровъ, работавшій въ лагерѣ, приносилъ съ собой коньякъ и продавалъ его, черезъ деньщиковъ, плѣннымъ офицерамъ. Мы купили бутылку коньяку, сдѣлали запасъ вина и пива и сѣли забывать плѣнть.

Вмѣсто закуски, мы имѣли только хлѣбъ; хлѣбную же марку намъ удалось достать за 5 денежныхъ марокъ у союзниковъ. Кромѣ того, у насть былъ еще огрызокъ колбасы. Мы терли имъ хлѣбъ и ёли. Высотский разсказывалъ, какъ онъ ловилъ лососей въ Невѣ; я — о степяхъ, о кумысѣ, объ Уралѣ. Время пролетѣло быстро.

Не дожидаясь аппеля, мы улеглись спать. У насть былъ обычай, что о легшихъ раньше повѣрки старшій по комнатѣ сообщалъ дежурному офицеру: «Leutnant такой то и такой то больны и спятъ». Дежурный только смотрѣлъ, есть ли на соответствующихъ кроватяхъ человѣческія тѣла. Тѣмъ дѣло, обыкновенно, и кончалось.

Но на этотъ разъ, когда Романовъ доложилъ Абту, что Leutnant такой то «ist krank und schlæft», Абтъ рѣшилъ разбудить меня. Онъ подошелъ къ кровати и грубо дернулъ меня за руку. Я проснулся въ тотъ же моментъ, всталъ и, ничего не говоря, только посмотрѣлъ на Абта. Тотъ отступилъ и крикнулъ часовыхъ, стоявшихъ у двери. Часовые приблизились. Абтъ приказалъ арестовать меня. Это было совершенно неожиданно;

никто не понималъ, въ чём моя вина: во время этой сцены я не произнесъ ни одного слова.

Меня повели въ караульное помѣщеніе. По дорогѣ я даль волю своему настроенію. Всѣ мало - мальски обидныя и оскорбительныя для нѣмцевт слова припомнились мнѣ почему то въ этотъ моментъ безъ всякаго усилія. Я шелъ, изрыгая пеймовѣрныя хулы на Германію и ея правителей. На шумъ, поднятый мной, открывались двери встрѣчныхъ комнатъ, и любопытные спрашивали меня, въ чёмъ дѣло. Я получилъ много знаковъ одобренія своему поведенію и горячаго сочувствія моей долѣ. Меня привели въ караульное помѣщеніе, дали скамейку, и послѣ аппеля отпустили.

На слѣдующій день утромъ за мной явились изъ комендатуры и привели въ Gerichtszimmer. Тамъ сидѣли Абтъ, офиціальный переводчикъ и Фрицъ. Переводчикъ объявилъ, что, по распоряженію коменданта, я предаюсь суду, и съ меня надо снять допросъ. Сначала меня спросили, гдѣ и когда я родился, какъ мое имя, имя отца, Familienname, а затѣмъ, сколько и что я пилъ вчера.

— А кому и зачѣмъ это надо? — спросилъ я въ свою очередь.

— Капитанъ Абтъ говоритъ, что вы вчера вечеромъ были очень пьяны.

— Это совершенная неправда.

— Когда вѣсъ вели караульные, вы кричали на весь лагерь.

— Еще бы! Я весь день чувствовалъ себя больнымъ и поэтому рано легъ спать. Капитанъ же Абтъ разбудилъ меня. Я ему даже ничего не сказалъ, а онъ приказалъ арестовать меня.

— У васъ былъ вызывающій видъ.

— Можетъ быть. Я слабѣю въ плѣну и становлюсь очень первымъ.

Но Абтъ все-таки очень интересовался тѣмъ, что я пилъ наканунѣ. Я перечислилъ подробно: утромъ — двѣ чашки чая, за обѣдомъ — стаканъ воды, и вечеромъ — спова чай.

— Вы утверждаете, что ничего не пили спиртного?

Я снова отрекся, хотя и чувствовалъ, какъ отъ меня, при каждомъ словѣ, исходитъ сильный винный «пахъ».

На дальнѣйшіе вопросы я отказался отвѣтить. Съ тѣмъ меня и отпустили. Уходя, въ сосѣдней комнатѣ я увидѣлъ еще двухъ подслѣдственныхъ, Топоркова и Чириновица. Первый былъ артистъ Московскаго Малаго театра, а второй — ученикъ Консерваторіи, обладатель чудеснаготенора. Оба они тоже привлекались Абтомъ къ отвѣтственности за нетрезвый образъ жизни.

На другой день меня позвали въ кабинетъ самого коменданта, генерала фонъ - Визе. Кромѣ фонъ - Визе, тамъ былъ уже переводчикъ, двое другихъ обвиняемыхъ и русскій генераль Лагуновъ. Войдя, я скромно остановился у порога. Фонъ-Визе разговаривалъ съ Лагуновымъ черезъ переводчика, о томъ, какія бы мѣры могли ограничить потребленіе алкоголя.

Лагуновъ пожалъ плечами и отвѣтилъ, что самое лучшее и вѣрное — запрещеніе продажи вина и пива. Увидавъ меня, фонъ - Визе замолчалъ и нахмурился.

— Кто это? — спросилъ онъ у переводчика.

— Leutnant Z.

Я стоялъ и смотрѣлъ на портретъ Гинденбурга, висѣвшій у окна. Большое мясистое лицо, волосы ежомъ, усы метлой; ни дать ни взять — полицеймейстеръ изъ русскаго губернскаго города. Фонъ - Визе казался его младшимъ братомъ.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ коменданть.

— Leutnant Z. отказался вчера подписать протоколъ и отвѣтить на вопросы безъ разрѣшенія старшаго.

— Спросите, кого онъ считаетъ старшимъ въ лагерь?

— Для меня старшимъ является генералъ Лагуновъ, — отвѣтилъ я.

Фонъ - Визе покраснѣлъ, ударилъ кулакомъ по столу и закричалъ:

— Kein General Lagunoff, здѣсь я старшій! — потомъ онъ что то принялся писать на блокѣ - нотѣ.

— Что у васъ произошло? — спросилъ меня Лагуновъ.
Я рассказалъ.

Комендантъ кончилъ писать и обратился къ переводчику:

— Переведите, что лейтенанты Топорковъ и Чириновичъ наказываются тремя сутками ареста, а Z. — пятью.

Такъ я лично познакомился съ генераломъ фонъ - Визе.

Черезъ пѣсколько днѣй утромъ за мной пришелъ часовой отвести меня на гауптвахту. Странное чувство охватило меня, когда мы вышли за лагерную ограду. Въ теченіе 16 мѣсяцевъ я жилъ, не выходя изъ-за рѣшетки. Былъ теплый день. Солнце ярко свѣтило.

Съ рѣки дулъ пріятный вѣтерокъ. Воробы устраивали свои семейныя дѣла и густыми стайками перелетали съ дерева на дерево. Выйдя на дорогу, мой конвойный остановился и зарядилъ винтовку; затѣмъ кивкомъ головы показалъ направлѣніе, и мы пошли. Попадавшіяся по дорогѣ дѣти останавливались и провожали насъ глазами. Мы шли серединой улицы и, перейдя мостъ, вошли въ городокъ. Я шель и смотрѣлъ на магазины; въ окнахъ многочисленныхъ Konditorei, Baeckerei и Wursterei ничего не было видно: вместо товаровъ, полки были покрыты листами сѣрой бумаги. Около одной изъ такихъ Konditorei намъ попалась на встрѣчу дѣвушка въ черномъ, съ заплаканными глазами.

— Фрицъ! — окликнула она моего конвойнаго. Тотъ остановился; остановился и я. Дѣвушка подошла къ намъ.

— Мы получили сегодня телеграмму: нашъ Гансъ убить подъ Верденомъ, — сказала она.

У нея были роскошные золотые волосы, стройная фигура, ясные, большие глаза. На красивой ногѣ развязался пинокъ башмака.

Крупныя, какъ роса, слезы потихоньку катились внизъ. Лицо было чудеснаго розового цвѣта. Сильная грудь поднималась и опускалась. Мое сердце заволковалось: вѣдь, за исключениемъ сестры Оржевской, впродолженіе 16 мѣсяцевъ мы не видѣли близко ни одной женщины. Присутствіе подо-

шедшей дѣвушки было мнѣ безконечно пріятно. Я слѣдилъ за каждымъ движениемъ губъ ея большого, красиваго рта; глядѣль на развязавшійся шнурокъ, на руки съ длинными пальцами, какъ они теребили накинутую на плечи шубку.

О чёмъ шелъ разговоръ, я не знаю, вѣрнѣе, я не прислушивался. Меня гуманила блзость этой молодой, здоровой жизни. Въ отвѣтъ на мое восхищеніе, дѣвушка улыбнулась, показались бѣлые, ровные зубы. Попрощавшись съ конвойнымъ и дружески кивнувъ мнѣ, моя валькирия ушла. Я нѣсколько разъ обернулся ей вслѣдъ.

Пришли на гауптвахту; она находилась на краю города и представляла собой небольшое, аккуратно построенное зданіе. У входа бродилъ часовой, напевая «Deutschland über alles».

Увидѣвъ насъ, онъ позвонилъ въ колоколь. Изъ зданія вышелъ караульный унтеръ - офицеръ. Ему мой конвойный передалъ бумагу изъ комендатуры. Онъ прочиталъ ее и сдѣлалъ знакъ слѣдовать за нимъ. Черезъ коридоръ мы прошли въ пріемную. Я сидѣлъ на скамейкѣ, пока меня сдавали и заносили по разнымъ книгамъ. Затѣмъ конвойный и унтеръ - офицеръ попрощались; меня же проводили въ длинный, узенький коридорчикъ съ большимъ окномъ на одномъ концѣ. Съ правой стороны въ коридоръ выходило пять небольшихъ, но массивныхъ дверей. Мы остановились у второй отъ окна. Стукнулъ тяжелый засовъ, открылась дверь.

— Bitte!

Я вошелъ; меня сейчасъ же заперли, и я остался въ полумракѣ. Камера была небольшая. Пять шаговъ въ длину, три или три съ половиной въ ширину. Около трети помѣщенія занимала кровать. Собственно, это были голыя доски, положенные на желѣзныя козла. Никакой мебели больше не было. Я присѣлъ на кровать. Совсѣмъ вверху, у самаго потолка, находилось небольшое окопечко. Подоконникъ круто скатывался въ камеру. Вставъ на кровать, я едва доставалъ головой его нижній край. За стекломъ виднѣлась толстыйшай решетка. Снаружи къ окну былъ приделанъ желѣзный за-

кромъ. Благодаря этому можно было видѣть только небо. Въ углу, у кровати стояла макитра для воды. Температура было довольно прохладная, градусовъ 10, не больше. Я снялъ шинель и накинулъ ее на плечи.

Взятая съ собой вещи — книги для чтенія, сахаръ, хлѣбъ, мыло, зубную щетку — я разложилъ на одномъ концѣ кровати.

Куреніе разрѣшалось лишь въ коридорѣ; для этого надо было позвонить выводного. Поэтому, на гауптвахтѣ установился такой modus vivendi: караульные не отбирали у арестованныхъ табака и спичекъ, а арестованные не беспокоили караульныхъ. Это молчаливое соглашеніе свято выполнялось обѣими сторонами. Мнѣ обѣ этомъ еще въ лагерѣ рассказали и даже указали мѣсто, куда бросать окурки.

Я сидѣлъ и думалъ, чѣмъ бы заняться; но скучно, какъ это ни странно, я не пыталъ. Прогулка, новыя лица и впечатлѣнія меня освѣжили. Затѣмъ я припаялся отыскивать вентиляціонную трубу, которая служила курилкой арестованнѣмъ. Поиски были прерваны стукомъ засова. Дверь открылась. Вошелъ принимавшій меня унтеръ — офицеръ и Григорій; Григорій принесъ мой сѣнникъ, простыни и одѣяла. Я очень обрадовался ему; онъ передалъ мнѣ еще кусокъ сала отъ Высотскаго и печеніе отъ Калутиса. Затѣмъ онъ снова ушелъ, за нимъ послѣдовалъ п. нѣмецъ, объяснивъ предварительно, что въ случаѣ какой либо нужды, я долженъ позвонить одинъ разъ.

Я сдѣлалъ постель, спряталъ подъ изголовье вещи и легъ, такъ какъ больше дѣлать ничего не оставалось.

Неожиданно мои мысли были прерваны шепотомъ, исходившимъ, словно изъ подземелья. Я прислушался.

— Russe, Russe... — звалъ кто то. Я осмотрѣлся.

Съ одной стороны стѣна была совсѣмъ гладкая; съ другой, у самой двери, па уровне пола чернѣлась дыра; изъ этой дыры и несся шопотъ. Я долженъ былъ лечь па полъ, чтобы заглянуть въ дыру и узнать, въ чемъ дѣло. Все объяснилось просто: меня звалъ сосѣдъ изъ камеры рядомъ. Ока-

залось, что каждая комната имѣть общую печку и вентиляторъ, проходившій черезъ всю толщу стѣны; онъ служилъ арестованнымъ и какъ курилка, и какъ телефонъ. Я разговаривалъ съ сосѣдомъ. Онъ посовѣтѣлъ постлать на полъ шинель и лечь на нее. Такъ и было сдѣлано. Лежа на животахъ, въ полутемныхъ камерахъ, мы передавали одинъ другому краткія исторіи нашихъ жизней.

— За что васъ арестовали? — спросилъ онъ. Я рассказалъ.

— А я сюда попалъ прямо изъ госпиталя. Я былъ раненъ на французскомъ фронтѣ и наканунѣ выхода сказалъ капралу, что онъ глупъ. Меня и отправили на гауптвахту. Восемь сутокъ строгаго ареста получилъ. А строгій арестъ очень плохая вещь.

— А какъ его отбываются у васъ?

— Лишаютъ свѣта, постельныхъ принадлежностей и горячей пищи. У меня закрыто окно, и въ камерѣ всегда темно. Сплю на голыхъ доскахъ, нѣть даже шинели, и только透过 два дня даютъ горячую пищу, а то — хлѣбъ и воду. А я потерялъ много крови, и мнѣ бываетъ очень холодно, особенно ночью.

— Имѣете вы табакъ? — спросилъ я, думая, что онъ хочетъ курить.

— Пока есть. До васъ въ вашей камерѣ сидѣлъ одинъ русскій. Уходя, онъ оставилъ мнѣ папиросы и спички.

— Лейтенантъ, — сказалъ онъ послѣ короткой паузы, — скоро должны раздавать ужинъ. Какъ только услышите шаги — вставайте.

— Хорошо.

— А потомъ, — продолжалъ онъ, — если вы не сѣдице всего, дайте остатки мнѣ; понимаете, когда человѣкъ сидѣть на одномъ хлѣбѣ съ водой... Вы извините меня, но мы теперь камрады, неправда-ли?..

Передъ вечеромъ опять загремѣлъ засовъ. Примѣль громаднѣйшій нѣмецъ, со свирѣпыми усами. Прежде всего, онъ подозрительно покосился на полъ: не валяются ли окур-

ки, но, увидѣвъ, что все было въ порядкѣ, добродушно улыбнулся и поставилъ на полъ большую миску макаропъ съ кусочками мяса.

— Имѣете ложку? — спросилъ онъ.

— Да.

Онъ ушелъ. Я принялъся за ёду. Трудно сказать, какой вкусной показалась мнѣ эта похлебка. Но уже послѣ несколькиx ложекъ появилось противное чувство пресыщенія. Я окликнулъ своего камрада и передалъ черезъ трубу миску. Почувствовавъ по тяжести, что она еще почти полная, камрадъ забеспокоился.

— Вы сами ничего не єли, кажется?

— Больше не могу.

— Вы больны?

— Нѣтъ, но послѣ нашей лагерной пищи, такой много не сѣѣть...

Онъ сѣѣль остатки и съ благодарностями передалъ посуду обратно.

— Васъ плохо кормятъ въ лагерь? — спросилъ онъ, значительно повеселѣвшимъ, послѣ горячаго ужина, голосомъ.

— Очень.

— А жителей увѣряютъ, что плѣниые пытаются очень хорошо...

Мы закурили.

— Я по профессіи кожевникъ, — пустился онъ въ разговоры, — дѣлаю чемоданы, сумочки, бумажники, сѣдла. Моя семья въ Бреслау. А вы откуда?

— Я съ Дона.

— Русскіе — хорошіе камрады. — признался сосѣдъ; — намъ хотя и говорили, что они убиваютъ плѣниыхъ и раненыхъ, по это. я думаю, неправда. Казаки — дѣло другое...

Около восьми часовъ вечера караульный выпустилъ меня погулять въ коридоръ.

Потомъ опять открылъ среднюю камеру и крикнулъ:

— Leutnant, не хотите ли поговорить со своимъ товарищемъ?

И, къ моему удивленію, я увидѣлъ прaporщика Леонтьева — одного изъ самыхъ тихихъ людей въ лагерѣ. Ему было всего 22 года, и производилъ онъ впечатлѣніе подкошеннаго цвѣтка.

— Какъ вы очутились здѣсь? — удивился я.

— Изъ-за Абта. Напала на насъ въ комнатѣ тоска. Устроили пирушку. Я и выпилъ то немного; стало плохо, легъ на кровать и заснулъ...

Остальная часть его исторіи походила на мою.

Потомъ насъ опять развели по камерамъ. Я раздѣлся и легъ. Изъ подъ двери пробивался тонкій лучъ свѣта. Я засмотрѣлся на него и заснулъ.

Сонъ перенесъ меня въ безконечныя степи. Была весна и утро. Всходило солнце. На цвѣтахъ, на травѣ переливалась роса. Чувство простора и свободы охватывало душу. Раздался топотъ и ржаніе. Прибѣжалъ бѣлый конь съ серебряными крыльями; на спинѣ у него сидѣла валькирія, уцѣпившись за гриву. Распущеные волосы покрывали воинственную дѣву не-проницаемой мантіей. Валькирія ласково смотрѣла на меня, а конь билъ землю копытомъ. Мигъ — и я на конѣ. Раздался боевой кличъ. Блеснуло серебро крыльевъ, золотистые волосы опутали мое лицо.

Неудержимый порывъ кверху. Открылись безконечныя пространства; порвалась связь съ земнымъ; на мигъ представили бессмертіе и вѣчность...

И вдругъ я проснулся; и, проснувшись, я еще не понималъ, что проснулся; вокругъ еще пахло цвѣтами, конь и валькирія были гдѣ то совсѣмъ близко, а на лицѣ еще словно лежала золотистая паутинка. Скучно погода просыпаться!..

Въ семь часовъ появился караульный. Повели мыться. Мылись арестованые всѣ вмѣстѣ, наверху, въ глиняныхъ чашкахъ. Изъ русскихъ были только я и Леонтьевъ. Вымывшись, сошли внизъ. Мой сосѣдъ — камрадъ, вооружившись метлками и щетками, наводилъ порядокъ въ коридорчикѣ и камерахъ. Потомъ насъ снова заперли.

— Лейтенантъ, — позвалъ меня къ дырѣ камрадъ, — я

сказалъ караульному, чтобы онъ далъ вамъ двѣ кружки кофѣ: одну для васъ, а другую передайте, пожалуйста, мнѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ, дѣйствительно, появился караульный съ двумя большими чашками кофѣ и двумя кусками хлѣба. Поставивъ все на край кровати, онъ выразительно кивнулъ на стѣну.

— Gut, — сказалъ я съ понимающимъ видомъ.

— Знаете, — сказалъ камрадъ, передавая обратно чашку, — если караулъ хороший, еще можно жить. Я и ставни открою, супа дадутъ, на ночь одѣяло принесутъ — еще ничего. Слѣдующій караулъ будетъ хуже — тамъ много новичковъ, а они всего боятся.

Такъ проходило у насъ время въ разговорахъ; для меня это была большая практика въ языкѣ: я хотя и понималъ совсѣма, но самому говорить было тяжело.

На обѣдъ мнѣ принесли густой лапши съ мясомъ и копченую селедку. Сѣѣлъ я на этотъ разъ уже больше, а остатки доѣлъ камрадъ.

— Danke, — сказалъ онъ, просовывая миску, — сегодня мнѣ ничего не далъ, кроме воды и хлѣба. Все новички, боятся, чортъ бы ихъ взялъ.

На третій день моего сидѣнія камрадъ уходилъ на свободу.

— Leutnant, — обратился онъ ко мнѣ, — сегодня я выхожу на свободу и ёду въ Бреслау. Благодарю васъ. Вы были хорошимъ камрадомъ. Мы съ вами не враги, не правда ли? Воюютъ наши правительства и большие капиталисты. Leben Sie wohl. — Мы пожали другъ другу въ вентиляторъ руки. На этомъ и закончилось наше знакомство.

Вмѣстѣ съ нимъ вышелъ и Леонтьевъ. На его мѣсто привели кого то другого. Судя по большому движенію и необычному гулу въ коридорѣ, я заключилъ, что случай былъ съ осложненіями. Но звонить, чтобы узнать, въ чемъ дѣло, мнѣ не хотѣлось.

Вечеромъ, когда я курилъ въ коридорѣ, караульный по-

казаль на дверь одной изъ камеръ и, сдѣлавъ брезгливое лицо, сказалъ: «nicht gut».

На другой день я узналъ, въ чёмъ дѣло. Оказалось, что на мѣсто Леонтьева посадили Трифонова. Я зналъ его; это былъ безнадежный алкоголикъ.

На войнѣ Трифоновъ показалъ себя съ самой хорошей стороны. Въ бояхъ онъ былъ спокойенъ и мужественъ; ободряя робѣвшихъ, не боялся снарядовъ; рискуя собственной жизнью, вынесъ нѣсколькихъ раненыхъ изъ опаснаго мѣста. Такъ говорили о немъ однополчане.

Но въ плѣну алкоголь губилъ его. Онъ пилъ долго и упорно. Денегъ онъ имѣлъ много: его отецъ былъ изъ богатыхъ московскихъ купцовъ. Его зналъ самъ фонъ - Визе; онъ запретилъ продавать ему алкоголь, но Трифоновъ всегда умѣлъ обойти запрещеніе. Напившись, онъ терялъ представление о дѣйствительности. Послѣднее время Трифоновъ опустился до невозможности. Свою кровать онъ превратилъ чуть ли не въ уборную. И въ концѣ концовъ, въ виду физической невозможности жить съ нимъ, сожители Трифонова рѣшили доложить обо всемъ коменданту.

Комендантъ распорядился арестовать его на 10 сутокъ. Когда же въ комнату пришелъ караульный отвести его на гауптвахту, Трифоновъ не могъ итти: такъ онъ былъ пьянъ. Дали еще другого провожатаго. По дорогѣ Трифоновъ падалъ. Конвойные волокли его за руки. Волокомъ онъ доѣхалъ до мѣста назначенія. Пока Леонтьевъ выѣзжалъ изъ камеры, Трифонова приставили къ стѣнкѣ; затѣмъ, положили его на сѣнникъ, внесли въ камеру и заперли. Оставшись одинъ, онъ, видимо, не могъ отдать себѣ отчета въ случившемся и понять, гдѣ онъ находится. Немного погодя, заглянувшій къ нему караульный увидѣлъ на сѣннике слѣды изверженій изо всѣхъ отверстій, и среди нихъ — самого виновника, въ комарномъ бреду.

Въ послѣдній день моего пребыванія подъ арестомъ я встрѣтился съ Трифоновымъ въ умывальнойной. Лицо у него бы-

ло сизое, распухшее, волосы всклокоченные, руки дрожали; дыханіе пестло отвратительный запахъ винаго перегара.

Онъ долго мочилъ голову въ тазу; намочивши, стаъ требить волосы гребенкой. Гребенка прыгала въ рукахъ и часто падала. Онъ съ трудомъ поднималъ ее, причемъ рука часто шла куда то въ сторону, мимо головы, дѣля рѣзкія зигзагообразныя движенія. Желая мнѣ что то сказать, онъ не могъ сперва разжать рта; затѣмъ челюсти его запрыгали, онъ заговорилъ хрипльымъ голосовъ; во время разговора зубы иногда такъ лязгали, что я боялся, какъ бы онъ не откусилъ языка.

— Слушайте, — обратился онъ ко мнѣ, — ради Бога, поговорите съ пѣмцами, пусть мнѣ достанутъ немножко коньяку опохмелиться. Видите, я просто умираю.

— Что такое? — спросилъ караульный

— Eine halbe Flasche коньяку, — сказалъ Трифоновъ.

Но нѣмецъ только присвистнулъ.

— Лейтенантъ. — обратился онъ ко мнѣ, — вашъ товарищъ хотѣлъ повѣситься; мы у него забрали подтяжки и полотенца. Куда-жъ ему пить?

Послѣ обѣда ко мнѣ въ камеру пришелъ караульный унтеръ - офицеръ.

— Васъ сегодня выпускаютъ, — объявилъ онъ, — соберите ваши вещи; за ними скоро придѣтъ деньгищикъ изъ лагеря.

— Очень хорошо.

— Всего лучшаго. Желаю вамъ возвратиться скорѣе въ Россію.

Я поблагодарилъ и началъ складывать вещи. Онъ задумчиво смотрѣлъ на мои сборы и вздохнулъ.

— А я скоро на французскій фронтъ Ѣду. Тутъ у меня жена и трое дѣтей остается.

Черезъ полчаса пришелъ изъ лагеря Григорій съ конвойнымъ и забралъ мои вещи.

Погода стояла хорошая; мы шли потихоньку и говорили о лагерныхъ событіяхъ.

— А безъ васъ полковникъ Воскресенскій умеръ. Вышелъ въ садъ погулять и вдругъ упалъ. Отвезли его въ госпиталь. Такъ тамъ и скончался. Вскрывали его; чахотка у него какая то оказалась — молневая, что-ли; на все тѣло бросилась и на мозгъ, главное.

Меня поразила эта смерть. Я говорилъ съ полковникомъ еще незадолго до ареста, и онъ произвелъ на меня впечатлѣніе вполнѣ здороваго человѣка.

— Что-жъ удивительнаго, — разсуждалъ Григорій, — развѣ это пища, что намъ даютъ въ лагерь? Ни силы, ни крѣпости въ ней нѣть настоящей; когда болѣзнь приходитъ, человѣкъ сопротивленія не можетъ оказать.

Непріятно было снова входить въ предупредительно раскрывшіяся передъ нами ворота, но бѣжать было некуда.

Въ канцеляріи меня помѣтили вернувшимся и отпустили.

— А, Шильонскій узникъ явился!.. — воскликнулъ Перель, когда я показался въ комнатѣ. — Добро пожаловать. Садитесь и рассказывайте ваши приключенія.

Въ короткихъ словахъ я сообщилъ о своемъ пребываніи на гауптвахтѣ. Перело больше всего понравилось описание супа съ лапшой.

— Чудесная венцъ, то-то вы такъ поправились. Что бы вамъ принести намъ на пробу.

— А безъ тебя тутъ похороны были, — вставилъ Высотскій.

— Слыпалъ, но только просто не вѣрится.

— Фактъ, — подтвердилъ Перель, — однимъ русскимъ полковникомъ въ Мюнденѣ стало меныше.

— Это только еще начало, — отзвался Сабанѣевъ, очищивая карандашъ.

— Ха-ха-ха!.. — раскатился Перель, — вы хотите сказать, Пантелеймонъ Степанычъ, что мы всѣ тамъ будемъ. Это мы знаемъ. Вы лучше намъ скажите что нибудь веселенькое.

— Какое тамъ веселье можетъ быть, Алексѣй Сергѣичъ, при такой пищѣ. Всѣ мы тощаемъ и худѣемъ. Никто не можетъ сказать, чья и когда будетъ слѣдующая очередь.

— Это правда. Кормятъ насъ такъ, что съ голоду не помрешь, но и сытъ не бываешь; но долго это не будетъ продолжаться, я увѣренъ. Теперь уже у насъ весна, и, по всей вѣроятности, русскіе скоро предпримутъ большое наступленіе. Союзники помогутъ. Нѣмцы поймутъ въ концѣ концовъ, что имъ не выйти изъ кольца, и сдадутся. Сѣдѣтъ дипломаты, подпишутъ договоры и развезутъ плѣнныхъ по домамъ.

— Сколько еще до того плѣнныхъ перемреть, — вздохнулъ Сабашевъ.

Начавшееся въ мартѣ русское наступленіе у Двинска оживило наши надежды. Мы думали, что это только начало всеобщей грандіозной битвы. Видимо, и сами нѣмцы ожидали серьезныхъ дѣйствій на ихъ восточномъ фронѣ: желѣзная дорога, проходившая за Везеромъ на горѣ, гремѣла днемъ и ночью, перевозя войска, орудія и лазареты на русскій фронтъ. Деньщики, бывавшіе въ городѣ, сообщали, что Мюнденскій и Кассельскій вокзалы запружены военными эшелонами.

Но дѣло на этомъ и кончилось. Какъ мы предполагали, со стороны русскихъ, это была, вѣроятно, демонстрація, чтобы отвлечь часть нѣмецкихъ силъ отъ Вердена.

Какъ бы тамъ ни было, конецъ войны въ этомъ году казался неминуемымъ: столько было уже погублено и искалѣчено людей, столько истрачено денегъ, столько уничтожено культурныхъ цѣнностей, что дальнѣйшая борьба казалась безу міемъ и угрозой уже всему человѣчеству.

Пришла Страстная недѣля. Пріѣхалъ священникъ изъ Касселя. Служеніе привлекло большую толпу молящихся; много плѣнныхъ исповѣдывалось и причащалось. Удивительные напѣвы Страстной Седмицы приходили слушать и союзники, и нѣмцы.

На заутреню, которую комендантъ разрѣшилъ служить въ полночь, явился весь лагерь. Пришли самые равнодушные и невѣрующіе: церковь объединила всѣхъ, безъ различія.

Вернувшись послѣ Богослуженія, мы съ Высотскимъ на-
крыли столъ, уставили его, чѣмъ Богъ послалъ, и пригласили
къ нашей скромной трапезѣ Переля. Если угоженіе было и
небольшое, за то веселье оказалось самымъ искреннимъ. Вы-
сотскій показывалъ, какой величины водятся въ Невѣ лососи
и, разводя руками, заставлялъ настъ обоихъ отодвигаться въ
стороны. Перель что то говорилъ о Тамбовскомъ вилайетѣ и
необходимости Константинополя для Россіи. Я тоже не отста-
валъ отъ нихъ. Это была очень веселая Пасха, потому что это
была Пасха надеждъ.

Наступила цвѣтущая весна. Снова деревья сдѣлались бѣ-
лыми и розовыми. Въ ожиданіи событий, я гулялъ по саду и
занимался.

Цѣлыми ватагами повсюду бродили плѣнныесъ фотографи-
ческими аппаратами. Снимали зданіе, садъ, черепаху, Ве-
зеръ, часовыхъ, мусорную телѣгу, облака, отдѣльныя деревья.
Какая то птичка свила гнѣздо довольно низко на черешни;
сняли и ее. Отъ фотографовъ не было спасенія: въ лагерь
имѣлось около ста аппаратовъ самыхъ разнообразныхъ раз-
мѣровъ; среди нашихъ фотографовъ нашлись и хорошие спе-
циалисты; я видѣлъ много прекрасныхъ снимковъ.

Однажды мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ такой карти-
ны: одинъ французскій солдатъ снималъ у решетки своего
пріятеля - деньгищика. Пока онъ возился съ аппаратомъ, ихъ
уже снялъ англійскій офицеръ. Съ горки французскій летчикъ
захватилъ всю эту сцену. Но самымъ послѣднимъ оказался
русскій, поймавшій въ свой объективъ и летчика и англича-
нина и француза.

Весна была радостная. И ходилось легко, словно у ногъ
отросли крылья.

ГЛАВА XIII.

Наши деньгищики тоже ожили.

— Надо полагать, это послѣдняя весна въ плѣну, — го-
ворилъ Григорій. — Домой пора, за дѣло надо приниматься:

косить, пахать, молотить. А то ужъ изъ деревни пишутъ — нехватка большая въ людяхъ, земли поднимать некому.

— А какъ теперь въ солдатскихъ лагеряхъ, — спросилъ его Высотскій.

— Да послѣ прїзыва сестеръ словно полегчало — изъ комитетовъ разныхъ стали слать галеты, шоколадъ, молоко въ банкахъ. Ну, изъ Россіи тоже нѣть-нѣть, сухарей пришлютъ, то изъ одежи кое что, изъ бѣлья. А, главное, притерпѣлся народъ, которые еще не померли. Потомъ на сельскія работы идутъ: мужчины то на войнѣ, дома одни бабы, да дѣти малыя. Каждый день въ лагерь просьбы поступаютъ — не согласится ли кто изъ плѣнныхъ на полевыя работы итти.

— И идуть?

— Идуть, особенно, кто поздоровѣе. Все равно въ лагерь ничего не высидишь, а только здоровье окончательно потеряешь.

— А какъ устраиваются? — спросилъ Сабанѣевъ.

— Кто какъ. Нѣкоторые, такъ очень хорошо. Особенно, если человѣкъ въ деревню попадеть, да въ такую семью, где мужъ на войнѣ, или убитъ. Такіе то, можно сказать, посемейному живутъ. Но это рѣдко. Больше то нѣмецкая полиція для плѣнныхъ отдельный сарай отводить, переплетаются его проволокой, на ночь, послѣ работы, туда и загоняютъ, какъ скотину.

— А бѣгаютъ съ работой?

— Сколько еще. Особѣнно тѣ, кто у ихнихъ помѣщиковъ работаетъ. Работа — съ утра до вечера, пища плохая, обращеніе жестокое, ну и бѣгутъ. Я намеднись въ городъ за посылками ходилъ, одного русскаго встрѣтилъ, леподалеку работаетъ. Онъ разсказывалъ, какъ они втроемъ бѣгалы. Дюже любопытно.

— Ну, ну, разскажи Григорій! — вскочилъ Перель, всегда горячо сочувствовавшій бѣглецамъ.

— Утекли они это отъ своего барона и прямо къ голландской границѣ. Ночью шли, а днемъ где нибудь въ лѣсу скрывались, въ ямкѣ лежали, огонекъ небольшой разводили, чтобы

согрѣться. Мѣсяцъ то октябрь былъ, прохладно. Разъ всю ночь подъ дождемъ шли, продрогли и ужъ на зарѣ недалеко отъ опушки сарай увидѣли; жилья не видать было, рѣшили они туда на день склониться. Наверху то сѣло было. Нашли гдѣ то лѣсенку, полѣзли. Ну, первые то двое благополучно забрались, а подъ третьимъ лѣстница обломилась, но, однако, и синь вскарабкался. Спрятались все въ самый дальний уголъ. А днемъ вдругъ голоса послышались, изъ сосѣдняго хутора хозяинъ, надо полагать, съ сыномъ пришелъ, свое сѣло посмотреть. Притаились наши — ни живы, ни мертвы. Подошли хозяинъ съ сыномъ поближе, мальчикъ и говорить: «Папа, посмотри, лѣстница поломана и на землѣ валяется, у насъ воры, должно быть, были».

За это время наши все-таки научились по-нѣмецки понимать. Ну, а мужчина догадался, вѣроятно, и отвѣчаетъ: «Это пленные побывали, ворамъ у насъ не водѣ». Поговорили они еще между собой и прочь пошли. Наши то все думали, вотъ - вотъ полиція нагрянетъ, однако, Богъ помиловалъ. Вечеромъ въ темнотѣ спустились кое какъ и опять побрели. Пѣлый мѣсяцъ такъ ходили. Есть нечего, блокъ ловили, жарили на огнѣ, благо, спички съ собой захватили. На огородахъ рѣпу, свеклу, брюкву воровали. Отощали очень. Когда курить хотѣлось — набирали листьевъ, подъ мышками сушили, а потомъ крошили и курили. Двухъ то зацепали, а третьему удалось бѣжать.

— А что сдѣлали съ пойманными? — спросилъ кто то.

— Одного снова на баронскую мызу отправили, а другого то, разсказчика самаго, въ штрафной лагерь сослали. Ужъ и лагерь же, — помоталъ Григорій головой, — до того нѣмцы додумались, что русскому никогда бы и въ голову не пришло.

Какъ только въ этотъ лагерь приведутъ пленнаго, такъ у него сейчасъ же все пуговицы, до одной, обрѣзываютъ, которые, значитъ, на штанахъ, на кальсонахъ, на гимнастеркѣ пришиты. Кромѣ того, иголки и нитки отбираютъ, и имѣть ихъ запрещали. Встанетъ человѣкъ, а съ него все валится, значитъ...

— Да, какъ же ходили?

— Да, такъ: одной рукой штаны держали, а другой — воротъ закрывали. Такъ и ходили. Куда же въ такомъ видѣ убѣжишь?

Несмотря на помощь комитетовъ, въ солдатскихъ лагеряхъ жить было очень скверно.

— Точно, — объяснялъ недавно присланный изъ Касселя солдатикъ, — присылаютъ памъ иногда и бисквиты, и молоко и шеколадъ. Но только намъ то не больно много достается. Пришло, скажемъ, нѣсколько ящиковъ съ разнымъ добромъ. Вызываютъ переводчиковъ принять. Тѣ приходятъ, откупориваютъ ящики, а пока, до распределенія, все въ переводчиковы комнаты уносится. Потомъ нашихъ приемщиковъ зовутъ — приходите получать. Тѣ приходятъ, а все, глядишь, ужъ усохло; ящики то наполовину пустые. Вздумаешь говорить — еще хуже: переводчики то наши наряды на работы ведутъ; скажутъ какіе изъ настъ, что дѣло съ посылками не чисто — такъ ихъ не въ очередь въ нарядѣ; а то еще и нѣмцамъ ябедничаютъ — что нѣмцевъ ругали, тогда и того хуже. Одинъ изъ нашихъ то переводчиковъ прямо заявляетъ: «Я въ Россію послѣ войны не поѣду. Больно нужно!» И, какъ наши слышали, въ Кассель магазинъ присматриваетъ. У са-михъ нѣмцевъ всѣ карманы нашими галетами полны. Вызовутъ въ комендатуру, а пѣмецъ сидитъ — и шеколадъ Ѳсть, въ такой же обложкѣ, какъ и у настъ. А откуда онъ у него?

— Мы, Ваше Благородіе, противъ нашихъ переводчиковъ во-какъ, — вступилъ въ разговоръ второй солдатикъ, съ блѣднымъ, измученнымъ лицомъ, — у настъ ужъ такъ порѣшено: когда поѣдемъ въ Россію, никого изъ нихъ живымъ туда не допустить. Къ памъ однажды представитель Краснаго Креста пріѣхалъ; мы и пожаловались ему, что у настъ галеты воруютъ. Онъ настоялъ, чтобы обыскъ у переводчика сделали. Подняли половину въ баракѣ, а тамъ 48 бапокъ мэлока стоятъ, да сколько еще бисквитовъ, да шеколаду; затѣмъ бумаги нашли, а въ пемъ 10.000 марокъ, видно за продан-

ное раньше. Представитель и говорить намъ: — «ничего я не могу сдѣлать . . . Вашъ же братъ, плѣнныи . . .»

— Да эти же переводчики наши, — заговорилъ снова первый солдатикъ, — тоненькия книжечки, что отъ нѣмцевъ получаются, намъ раздаютъ. «Читайте», говорятъ, «товарищи, узнайте, почему вы несчастны и кто васть мучить». Откроешь книжечку, станешь читать, такъ оно и выходить, что царь — врагъ, офицеръ — врагъ, попъ — врагъ; одни нѣмцы какъ-бы друзья народу русскому».

Весной 1916 года мы затѣяли издавать журналъ. Пришла эта мысль въ голову прапощику Герману. На его призывъ дружно откликнулись художники и беллетристы. Первые принесли свои рисунки, а вторые — рукописи. Я тоже принималъ нѣкоторое участіе въ журналѣ, состоя секретаремъ редакціи.

Много надо было потрудиться прежде, чѣмъ могъ появиться первый номеръ «Kriegsgefanger'a». Въ немъ отразился нашъ плѣнъ съ его маленьками радостями и большой тоской. Особенно хороши были рисунки; нѣкоторыя карикатуры невольно вызывали смѣхъ. Что же касается беллетристики, то, если не все было сказано гладко, за то все было свое, пережитое. Въ короткихъ безыскусственныхъ рассказахъ нашла свой исходъ наша жизнь и ея неволя. Многіе читатели «Kriegsgefanger'a» заявляли, что послѣ него другія литературныя произведенія кажутся имъ слишкомъ придуманными. Редакторъ — издатель со своимъ секретаремъ обѣщали выпускать журналъ такъ часто, какъ только возможно. Но увы — это было трудно. Журналъ могъ выходить только рукописнымъ. На насъ лежала обязанность подобрать материалъ, переписать его, отдать художникамъ для заготовленія виньетокъ, сброшюровать и переплести. Выходилъ «Kriegsgefanger» въ одномъ экземпляре и давался въ каждую комнату для прочтенія на нѣсколько дней, съ просьбой беречь его отъ нѣмецкаго глаза.

Всего удалось выпустить два номера; когда третій былъ еще въ зародышѣ, нѣмцы произвели среди плѣнныхъ

« перепутаницу » : редакторъ и сотрудники были разсѣяны по разнымъ лагерямъ; я же въ это время находился въ госпиталѣ, и кто увезъ съ собой «Kriegsgefange» я до сихъ поръ не знаю.

Большая морская битва въ концѣ мая ничего намъ не дала: ни надеждъ, ни разочарованій. Если нѣмцы были потрепаны, то и англичанамъ не поздоровилось.

А нашего наступленія все не было. Мы начали уже терять надежду, что оно будетъ въ этомъ году. Но вотъ, однажды, придя утромъ за чайниками, Григорій сказалъ:

— Такъ что на русскомъ фронѣ наступленіе началось. Всѣ схватились за газеты.

Размахъ и сила русскаго наступленія нѣмцевъ опроверглили.

«Безпрерывно продолжавшійся въ теченіе 48 часовъ артиллерійскій огонь изъ орудій самаго разнообразнаго калибра заставилъ наши войска отойти на заранѣе заготовленныя позиціі», сообщало высшее нѣмецкое командование.

«Послѣ сконцентрированнаго артиллерійскаго огня русскіе послали сорокъ штурмовыхъ волнъ»...

«Яростныя русскія атаки, сопровождаемыя неслыханнымъ еще артиллерійскимъ огнемъ»...

«Не щадя ни снарядовъ, ни людей, русскіе наступаютъ и продвигаются впередъ»...

Такъ рисовали нѣмецкія газеты наше наступленіе. Онѣ также называли его «безумной тратой снарядовъ», «преступно принесенными въ жертву гекатомбами человѣческихъ жизней». Но что они сами позволяли себѣ напрасно стукаться лбомъ о Верденъ — это не было ни «безумной тратой снарядовъ», ни «преступно принесенными въ жертву гекатомбами человѣческихъ жизней».

Послѣ сообщеній Главной нѣменской квартиры, мы читали русскія сообщенія; онѣ печатались обыкновенно гдѣ-нибудь на послѣдней страницѣ мелкимъ шрифтомъ. По этимъ короткимъ строчкамъ мы и судили объ усиѣхъ Брусиловскаго наступленія.

Кромъ перечня завоеванныхъ пунктовъ тамъ сообщалось также о количествѣ взятыхъ въ пленъ германцевъ и австрійцевъ: 5000, 10000, 15000, 20000 — вотъ поскольку забирала каждый день армія Брусилова. А одинъ разъ была приведена исключительно большая цифра — 35.000 за одинъ сутки. Приведя это число, газета добавляла: «на будущихъ мирныхъ переговорахъ Россія должна будетъ особо поплатиться за такія ложныя сообщенія».

— Бѣдная Россія, сказалъ Перель, нѣмцы желаютъ ей представить счетъ даже за ея побѣды.

Но, какъ ни храбрились нѣмцы, все-таки, ясно было, что такого наступленія они совсѣмъ не ожидали. Это было видно по тону и содержанію газетныхъ статей. Онѣ уже не пѣли гимновъ пресловутой германской «Siegesville», а были озабочены больше хозяйственными дѣлами и совѣтовали варить картошку въ шелухѣ, утверждая, что очищенная, при варкѣ, теряетъ около 30% питательныхъ веществъ. Въ одной Познанской газетѣ я даже прочелъ сообщеніе, что одинъ германский ученый нашелъ способъ добывать жиры изъ комаровъ.

Въ это время трудно было встрѣтить болѣе счастливаго человѣка, чѣмъ Перель. Онъ сіяль, слушая о побѣдахъ Брусилова, и смѣялся до упаду, говоря о комариномъ жирѣ.

Въ своихъ журналахъ нѣмцы то и дѣло помѣщали статьи объ Алексѣевѣ, Рузскомъ, Поливановѣ и другихъ выдающихся нашихъ генералахъ. Гинденбургъ въ одной статьѣ о русской арміи называлъ ее дѣятельной и стойкой.

О бывшемъ русскомъ Главнокомандующемъ — Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ не помню, кто ужъ изъ нѣмцевъ говорилъ, что, если онъ и не обладаетъ обширными тактическими и стратегическими познаніями, то зато онъ добрый вояка съ твердой волей. Его отступленіе въ 1915 году называлось «безпримѣрнымъ» въ исторіи по тому искусству, съ какимъ онъ вышелъ изъ тяжелаго положенія. Еще лѣтомъ 1915 года командующій Кассельскимъ корпусомъ посыпалъ наше лагерь. Онъ просилъ ему представить русскихъ гене-

раловъ. Здороваюсь съ Лагуновымъ, нѣмецкій генералъ сказалъ:

— Я уважаю русскій народъ. Эта война — несчастье для нась и для васъ ; будучи союзниками, мы покорили-бы весь міръ.

Нѣмцы сами признавали тотъ фактъ, что въ Россіи оказались прекрасные специалисты въ военномъ и морскомъ дѣлѣ.

«Намъ всегда рисовали русскихъ, какъ грязныхъ и неумытыхъ свиней; на дѣлѣ же этотъ народъ оказывается однимъ изъ способнѣйшихъ», — замѣчала какая то газета.

«При такомъ положеніи вещей намъ нечего надѣяться на внутренніе беспорядки въ Россіи», — писалъ большой берлинскій органъ.

Но особенно горько было нѣмцамъ, что Россія и слушать не хотѣла о мирѣ. Постоянно въ газетахъ приводилось, что Государственная Дума, самъ Государь, все русское общество — говорять о войнѣ до побѣдного конца.

«Бѣдный русскій народъ», — вздыхалъ одинъ германскій журналистъ, — «ему навязали войну, которой онъ совсѣмъ не хотѣлъ. Теперь русскій крестьянинъ долженъ сражаться въ угоду царскимъ генераламъ и чиновникамъ. Но когда нибудь да пробьетъ часть возмездія».

Наряду съ сообщеніями о стремленіи Россіи довести войну до побѣдного конца, газеты изрѣдка и осторожно помѣщали извѣстія, что царица Александра Феодоровна посѣтила гдѣ то нѣмецкихъ раненыхъ, что она не желала и не желаетъ этой войны, что она не принимаетъ участія въ придворной жизни, и что русскій народъ не любить ее и считаетъ за нѣмку.

Вскорѣ послѣ начала русскаго наступленія, нѣмецкія газеты писали:

«Царица Александра Феодоровна посѣтила ставку Бруслова. Она пробыла тамъ нѣсколько дней; въ ея поѣздѣ находился также Распутинъ. Пока царица бесѣдовала съ генераломъ, Распутинъ гулялъ вдоль поѣзда въ голубой рубашкѣ, вышитой царицыными руками. Наступленіе началось лишь послѣ того, какъ царица уѣхала».

Послѣ наступленія царица опять пріѣзжала къ Брусилову. Ея пріѣздъ и совпавшее съ нимъ ослабленіе русскаго натиска нѣмцы отмѣтили. Да и не они одни. У многихъ изъ плѣнныхъ появились сомнѣнія. Партию царицы стали называть открыто «нѣмецкой».

Черезъ эти извѣстія и глухія угрозы тяжело расправившія со своими врагами виднѣлась Германія, сильная не только своею военной мощью, но также и умѣньемъ всякой пустякъ заставить служить себѣ на пользу.

Но какъ бы тамъ ни было, Брусиловское наступленіе начало стихать. Грязнули бои на Соммѣ. Нѣмцы не щадили красокъ, описывая ужасъ ураганного огня. Одинъ корреспондентъ сообщалъ, что отъ силы огня плавилась проволока загражденій. Но, если, дѣйствительно, бои на Соммѣ не походили на другие бои, результаты ихъ, — особенно по сравненію съ Брусиловскимъ натискомъ, — казались намъ совсѣмъ незначительными. Мы поняли, что въ этомъ году па развязку надѣяться трудно. У многихъ снова проснулась мысль о бѣгствѣ.

Первымы бѣжалъ англійскій офицеръ, пріятель Саламатина. Какъ бѣжалъ онъ — никто не зналъ; нигдѣ не было ни пробоинъ, ни подкопа. Въ лагерь все было цѣло. Это обстоятельство сбивало комендатуру съ толку. Она смущилась еще больше, когда такъ же тихо исчезъ и второй англичанинъ. Саламатинъ ходилъ съ ликующимъ лицомъ: я думалъ, что со слѣдующимъ рейскомъ отправится и самъ Саламаша. Можетъ быть, это такъ и было бы, не открай нѣмцы тайны побѣговъ.

Однажды, когда русскіе деньщики тащили въ сосѣдній сарай большую корзину кухонныхъ отбросовъ, ихъ внезапно окружили караульные. Корзину по ихъ приказанію вывернули. Вмѣстѣ съ картофельной шелухой оттуда выкатился одинъ изъ русскихъ офицеровъ. Этой дорогой, какъ оказалось, бѣжали два первыхъ бѣглеца.

Обыкновенно, корзину съ отбросами оставляли въ сараѣ. Сарай не охранялся, и все остальное тамъ поручалось судьбѣ и случаю.

— Кто то донесъ, — говорили деньщики, — и, надо по-

лагать, кто-то изъ своихъ. Изъ нѣмцевъ никто и глазомъ не видалъ, какъ мы это дѣлали.

Врядъ ли былъ способенъ на доносъ кто нибудь изъ сре-ды самихъ деньщиковъ. Они всѣ не любили нѣмцевъ, и никто не говорилъ по-нѣмецки. Недѣли черезъ три послѣ этого убѣждалъ третій англійскій офицеръ, при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Раннимъ утромъ, когда не успѣлъ еще разсѣяться туманъ, дѣлая ватага плѣнныхъ выбѣжала во дворъ и стала играть въ чехарду. Часовые заглядѣлись на игру. Этимъ моментомъ воспользовались двое англичанъ. Они отошли въ уголокъ поукромнѣе, одинъ сталъ у самой рѣшетки, а другой разбѣжался, прыгнулъ ему на плечи, съ плечъ перескочилъ черезъ первую рѣшетку, въ два прыжка былъ у второй и въ одинъ мигъ скрылся въ кустахъ надъ рѣкой. Часовые ничего не замѣтили. Услышавъ про этотъ побѣгъ, лагерь ахнулъ: убѣжать такимъ образомъ могъ только прекрасный гимнастъ и отчаянная голова.

На слѣдующее утро пріѣхали полицейскіе съ собаками. Какой то толстый нѣмецъ, держа на привязи собаку изъ породы договъ, показывалъ ей на землю, на столбы, на кусты. Собака махала хвостомъ, лаяла и на всѣхъ столбахъ и кустахъ оставляла знаки, такъ много говорящіе песьимъ носамъ, но искать не пожелала. Нѣсколько разъ она принималась такъ отряхивать прахъ нашего лагеря, что земля летѣла во всѣ стороны.

Словно дѣлая уступку человѣческой глупости, песь позволѣлъ, наконецъ, своего поводыря по кустамъ. Но, когда они оба очутились на состѣднемъ картофельномъ полѣ, песь присѣлъ тутъ въ позѣ, очень взвеселившей плѣнныхъ. На этотъ разъ собачьи поиски кончились ничѣмъ. Такъ какъ плѣнныe, жившіе въ сѣверо - западной части Германії, въ случаѣ побѣга, неизбѣжно направлялись къ голландской границѣ, какъ къ самой близкой, то нѣмцы особенно усилили ея охрану.

У насъ въ лагерѣ стали говорить, что самое трудное — не бѣжать, и не добраться до границы, а перейти ее. Она оберегалась многочисленной стражей съ дрессированными собаками.

ми; кромѣ того, было нѣсколько рядовъ проволочныхъ заграждений; по нѣкоторымъ изъ нихъ, будто бы, проходили токи высокаго напряженія.

Бѣжавшій вскорѣ послѣ англичанъ русскій офицеръ, пурчикъ Тарасовъ, былъ убитъ при попыткѣ перейти въ Голландію. Наша комендатура получила обѣ этомъ официальное узѣдомленіе отъ начальника пограничной стражи на голландской границѣ.

Нѣмцы ловили большинство бѣжавшихъ внутри самой Германіи; ихъ выдавало незнаніе языка, обычаевъ, не говоря уже о костюмѣ. Пріятеля Саламатина, англійского офицера, поймалъ нѣмецкій офицеръ, при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Бѣглецъ шелъ по дорогѣ въ костюмѣ «подъ рабочаго», передѣланномъ изъ англійской военной формы. Ему надо было пройти мимо одной небольшой виллы; въ садикѣ, передъ домомъ, сидѣлъ на скамейкѣ нѣмецкій офицеръ со своей женой.

Англичанинъ спокойно прошелъ мимо супружеской четы, не обративъ на нее вниманія. Но не успѣлъ онъ пройти и двадцати шаговъ, какъ вдругъ совершенно неожиданно услышалъ за собой голосъ: «будьте любезны, на одну минуту». Онъ обернулся — это звалъ его нѣмецкій офицеръ. Дѣлать было нечего, англичанинъ подошелъ. Нѣмецъ посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Если не ошибаюсь, вы англійский офицеръ.

Бѣглецъ былъ пораженъ.

— Видите, вы не знаете обычаевъ страны, — сказалъ нѣмецъ, — потому я васъ и узналъ. У насъ никто не проходить мимо, не сказавши «Guten Tag».

Нѣмецъ оказался гостепріимнымъ. Взявши съ англичанина слово, что тотъ не уѣжжитъ, онъ пригласилъ его къ себѣ въ домъ, предложилъ ванну, накормилъ обѣдомъ и даже положилъ спать въ свое мѣсто кабинетъ. Только на другое утро, когда проѣзжали полицейскіе, хозяинъ сдалъ имъ своего гостя.

Удобнѣе всего было плѣннымъ бѣгать съ прогулокъ. По взаимному договору съ Россіей, Германія разрѣшила русскимъ плѣннымъ, давшимъ честное слово не бѣжать, небольшія прогулки по окрестностямъ Мюндена. Давшихъ слово собирали въ сто-

ловой, провѣряли и затѣмъ отправляли на прогулку, въ сопровождениі нѣсколькихъ караульныхъ и дежурнаго офицера. По-степенно, къ давшимъ слово стали присоединяться и недавшіе. Наши старшіе убѣдили фонъ-Визе, что плѣнныя все равно никуда не могли бы скрыться въ своей формѣ. Прогулки сдѣлались смѣшанными. По возвращеніи карауль только пересчитывалъ плѣнныхъ. И вотъ, однажды, не досчитались двухъ прaporщиковъ изъ прибалтійскихъ нѣмцевъ. Они отстали въ лѣсу отъ главной группы,бросили свои фуражки, нахлобучили нѣмецкіе рабочіе картузы, скинули кителія и брюки и надѣли сдѣланные русскими портными въ лагерѣ инджаки и штаны, выкрашенные чернилами. Въ такомъ видѣ оба отправились на ближайшую ж.-д. станцію. Тамъ они купили билеты до границы. Видѣ ихъ ни комъ подозрѣнія не вызвалъ. Въ поѣздѣ народу было немногого; они сѣли въ самый темный уголъ и половицу дороги проговорили съ жандармомъ, который жаловался имъ на дорожевизну жизни. Пріѣхавъ до конечной станціи, они переночевали въ первой попавшейся гостинице и вечеромъ пошли на вокзалъ, въ разсчетѣ взять билеты до ближайшаго голландскаго городка. Имъ хотѣли уже дать билеты, какъ вдругъ кому то изъ нѣмцевъ пришла въ голову мысль спросить у нихъ паспорта.

Благодаря этому, вместо Голландіи, они очутились въ кутузкѣ, а оттуда были препровождены обратно въ Мюнденъ.

Чѣмъ больше продвигалось лѣто и чѣмъ больше росла у насъ увѣренность въ неизбѣжности еще третьей зимней кампаниіи, тѣмъ скучнѣе становился поручикъ Хановъ, однополчанинъ Сабанѣева. Онъ уже не сидѣлъ цѣлыми днями надъ пѣменецкимъ романомъ, а куда то часто началъ исчезать. Одинъ разъ онъ пришелъ, несмотря на жару, въ шинели въ накидку и въ совершенно мокрыхъ штанахъ и рубашкѣ.

Спросить его, гдѣ онъ искупался, было какъ то неловко, но я догадывался, что поручикъ Хановъ ищетъ путей къ свободѣ.

Однажды, въ жаркій августовскій день я стоялъ у окна и смотрѣлъ вдалъ. Кромѣ меня и Переля въ комнатѣ никого не было.

Пришелъ Фрицъ и спросилъ, гдѣ лейтенантъ Хановъ.
Мы отвѣтили, что его въ комнатѣ нѣть. Фрицъ ушелъ.

Минутъ черезъ десять у бетонной дыры, рядомъ съ нашими уборными, появились нѣмцы и стали лить туда воду изъ громадной пожарной кишкѣ. Я подумалъ, что они промываютъ плохо дѣйствующую сточную трубу, и началъ слѣдить за ихъ работой. Вдругъ изъ трубы показалась мокрая человѣческая голова. Одинъ нѣмецъ ударилъ по ней мѣднымъ паконечникомъ трубы; голова спряталась; черезъ мгновеніе показалась другая — другой ударъ. У меня мелькнула мысль, что находящихся въ этой трубѣ людей нѣмцы хотятъ утопить, какъ мышей. По тѣлу пробѣжалъ холодокъ ужаса, и я потерялъ всякий контроль надъ собой. Высунувшись въ окно, я сталъ что то кричать нѣмцамъ. Къ моимъ крикамъ присоединились крики и свистки другихъ; гулявшіе въ саду останавливались и вопросительно смотрѣли въ окна: оттуда имъ показывали на дыру и нѣмцевъ. Учущій, что дѣло нечисто, пѣсколько русскихъ офицеровъ бросились къ нимъ и пытались вырвать кишку. Нѣмцы не давали, на шумъ прибѣжалъ цѣлый отрядъ караульныхъ, съ дежурнымъ офицеромъ во главѣ, и началъ разгонять толпу. Большой, рослый прaporщикъ Идзиковскій съ жаромъ что то объяснялъ щуплому дежурному офицеру, тотъ не слушалъ Идзиковскаго и, держа въ рукахъ громадный револьверъ, поворачивался во все стороны, отыскивая центръ возстанія. Тогда Идзиковскій выхватилъ большой перочинный ножъ и на половину разрѣзалъ кипку. Увидѣвъ это, караульный унтеръ - офицеръ бросился на него; но прaporщикъ Рузскій ловко подставилъ нѣмцу ногу. Нѣмецъ тяжело упалъ на землю, но быстро вскочилъ и, забывъ уже объ Идзиковскомъ, бросился, съ обнаженнымъ палашемъ, за Рузскимъ. Такъ они оба пробѣжали по всему саду. Потомъ Рузскій влетѣлъ въ черепаху; за нимъ, на два корпуса позади, нѣмецъ. Бывшіе въ черепахѣ плѣнныe, пропустивъ первого, скрутились около второго, спрашивая, что случилось. Этимъ моментомъ воспользовался Рузскій, чтобы черезъ столовую убѣжать къ себѣ въ комнату.

Тѣмъ временемъ Идзиковскій продолжалъ о чёмъ то гром-

ко говорить дежурному офицеру; на помощь Идзиковскому явился еще русский летчикъ. Увидѣвъ противъ себя двухъ здоровенныхъ дѣтинъ, офицеръ направилъ на нихъ свой револьверъ. Но летчикъ, чутъ отстранивъ кистью руки дуло маузера, спокойно продолжалъ говорить.

На лицѣ его не было ни вызова, ни страха; тонъ голоса былъ ровный. Это подействовало на лейтенанта, на караульныхъ и на всю толпу. Бывшіе въ ямѣ поручикъ Хановъ и прaporщикъ Гусь воспользовались моментомъ затишья и вылѣзли. Ихъ сейчасъ же окружили нѣмцы и повели на допросъ въ комендатуру, не давъ смынить ни бѣлья, ни платья.

Намѣреніе нѣмцевъ залить водой живыхъ людей взволновало весь лагерь, особенно русскихъ. Дѣло на арестъ поручика Ханова и прaporщика Гуся не кончилось.

Противъ Рузского нѣмцы выставили обвиненіе въ неповиновеніи властямъ. Найди они его въ тотъ моментъ — Рузский немедленно былъ бы отданъ подъ судъ. Но нѣмцы не могли его отыскать. Убѣжавъ отъ унтеръ - офицера, Рузский рассказалъ въ своей комнатѣ, что съ нимъ произошло. Тотчасъ же были приняты экстренные мѣры для его спасенія: голову остригли подъ нулевой номеръ, сбрали усы, перемѣнили костюмъ.

На другое утро, послѣ аппеля, насъ не распустили, а заставили построиться въ двѣ шеренги; послѣ этого плѣнныхъ обошелъ гонявшийся за Рузскимъ унтеръ - офицеръ. На колѣнѣ лѣвой штанины еще виднѣлось у него пятно отъ вчерашняго паденія. Онъ шелъ медленно, немного прихрамывая; сбоку шелъ Абтъ съ портфелемъ; сзади за ними двое часовыхъ. Пройдя мимо Рузского, унтеръ - офицеръ указалъ на его сосѣда, но потомъ, всмотрѣвшись, призналъ свою ошибку.

Такъ виновнаго и не нашли, можетъ быть, потому, что пострадавшій не особенно и искалъ его.

Поручикъ Хановъ и прaporщикъ Гусь, вмѣстѣ съ двумя другими, рѣзавшими пожарную кишку, были отданы подъ судъ. Ихъ продержали нѣсколько времени въ Кассельской тюрьмѣ, а потомъ снова вернули въ лагерь.

Тогда то поручикъ Хановъ и рассказалъ намъ о своихъ

подземныхъ похожденіяхъ. По его словамъ, имъ совсѣмъ не угрожала опасность быть залитыми водой. То, что нѣмцы лили въ трубу, уходило по боковому каналу прямо въ Везеръ. Они же гуляли по трубамъ, которые шли подъ черепахой въ противоположномъ направлениі. Трубы были такой величины, что они ходили, лишь немного согнувшись. Такъ кончился неудачей ихъ проектъ бѣжать при помощи этой трубы.

Прапорщикъ Кочкуровъ — одинъ изъ преданныхъ суду за пожарный рукавъ, рассказалъ, что въ тюрьмѣ онъ видѣлъ много русскихъ солдатъ. Они ему сообщили, что тамъ есть карцерь такихъ размѣровъ, что заключенный не можетъ ни встать, ни сѣсть, ни лечь; кроме того, имѣется комната, вся въ зеркалахъ. Тотъ, кто попадаетъ туда, долженъ постоянно сидѣть съ закрытыми глазами: иначе, отъ вынужденного созерцанія собственного отраженія, повторенаго безконечное множество разъ, люди сходятъ съ ума. Въ эти камеры нѣмцы сажали плѣнныхъ за неповиновеніе, за попытки къ бѣгству.

Все это порождало у плѣнныхъ непримиримую ненависть къ нѣмцамъ и приводило иногда къ непонятнымъ на первый взглядъ поступкамъ. Такъ, напримѣръ, одинъ разъ въ банѣ кто то изъ плѣнныхъ не только вымылся, но и оставилъ не особенно пріятные слѣды.

Нѣмцы пришли въ ужасъ. *Corpus delicti* взяли на лопату и потащили къ Абту. Пошло слѣдствіе. Среди вещественныхъ доказательствъ была найдена совсѣмъ непереварившаяся рыбешка. Абтъ, зная какія, приблизительно, комнаты мылись въ часъ преступленія, распорядился произвести въ нихъ обыскъ. Найдена была банка консервовъ такой же рыбы у одного молодого французского семинариста. Онъ не сталъ запираться; въ своемъ поступкѣ онъ не видѣлъ ничего особенного.

— Вѣдь, это же все нѣмецкое, — говорилъ онъ Саламатину.

Были и другіе факты. Въ 16 году французскіе плѣнныe получали много хлѣба изъ Швейцаріи.

Однажды утромъ Григорій докладывалъ Высотскому:

— Французы — народъ особенный; вотъ ужъ кто, мож-

но сказать, ненавидитъ Германію. Теперь, видать, у самихъ нѣмцевъ нехватка хлѣба, такъ они обрѣзки подбираютъ, что французы бросаютъ. Французы замѣтили это и такую штуку стали устраивать: отрѣжутъ кусокъ хлѣба, совсѣмъ хороший, безъ гнилизны, помочатся на него, извините за выраженіе, и послѣ на открытомъ мѣстѣ положать, чтобы нѣмцы забрали...

Григорій утверждалъ еще, что на самыя трудныя и грязныя работы берутъ только русскихъ и англичанъ.

— Французъ дастъ унтеръ - офицеру коробку сардинскъ или чего нибудь подходящаго, ну, тотъ, значить, ему поблажку сдѣлаетъ. А русскимъ и давать то нечего; англичанамъ тоже неважно: дастъ онъ, не дастъ, — нѣмецъ все равно ушлетъ его на черную работу.

Черной работой деньгищи называли выкачиваніе насосомъ нечистотъ изъ уборныхъ въ ассенизаціонную бочку. Каждый день качали часа по два. Работа эта поднимала неимовѣрное зловоніе, и всѣ деньгищи спасались отъ нея, какъ могли. Однажды, гуляя въ саду, я увидѣлъ одного русского деньгища на скамейкѣ подъ деревомъ. Къ нему подошелъ другой съ метлой въ рукѣ.

— Ты что-жъ, сегодня не работаешь? — спросилъ солдатъ съ метлой своего товарища.

— Нѣть, — кратко отвѣтилъ тотъ.

— Счастливъ, а я только полъ подмелъ, какъ ужъ на помпу иди.

— Да и меня нѣмецъ хотѣлъ запречь, да я не дался.

— Что-жъ ты сдѣлалъ?

— Онъ мнѣ — «на помпу иди», а я ему: «руссинъ пумъ-пумъ, инглишъ пумъ - пумъ, французишъ никсъ пумъ - пумъ. Нихъ тудъ».

— Ну и нѣмецъ что?

— Да ничего. Пошелъ да взялъ французовъ — они тутъ же въ карты играли.

— Хорошо, ты языкъ знаешь, разговаривать съ ними можешь, — вздохнула метла.

ГЛАВА XIV.

Лѣто 1916 года было богато событиями и надеждами. Нѣмецкія газеты говорили что-то о коварности съвернаго медвѣда, напавшаго на болѣе слабую Австрію; о томъ, что двуединая имперія была и будетъ вѣрной союзницей Германіи, и слухи о какихъ то таинственныхъ сепаратныхъ переговорахъ вѣнскихъ дипломатовъ съ врагами лишены всякаго основанія.

Одно было ясно, что война не кончится такъ скоро.

— Будутъ биться, пока не дойдутъ до ручки, — выскажался какъ то Перель послѣ чтенія военного сообщенія.

Настроеніе наше перемѣнилось. Изъ весеннѣ - веселаго, увѣреннаго оно стало тоскливымъ, а подчасъ и невыносимымъ.

Однажды утромъ Арцышевичъ, спавшій недалеко отъ меня, сказалъ:

— Я ухожу отъ Васъ, Веньяминъ Валеріановичъ. Меня переводятъ въ другую комнату.

Онъ сталъ собирать свои вещи и укладывать ихъ въ чемоданъ; снялъ со стѣны портретъ своей Шурочки — молодой, красивой дѣвушки, въ рамкѣ его собственной работы, посмотрѣль на него и спряталъ поглубже.

— Онъ тамъ помнется или поломается, — замѣтилъ я, припомнивъ, съ какой радостью былъ встрѣченъ когда то этотъ портретъ. Но Арцышевичъ махнулъ только рукой.

— Вѣшать его ужъ не придется. Вчера вечеромъ получилъ отъ нея письмо — недавно замужъ вышла.

Онъ нагнулся надъ чемоданомъ. Я смотрѣль на его преждевременно полысѣвшую голову и думалъ, что ему еще нѣть и 27 лѣтъ. Когда онъ выпрямился, алая капля блестѣла въ углу рта. Онъ вытеръ ее платкомъ и показалъ мнѣ кровавую полоску.

— Видите?

Я кивнулъ головой.

— Помните, какъ меня артиллеристъ ударилъ? Теперь у меня порокъ сердца, и кровь горломъ идетъ. Я уже давно чувствовалъ, что боленъ, и писалъ ей, что она свободна и пусть не ждеть меня. Вотъ она и вышла замужъ.

На новомъ мѣстѣ карточки ея Арцышевичъ уже не повѣсили.

Послѣ его ухода я часто думалъ о немъ, объ его тихомъ, нѣжномъ, но не понадобившемся Шурочекѣ, чувствѣ. Исторія съ Шурочкой не была единственной въ этомъ родѣ.

Однажды, я зашелъ къ русскому доктору, на короткое время переведенному въ нашъ лагерь. Онъ ожидалъ, когда нѣмцы отправятъ его куда нибудь на тифъ. Слѣдомъ за мной бурей влетѣлъ капитанъ Сененко, попавшій въ плѣнъ въ концѣ 1914 года. Капитанъ былъ краjkистый мужчина, съ легкими рябинками на продолговатомъ лицѣ.

— Докторъ, — обратился капитанъ такимъ голосомъ, словно ему не хватало дыханія: — скажите, на сколько времени можетъ затянуться беременность?

— Въ чёмъ дѣло, я не совсѣмъ вѣсъ понимаю? — сказалъ докторъ.

Капитанъ махнулъ рукой, въ которой было зажато скомканное письмо.

— Вы знаете, я поѣхалъ на войну, какъ только она была объявлена; съ той поры я и не видалъ своей жены. И вотъ только что я получилъ письмо, гдѣ меня поздравляютъ съ новорожденнымъ!

Докторъ неувѣренно началъ что то говорить о чудесахъ природы, но капитанъ прервалъ его:

— Довольно, не утѣшайте, я и самъ все понимаю... — и, не кончивъ, заплакалъ — сухо, коротко, съ гримасами.

Докторъ разстегнулъ ему воротъ рубашки. Немного ниже сердца, вмѣсто вырваннаго пулей ребра, была тонкая, красная пленочка; она сильно поднималась и спадала при дыханіи.

Было страшно на нее смотрѣть: казалось, вотъ - вотъ порвется эта тонкая преграда, и хлынетъ кровь...

А онъ-то мечталъ, что, уйдя послѣ войны со службы, какъ инвалидъ, онъ купитъ клочекъ земли и займется образцовымъ куроводствомъ. Но пришелъ листокъ бумаги изъ Россіи и развѣялъ всѣ капитанскія мечты.

Этотъ случай сдѣлался известнымъ всему лагерю.

— Дюже плохо то, Ваше Благородие, — разсуждалъ Григорій, — что тутъ дѣться-то некуда въ лагерѣ. Что тамъ баба согрѣшила, дѣло житейское, всяко бываетъ. По мирному времени, мужъ-то ее, ну, за волосья отгаскалъ бы, или на богоявление пошелъ бы, въ пустынъ какую. Смотришь — и полегчало. А тутъ всѣ знаютъ, какое дѣло у капитана случилось, а склониться ему никуда нельзя, у всѣхъ людей на глазахъ. Носи все на сердцѣ, тягостно это...

Одинъ разъ къ доктору заявился поручикъ, съ измученнымъ, нервнымъ лицомъ, словно осѣвшій и преждевременно постарѣвшій.

— Докторъ, что дѣлать мнѣ?

— А что съ вами?

— Да вотъ посмотрите...

И, снявъ рубашку и бинты, онъ показалъ невѣроятной величины чирьи, сидѣвшіе повсюду: на спинѣ, на груди, по бокамъ.

— Замучили они меня, — жаловался офицеръ: — одинъ проходитъ, — два новыхъ появляются. Цѣлые ночи не сплю, лежать невозможно, особенно, когда нарывать станетъ. Самъ противень себѣ, — вездѣ гной, все присыхаетъ, болить.

— А у лагернаго врача были? — спросилъ докторъ.

— Быть, да что-же, онъ рѣжеть, гдѣ можно, да перевязываетъ. Не помогаетъ, третій мѣсяцъ хожу къ нему. И откуда на меня такая напасть, сифилиса у меня не было, родители — здоровые, — жаловался несчастный поручикъ.

— А какъ вы питаетесь? — спросилъ докторъ.

— Всегда голоденъ.

И такихъ заболеваний, на почвѣ хронического недѣданія, въ лагерѣ было немало.

— А меня сегодня ночью къ больному вызывали, — сказалъ мнѣ однажды утромъ этотъ же докторъ.

— Въ чемъ дѣло?

— Легъ я уже спать, дремать началъ, горшки съ гречневой кашей начали мерещиться, какъ вдругъ прибѣгаютъ изъ одной комнаты, сюю же минуту притти просять. Прибѣ-

жалъ. Вижу — держать прапорщика одного: вечеромъ, какъ отни потушили, сталъ онъ бросаться, хотѣлъ въ окно вылѣзть, голову разбить. Нѣсколько часовъ около него провозился. Пришлось связать, нѣмцевъ разбудить, чтобы въ околоткѣ морфію достать и вспрыснуть. Сегодня рано его въ госпиталь забрали. А жалко парнишку: совсѣмъ молоденький и хрупкій такой; товарищи передавали, что въ обыкновенномъ состояніи онъ очень тихій, добрый и симпатичный человѣкъ. Вѣроятно, припадокъ-то случился у него отъ голода, на почвѣ острого малокровія мозга.

— А какъ фамилія больного? — спросилъ я.

— Леонтьевъ. Вы его знали?

— Какъ же, мы съ нимъ вмѣстѣ подъ арестомъ сидѣли...

Послѣ минутнаго молчанія докторъ продолжалъ:

— Знаете, большинство плѣнныхъ — люди очень больные. Первое мое назначеніе было въ солдатскій лагерь — бороться съ тифомъ. Кромѣ меня, въ этомъ же лагерѣ работало нѣсколько нѣмецкихъ врачей. Тифа то, какъ говорили они, въ лагерѣ, пожалуй, и не было. Люди мерли просто отъ голода. Противъ него лишь одно лѣкарство — хлѣбъ да каша. Но ихъ то и не имѣлось. И вотъ въ этомъ лагерѣ въ первый разъ мнѣ пришлось встрѣтиться съ особой категоріей больныхъ. Придетъ какая нибудь борода, на видъ здоровѣе, чѣмъ остальные. И жалуется — и тамъ у него болитъ, и здѣсь; то безсонница, то сны страшные; одному къ сердцу подкатывается, у другого съ ногами что то дѣлается, у третьяго — просто мочи нѣтъ терпѣть. И душевное состояніе — ужасное: говорить начнетъ — занкается, вотъ-вотъ расплачется, руки дрожать, возбудимость самая легкая. Пачнемъ выслушивать — ничего, какъ будто, нѣтъ.

Обратился я къ нѣмецкимъ коллегамъ, что это, по ихъ мнѣнію, а они улыбаются: — «Мы называемъ это явленіе — Stacheldrahtsneurose. Это — ничего, это почти у всѣхъ плѣнныхъ наблюдается».

Они правы, этотъ «неврозъ колючей проволоки», въ большей или меньшей степени, у всѣхъ плѣнныхъ имѣется, но эта штука не такая безобидная, какъ они думаютъ. Такъ вотъ и съ

Леонтьевымъ было: плѣнъ заѣль, колючая проволока всѣ нервы исцарапала.

И, когда я слушалъ доктора, мнѣ казалось, что земля въ своемъ пробѣгѣ черезъ міровое пространство попала въ злое, заколдованное мѣсто.

— Не могу понять, что со мной дѣлается: внутри какъ будто погреbъ появился. И не зябну особенно, а чувствую, что кишкы холодныя, словно онѣ въ мерзломъ болотѣ лежать, — говорилъ однажды утромъ Сабанѣевъ.

— У васъ всегда не слава Богу... — шутилъ Перель, подманивая ногой второй сапогъ.

Но я понималъ, о чёмъ говорилъ Сабанѣевъ: временами и у меня неожиданно появлялось ощущеніе внутренняго холода; казалось, что въ организмѣ отмерло что то живое и теплое, оставивъ послѣ себя пустое, холодное и сырое пространство, неспособное прогрѣться тепломъ всего остального тѣла.

— Просто вы оба отощали, вамъ бы теперь обоимъ сала, да хлѣба, да каши, и мнѣ за компанію, — сказалъ Высотскій: — бросьте вы ваши книги, да идите въ садъ и грѣйтесь на солнцѣ...

Погода, дѣйствительно, была великолѣпная, и я часто выходилъ во дворъ, на солнце.

Сидя на припекѣ, я жмурилъ глаза и отдавался ощущенію полнаго покоя и полудремоты. Солнце пріятно грѣло лицо, и, сквозь закрытыя вѣки, казалось розовымъ, безконечнымъ ковромъ; въ коверь вплетались золотистыя нити, летали блестящія разноцвѣтныя точки, неожиданно появлялись изъ глубины затуманенного сознанія легкія, свѣтлыя видѣнія.

— Ваше Благородіе, разрѣшите присѣсть около васъ, — раздался, однажды, чей то голосъ.

Я открылъ глаза; возлѣ меня стоялъ русскій солдатъ, недавно переведенный къ намъ изъ Касселя.

— Дремали, разбудиль я Васъ, должно быть?

— Нѣть, ничего, — и, подвинувшись, я пригласилъ его сѣсть.

Наружностью мой сосѣдъ походилъ на стародревняго рус-

скаго крестьянина. Его спина и плечи поразили меня своей величиной и массивностью. Это былъ въ полномъ смыслѣ слово богатырь, потомокъ Микулы Селяниновича, который земную тягу себѣ въ сумочку положилъ. Такіе люди пашутъ лѣтъ до восьмидесяти, потомъ скотину пасутъ, а, когда имъ стукнетъ сотня — падѣваютъ чистую рубаху и ложатся подъ образа умирать.

Богатырь сѣлъ рядомъ со мной и подставилъ лицо подъ солнце; и тутъ только я замѣтилъ, что онъ весь трясся, словно это былъ не человѣкъ, а студень.

— Откуда, дядя? — спросилъ я его.

— Пермскіе мы, изъ Пермской губерніи будемъ.

— Оно и видно. Ужъ больно здоровый народъ среди вѣшивъ встрѣчается.

— На томъ стоимъ, Ваше Благородіе; другіе то нась за напѣ видѣ и крѣпость лѣшими прозывають. Да, что говорить о томъ, что было. И здоровье и силушка — все ушло: горе да болѣзнь остались.

— Раненъ былъ, дядя, что-ли?

— Нѣть, Богъ миловалъ, здоровымъ попался. Только не знаю, на лучше или хуже это обернулось. Какъ попалъ въ лагерь, тифъ схватилъ, а потомъ воспаленіе въ легкихъ, — ну, выжилъ, однако. Силы то поубавилось. Потомъ приходитъ въ комендатуру нашу требованіе — отправить 1000 рабочихъ на французскій фронтъ. Стали выбирать, — кто покрѣпче, да по здоровью, того и записывали. И меня съ другими записали. Разбили нась на рабочія роты, надзирателей приставили и къ Вердену повезли желѣзныя дороги строить. Много тамъ пѣмцы чего понастроили. Заставили нась рельсы таскать. Но плѣненные народъ тощей — схватятъ рельсину щипцами человѣкъ двадцать пять, да упустятъ ее. Какъ она упадетъ — такъ нѣсколькимъ ноги переломаетъ, а то и па смерть зашибегъ. Нѣмцы такихъ на рогожу, да и вонъ. И работали мы съ утра до вечера, а иногда и до ночи поздней. Поднимутъ нась рано утромъ, дадутъ по кружкѣ кофе, да по краюшечкѣ хлѣба и маршъ на работу. Въ полдень перерывъ на обѣдъ былъ; да-

вали по кружку хлебова горячаго и хлѣба кусочекъ, а, вмѣсто ужина, въ бараки спать загоняли. Голодно было. Когда мы пріѣхали, собакъ вездѣ вокругъ много было; а потомъ, какъ пожили мы тамъ сть мѣсяцъ, ни одной, кажется, не осталось: всѣхъ перебѣли; заманимъ пса къ себѣ, убьемъ, шкуру закопаемъ, а мясо сваримъ.

Невкусное оно, такъ мы туда травъ разныхъ клали.

Много пришлось пережить. И отъ аэроплановъ французскихъ пришлось натерпѣться не мало. Одинъ разъ поблизости английской аэропланъ спустился. Нѣмцы обрадовались, побѣжали къ нему. А летчики, значитъ, выждали, подпустили поближе, да изъ пулемета шарахнули. Нѣсколько человѣкъ убили. Нѣмцы въ сторону. Аппаратъ поднялся и улетѣлъ. Такъ за то, что мы аэроплана не задержали, нѣмцы четверыхъ изъ нашихъ такъ саданули, что тѣ душу Богу отдали. Не жизнь, а мука была. Взглянешь иной разъ на солнышко, такъ и не знаешь, куда Богъ, куда добрые люди подѣвались. И маялись мы подъ Верденомъ три мѣсяца.

Потомъ, видно, и сами нѣмцы спохватились: изъ 1000 человѣкъ — сотни двѣ остались. Какъ пріѣхали, то настъ въ 4 баракахъ держали, а, напослѣдокъ, всѣхъ въ одинъ свели Остальныхъ то умучали. На четвертый мѣсяцъ всѣхъ оставшихся кого снова въ лагерь отправили, кого въ госпиталь, а я въ Бельгію попалъ. Заставили настъ тамъ фабрики обдирать. Станки, машины, ремни приводные, желѣзо съ крыши — все забирали. Послѣ нѣмцевъ, какъ послѣ саранчи, — ничего не остается. Диваны изъ домовъ, картины, — ничѣмъ не брезговали. Съ однихъ воротъ даже рѣшетку заставили снять: красивая такая была, кованая, въ цвѣточки, золоченая. Громоотводы, и тѣ не были забыты: наконечники платиновые у нихъ — тащи, значитъ, въ Германію. То-есть такъ ободрали Бельгію, что и повѣрить нельзя. Лейтенантъ, что нами командовалъ, въ одномъ домѣ обои со стѣнъ приказалъ содрать, скатать и на поѣздѣ отправить.

Въ Бельгіи я и захворалъ. Смутно какъ то стало, ъсть не тянуло, шумы въ головѣ пошли; часомъ трудно разобрать было,

гдѣ явь, гдѣ не-явь. Посмотрѣлъ меня докторъ нѣмецкій и въ лагерь отправилъ, а оттуда я въ госпиталь попалъ. Проваллялся я съ мѣсяцемъ, тамъ — въ Кассель, а изъ Касселя — сюда, въ деньщики. Только ужъ не работникъ я больше. И не болитъ ничего, а въ середкѣ то воть въ самой, словно, испорчено что. Одинъ день повожусь съ метлой, на другой день къ здѣшнему доктору иду: тотъ мнѣ всегда ужъ освобожденіе даетъ, понимаеть мое положеніе. Но только-жъ за меня товарищи должны работать, а мнѣ совѣстно. Выйду на солнышко, сижу, да о женѣ, ребятахъ думаю. Четверо ихъ у меня, старшому 17 лѣтъ будетъ. До войны то мы жили ничего, слава Богу: и пашня была, и пасѣка большая, все было.

Чувствую — здѣсь умирать придется, а не хочется въ эту землю ложиться. Чужая она. Такъ бы еще хотѣлось на родныя мѣста взглянуть, на нашу церковь перекреститься, дѣтокъ поглядѣть, жену побаловать...

Тѣнь отъ дерева передвинулась и легла на насть. Деньщикъ сразу съежился.

— Домой пора, — сказалъ онъ, — какъ солнышка нѣтъ, такъ я никакъ согрѣться не могу. Счастливо оставаться, Вамъ Благородіе.

Я пожалъ ему руку, и солдатъ, трясясь, направился къ зданію.

Въ концѣ іюля Берестовъ попросилъ, однажды, Григорія купить въ кантинѣ сахару. Григорій взялъ деньги и пошелъ внизъ, но черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился съ пустыми руками и заявилъ:

— Капутъ сахаръ; нѣтъ его и не будетъ больше...

Эта новость была для насть очень непріятной. Если мы еще до сихъ поръ кое какъ перебивались, то именно благодаря сладкому чаю. И, только лишившись сахара, мы увидѣли, какимъ онъ являлся важнымъ питательнымъ средствомъ для насть. Правда, начали продавать сахаринъ, но это было совсѣмъ не то. Онъ давалъ странный привкусъ пустой аптечной сладости, въ которой все же было что то горькое. Послѣ чая съ сахариномъ, желудокъ продолжалъ оставаться голоднымъ, словно пу-

стымъ; во рту и на губахъ появлялась пленка тошнотворного вкуса; надо было непремѣнно сполоскать ротъ. Много опытовъ продѣливали мы съ сахариномъ: пробовали класть его прямо въ чай, дѣлали крѣпкій растворъ изъ нѣсколькихъ таблетокъ и имъ сдабривали чай, но безъ успѣха. Особенно старался Высотскій, но и онъ, въ концѣ концовъ, сдался:

— Или съ сахаромъ, или безъ ничего.

И большинство плѣнныхъ пришло къ такому же выводу.

Отсутствіе сахара сказалось на мнѣ чувствомъ смутной неловкости: гдѣ-то чего-то недоставало, но чего, именно, я не могъ ясно опредѣлить. Потихоньку, какъ телеграфная проволока, загудѣли нервы — они просили сахару. Я чувствовалъ, какъ въ тѣлѣ уменьшаются запасы нервной силы. Воля и дѣятельность утонули въ органическихъ переживаніяхъ. Стремленіе удовлетворить требованія своего тѣла, или, по крайней мѣрѣ, перестать чувствовать ихъ — стало правиломъ поведенія. Оно сказывалось на всемъ настроеніи, всякая мысль была связана съ нимъ. Я упрекалъ себя, что не сдѣлалъ запасовъ, когда это было возможно. Представлялъ себя иногда бакалейнымъ торговцемъ и рисовалъ въ своемъ воображеніи цѣлые ряды сахарныхъ головъ и мѣшковъ, полные сахарного песку.

Къ довершенію всѣхъ невзгодъ, меня стала серьезно беспокоить раненая правая рука. Она не переставала болѣть, и, съ теченіемъ времени, боли лишь усиливались; появилась опухоль, достигшая въ августѣ размѣровъ средняго яблока. Она сидѣла глубоко, не имѣла рѣзкихъ границъ, и, при легкомъ наложеніи на нее, ощущалась острая боль, какъ будто меня кололи длинной иглой.

Движенія стали ограниченными, и, если кто нибудь, по неизнанію, задѣвалъ больное мѣсто, у меня захватывало духъ отъ невыносимой боли. Нѣсколько разъ я былъ у нѣмецкаго врача; онъ предлагалъ операцию, я отказывался, думая, что ее лучше будетъ сдѣлать въ Россіи. Но, потерявъ, въ концѣ концовъ, надежду на скорое возвращеніе, я сталъ подумывать, не согласиться ли на его предложеніе.

Все-таки, прежде, чѣмъ пойти въ госпиталь, я обратился

къ одному русскому врачу, случайно оказавшемуся въ лагерѣ.

— Къ сожалѣнію, я акушеръ, — сказалъ онъ, но руку осмотрѣлъ внимательно.

— Затрудняюсь сказать, что это, — заговорилъ онъ послѣ осмотра: — рука на ощупь горячая, въ болѣномъ мѣстѣ ясно слышна пульсація. Можетъ быть, это аневризма, но боюсь утверждать что либо навѣрное. Тутъ есть еще другой докторъ, полякъ; если не ошибаюсь, онъ хирургъ специалистъ.

Пошли къ этому хирургу. Онъ жилъ вмѣстѣ съ офицерами - поляками.

Въ комнатѣ, куда мы пришли, за столомъ сидѣлъ и раскладывалъ пасьянсъ человѣкъ въ докторскихъ погонахъ. У него былъ сѣрий цвѣтъ лица и дряблыя, отвислые щеки; мутные глаза были безъ всякаго выраженія; на головѣ просвѣчивала старательно зачесанная лысина, на лицѣ, на шеѣ и на рукахъ виднѣлись блесковатыя пятнышки, словно выѣденная молью.

— Докторъ Свенцкій. — обратился къ нему мой провожатый, я привелъ къ вамъ больного; случай, кажется, интересный: у него на рукѣ имѣется опухоль, и въ ней яспо прощупывается пульсація...

Но докторъ Свенцкій только взглянуль на насть своими водянистыми глазами и не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія въ отвѣтъ; взявъ колоду картъ, онъ сталъ тасовать ее, сдувая муху, садившуюся ему на руку. Мы постояли и вышли.

ГЛАВА XV.

Выхода для меня не было, и я согласился на операцио: пришлось подождать нѣсколько дней, пока въ госпиталѣ не освободится мѣсто. Когда я сидѣлъ однажды послѣ обѣда за столикомъ и читалъ Киплинга, въ комнату пришелъ русскій солдатикъ, прислуживавшій въ околоткѣ, и сказалъ:

— Собирайтесь въ госпиталь, Ваше Благородие.

Сборы мои были недолги. Попрощался со знакомыми,

связалъ въ узелокъ кипку книгъ, накинулъ шинель, сунулъ въ карманъ нѣсколько плитокъ шеколада, подаренныхъ на прощанье друзьями, и все.

Въ госпиталь меня провожалъ конвойный. Мы шли пѣшкомъ. Всюду краснѣли яблоки, висѣли груши, вился горохъ. У дороги еще цвѣла ромашка; я сорвалъ одинъ цвѣтокъ. До госпиталя было минутъ 20 ходьбы.

Онъ помѣщался на откосѣ горы и состоялъ изъ нѣсколькихъ двухъэтажныхъ павильоновъ, расположенныхъ въ прекрасномъ паркѣ, среди щѣлаго моря зелени. Выдавались отдельные сосны съ блестящей корой, темная ели, клены съ золотыми листьями.

Весь госпиталь былъ обнесенъ чугунной рѣшеткой на каменномъ фундаментѣ. Ворота были закрыты, и моему конвойному пришлось позвонить. Вышелъ откуда то нѣмецъ въ круглой солдатской шапочкѣ и открылъ калитку. Мы вошли и направились къ ближайшему павильону; это былъ небольшой бѣленыкій домикъ, заросшій плющемъ и виноградомъ. Густая трава на лужайкѣ была низко подстрижена; всѣ дорожки — выровнены и посыпаны гравиемъ. По лѣстницѣ мы поднялись въ первый этажъ. Служитель съ другого конца коридора увидѣлъ насъ и поспѣшилъ навстрѣчу. Втроемъ мы вошли въ ближайшую палату.

Въ ней никого не было. У одной стѣны стоялъ небольшой столъ, на немъ была сложена стопкой эмалированная посуда; изъ большой кружки на самомъ верху торчали ножъ, вилка и большая ложка, вдоль другой стѣны помѣщались две кровати; ближайшая къ окну была, видимо, занята; другая свободная — застлана свѣжимъ бѣльемъ.

Изъ окна открывался прекрасный видъ. Долина и горы тонули въ зелени. Въ самомъ низу текла Фульда. Берега совершенно скрывали ее, и отъ шедшаго внизъ парохода виднѣлась только черная, дымившаяся труба. Она то приближалась, то удалялась, забирала вправо и влево, слѣдя изгибамъ рѣки.

Несмотря на свѣжую зелень, въ воздухѣ уже плавали

прохладныя струйки: чувствовалось приближеніе осени. Служитель сказалъ что то конвойному и вышелъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся; вмѣстѣ съ нимъ пришелъ высокій, пожилой фельдфебель съ маленькимъ краснымъ крестикомъ на рукавѣ.

Мой коновійный подалъ ему какую-то бумажку. Онъ прочиталъ ее, поглаживая окладистую бороду, черкнулъ на ней что - то химическимъ карандашемъ и отпустилъ конвойнаго. Тотъ повернулся и, стуча сапогами, вышелъ изъ комнаты.

— Bitte, setzen Sie sich, сказалъ онъ негромко. Я сѣлъ, сѣлъ и фельдфебель.

Расположивъ въ порядкѣ на столѣ принесенные съ собой листки и книги, онъ началъ вписывать меня по всѣмъ правиламъ канцелярскаго искусства.

Наконецъ онъ кончилъ и сказалъ, что завтра утромъ меня осмотрить старшій докторъ. Служитель принесъ халатъ, бѣлье и туфли. Мнѣ оставили шинель и папаху. Китель, сапоги и все остальное сложили въ мѣшокъ, завязали, привѣсили ярлыкъ съ моей фамиліей и унесли въ цѣхгаузъ.

— Вотъ ваше мѣсто, сказалъ фельфебель, указывая на свѣжезастланную кровать. Съ завтрашняго дня вы будете получать среднюю порцію; и, пожелавъ мнѣ доброго вечера, онъ ушелъ.

Я остался одинъ въ комнатѣ и осмотрѣлся вокругъ. На вѣшалкѣ висѣла французская шинель моего новаго сожителя; подъ его кроватью виднѣлись жестяные ящики изъ подъ бисквитовъ, на ночномъ столикѣ стояла полузакрытая жестяная коробка съ фруктовыми консервами.

Вышелъ въ коридоръ. Изъ сосѣдней палаты доносилась французская рѣчь. Пройдя по коридору, я выглянулъ въ окно. деревья, чистый дворъ, скамейки, раненые нѣмцы въ халатахъ и круглыхъ Mütze на головахъ. Я вернулся къ себѣ и сталъ разбирать книги.

Черезъ полчаса подъ окномъ послышались шаги, и черезъ минуту въ комнату вошелъ французскій офицеръ, въ сопровожденіи русскаго полковника. Француза я видѣлъ въ первый

разъ, полковника же зналъ еще по лагерю. Увидѣвъ меня, полковникъ обрадовался:

— Слава Богу, хоть одинъ свой появился, а то я ужъ русскія слова началь забывать: все время либо по-французски, либо по-нѣмецки лопочешь...

Полковникъ познакомилъ меня съ французскимъ офицеромъ. Это былъ sous-lieutenant, Mr Richard, раненый и взятый въ плѣнъ подъ Верденомъ. Mr Richard, захвативъ ложку и мисочку, пошелъ ужинать къ своимъ. Мы разговорились съ полковникомъ. Онъ уже лежалъ въ госпиталѣ третій мѣсяцъ, лѣчась отъ упорной экземы. Его очень интересовало, что дѣлается въ лагерѣ. Я рассказалъ и посовѣтовалъ ему не торопиться выходить отсюда. Полковникъ, въ свою очередь, познакомилъ меня съ больничными порядками.

— Плѣнныхъ въ госпиталѣ — четверо французовъ и насть двое. Я помѣщаюсь отдѣльно, въ самой маленькой палатѣ. Кормятъ три раза въ день, и даютъ то же, что и своимъ. Служитель нашъ называется Кантомъ. Фельдфебеля, который вѣсъ принималъ, зовутъ Herr Шефферъ. Онъ ведеть канцелярію и помогаетъ при операцияхъ...

Полковникъ ушелъ. Въ сумеркахъ появился Кантъ и зажегъ газъ. Мы немного поговорили. Оказалось, что Кантъ самъ недавно вышелъ изъ лазарета: осколокъ гранаты, величиной съ маковое зернышко, попалъ ему въ глазъ и заставилъ его пролежать четыре мѣсяца въ одномъ изъ Вюрцбургскихъ госпиталей. Оттуда Кантъ вышелъ съ чистой отставкой и стекляннымъ глазомъ. Отношеніе его къ войнѣ было явно отрицательное.

— Это только большие капиталисты воюютъ, — заявилъ онъ, — а народу войны не нужна.

Изложивъ свои политические взгляды, онъ выхватилъ изъ кармана халата тряпку и исчезъ.

Вскорѣ пришелъ Mr Richard. Мы заговорили. Онъ былъ взятъ еще въ маѣ съ тяжелой раной лѣвой руки, нѣсколько разъ ему дѣлали операцию, но рана упорно не заживала. По профессіи онъ былъ учитель и на войну попалъ изъ запаса.

Изъ взятой имъ со столика книги упали на полъ двѣ карточки; на одной была снята молодая, красивая женщина, а на другой — двое очаровательныхъ дѣтей. Это была его семья.

Въ девять часовъ снова пришелъ Кантъ и погасилъ свѣтъ. На новомъ мѣстѣ я быстро заснулъ.

Рано утромъ, когда мы еще лежали, съ шумомъ отворилась дверь: явился неизмѣнныи Кантъ и поставилъ на мой столикъ кружку кофѣ съ молокомъ, двѣ бѣлые небольшія булочки, кусочекъ масла и немного сахара. Давно я ужъ не видалъ и не ъѣлъ такихъ деликатесовъ.

Затѣмъ началась уборка, а послѣ нея пришелъ Herr Шефферъ съ термометромъ и температурнымъ листкомъ. Пока я держалъ градусникъ, Herr Шефферъ разговаривалъ съ Mr Richard'омъ. Изъ ихъ разговора я узналъ, что французы ходить на перевязки черезъ два дня въ третій, рана его очищается, и дѣло идетъ къ выздоровленію.

Моя температура оказалась нормальной, и Herr Шефферъ пошелъ дальше, попросивъ меня никуда не выходить до визита старшаго доктора.

Въ половинѣ десятаго небольшой красный автомобиль остановился у воротъ госпиталя.

Изъ автомобиля вышелъ пожилой, средняго роста человѣкъ, въ сѣромъ костюмѣ, съ просѣдью въ волосахъ и небольшой бородкой. Это и былъ старшій докторъ. Кромѣ того, у него въ лагерь онъ исполнялъ обязанности офиціального нѣмецкаго врача.

У него всегда было озабоченное, но пріятное выражение лица.

Докторъ еще разъ осмотрѣлъ мою руку и назначилъ операцию на 2-ое сентября.

Пока же, я былъ предоставленъ самому себѣ. Не считая сегодняшняго дня, въ моемъ распоряженіи было цѣлыхъ три дня.

Радостный я выскошилъ во дворъ и попелъ бродить по дорожкамъ. Въ самомъ концѣ парка стоялъ павильонъ съ прѣкрасной террасой. Вокругъ росли смолистыя сосны, на клум-

бахъ цвѣли бѣлые и алые розы; наверху шумѣло воздушное море. На террасѣ, укутавшись въ одѣяла, лежали на креслахъ больные. У нѣкоторыхъ былъ прекрасный цвѣтъ лица.

— Кто тутъ? — спросилъ я у полковника, сидѣвшаго по близости на лавочкѣ.

— А здѣсь туберкулезные и отравленные газами, — отвѣтилъ тотъ: — самое скверное мѣсто въ госпиталѣ, отсюда чаше всего на кладбище возять.

— Вы теперь имѣете камрада, Оберстъ, — обратился къ полковнику передвигавшійся на костыляхъ краснощекій нѣмецъ: — будеть съ кѣмъ поговорить.

Въ полдень принесли обѣдъ. Я получилъ кусокъ мяса съ картофелемъ и компотъ. Хлѣбъ, по совѣту Mr Richard'a, я раздѣлилъ на двѣ части: одну сѣѣлъ за обѣдомъ, а другую оставилъ къ ужину.

Послѣ обѣда я засѣлъ за газеты; это былъ какъ разъ готъ моментъ, когда ожидали выступленія Румыніи. Всѣ передовицы были посвящены почти ей одной; много писали о природныхъ богатствахъ страны, о населеніи, о румынской армії. Кончилось чтеніе тѣмъ, что я заснулъ. Разбудилъ меня Кантъ, принеся въ три часа кружку кофѣ. Я выпилъ ее съ половиной оставшагося хлѣба, а другую припряталъ на ужинъ. Послѣ кофѣ я вышелъ снова.

Возвращаясь съ прогулки, я обратилъ вниманіе на небольшое зданіе, стоявшее особнякомъ у воротъ. На одной сторонѣ было написано: «Eingang», на другой — «Ausgang»; обходя зданіе вокругъ у стѣны, около забора, я увидѣлъ десятка два простыхъ черныхъ крестовъ. На верхней части бѣлой масляной краской уже было написано: «Hier ruht»... Оставалось только добавить Name и Regiment. Тутъ же, подъ навѣсомъ, на верстакѣ, пожилой столяръ дѣлалъ новый крестъ, отмѣчая карандашомъ части для выемки. Я догадался, что это зданіе — мертвѣцкая.

Мнѣ стало непріятно. По тѣлу прошелъ холодокъ, сразу выпѣли всѣ краски; стало тоскливо, беспокойно заметалась душа. Я пошелъ къ себѣ и легъ.

Перваго сентября вечеромъ меня остановилъ, спускаясь сверху, Шефферъ и сказалъ:

— Завтра утромъ ваша операція, не ёшьте, чтобы не тошило во время наркоза.

Пришло утро. Я ничего не ёлъ, да мнѣ и не хотѣлось ёсть. Усѣвшись на окнѣ въ коридорѣ, я сторожилъ доктора. Появился онъ, потомъ его ассистентъ, толстенький, какъ огурчикъ, военный врачъ. Минутъ черезъ десять пришелъ Кантъ.

— Lieutenant, bitte.

Я пошелъ въ операционную. Она помѣщалась въ сосѣднемъ павильонѣ. Дворъ, лѣстница, коридоръ — были проѣдены; я очутился передъ большой, бѣлой дверью. Нѣсколько нѣмцевъ и я со смятенною душой толкались передъ ней.

Прошло нѣсколько минутъ. Неожиданно растворились обѣ половинки двери, и изъ операционной вынесли на носилкахъ блѣднаго, еще спавшаго больного. До меня донесся тонкій, холодный запахъ эфира. Затѣмъ въ дверяхъ показался Шефферъ:

— Кто слѣдующій? — спросилъ онъ.

Всѣ молчали.

— Кто хочетъ первымъ?

Я выступилъ впередъ.

Съ бьющимся сердцемъ я вошелъ въ операционную. Кто то заперъ за мной дверь. Въ помѣщеніи была масса свѣта: стѣны и потолокъ были стеклянные. Въ углу, на газѣ, кипятились инструменты. Докторъ и ассистентъ мыли руки, одинъ служитель приготавлялъ операционный столъ, другой смывалъ кровь на полу. Потомъ докторъ обернулся ко мнѣ. Мы поздоровались.

— Bitte, — сказалъ онъ и указалъ глазами на столъ.

Я скинулъ рубашку и полѣзъ; столъ былъ высокій, кто то опустилъ подножку, я взобрался и сѣлъ, потомъ легъ. Двое санитаровъ стали у головы, одинъ у ногъ. Пѣдошелъ ассистентъ съ трубкой и выслушалъ легкія и сердце.

— Хорошо, выдержить, — сказалъ онъ старшему доктору.

— Maske! — крикнулъ тотъ. Мнѣ набросили на лицо че-

холъ изъ марли. Онъ сильно пахъ эфиromъ и еще чѣмъ то удушливымъ, тяжелымъ. Отъ этого запаха у меня сразу зазвенѣло въ ушахъ. Помня наставлениѧ, данныя мнѣ въ лагерѣ другими плѣнными, я старался дышать возможно глубже, чтобы скорѣе вызвать сонь. Но уже послѣ второго вдыханія я почувствовалъ удушіе и забился подъ маской. Сдѣлавъ усилие, я вырвался и сбросилъ маску.

— Что вы дѣлаете! — закричалъ докторъ, лежите смироно, тогда скорѣе заснете и не почувствуете, какъ сдѣляютъ операцию.

— Не могу, — отвѣтилъ я, оперируйте меня лучше безъ наркоза.

Сперва онъ не хотѣлъ.

— Это будетъ больно, не выдержите.

— Ничего, выдержу.

Наконецъ, докторъ уступилъ.

— Повернитесь на бокъ и поднимите руку, — сказалъ онъ.

Я поднялъ руку; одинъ изъ санитаровъ помогалъ мнѣ удерживать ее. Затѣмъ, гуттаперчевой лентой руку обернули отъ кончиковъ пальцевъ до самой подмышки, а самую подмышку черезъ плечо туда перетянули резиновымъ жгутомъ. Послѣ этого ленту сняли; рука поблѣдѣла и онѣмѣла. Докторъ нанесъ йодомъ оперируемое мѣсто.

Операция началась; я отвернулся въ сторону. Что то тонкое и острое врѣзалось въ руку. Горячая полоска побѣжала внизъ; иногда на бокъ попадали отдѣльные капли и обжигали кожу. Я чувствовалъ, какъ забираются понемногу вглубь. Иногда получалось опущеніе остраго нажима на что то твердое; боль отдавалась по всему тѣлу, и въ тотъ же моментъ слышался лязгъ ножницъ. Но главная боль была въ подмышкѣ, въ той точкѣ, где жгутъ останавливалъ кровянную волну. Незамѣтная въ началѣ, боль въ подмышкѣ быстро наростала, приближаясь къ предѣламъ моего терпѣнія.

Холодный потъ выступилъ мелкими точками. Все тѣло начало трястись. Неожиданно я почувствовалъ на лицѣ теплый

бапли. Я поднялъ глаза кверху: у одного изъ санитаровъ катились слезы и падали на меня. Отъ невыносимой боли я слегка застоналъ.

Ассистентъ подошелъ ко мнѣ и показалъ мнѣ губчатую массу, сѣроватаго цвѣта, величиной съ яблоко.

— Вотъ, что вынули у васъ.

Наконецъ, рана была зашита, забинтована, и стали развязывать жгутъ. Какъ только его удалили — боль сразу прекратилась; я почувствовалъ большое облегченіе.

Мнѣ помогли одѣться, уложили руку въ косынку, и я ушелъ изъ операционной, поблагодаривъ докторовъ.

Я вышелъ во дворъ. День мнѣ показался гораздо лучше, чѣмъ съ часомъ тому назадъ, и я рѣшилъ немного пройтись. Обойдя вокругъ павильонъ для туберкулезныхъ, я присѣлъ на скамейку. Мнѣ стало сразу холодно. Деревья, зданія, небо стали мѣнять мѣста. По землѣ пошла зыбь. Сгрудившись въ беспорядочную кучу, весь міръ двинулся на меня. Все тѣло стало тяжелымъ и мокрымъ. Я не могъ открыть рта, поднять здоровой руки. Сверху шла темная туча, и внутри поднималась тошнота.

Потомъ послышались громкіе голоса. Я чувствовалъ, какъ меня подняли, уложили и понесли. Затѣмъ такъ же осторожно положили на кровать. Пришли докторъ и Шефферъ. Пощупали пульсъ, поставили градусникъ и, отмѣтивъ температуру, ушли.

Я долго лежалъ съ закрытыми глазами. Подъ вечеръ тѣло стало сухимъ и горячимъ; появилась жажда. Mr Richard изъ фруктоваго сиропа и воды приготовилъ мнѣ вкусное питье. Вечеромъ у меня было около 40°; я почти не спалъ ночью и прислушивался, какъ грохотали безпрерывно поѣзда — это нѣмцы везли войска на румынскій фронтъ. За ночь рука распухла, и утромъ я не могъ поднять головы. Кантъ устроилъ меня въ полусидячемъ положеніи и накормилъ съ ложечки.

На первую перевязку, которая была черезъ два дня, мнѣ долго не давали носилокъ; никого изъ санитаровъ по близости не было, и я рѣшилъ самъ пойти въ перевязочную, которая помѣщалась рядомъ съ операционной. Упираясь рукой въ стѣ-

ны, я потихоньку шелъ, боясь каждую минуту упасть. Особен-
но трудно было взойти на лѣстницу. Видя мое состояніе, дру-
гие больные уступили мнѣ очередь. Я вошелъ и сразу же сѣлъ
на первый попавшійся стулъ. Перевязка была мучительна, но
и она кончилась. Когда Шефферъ кликнулъ носилки и ихъ не
оказалось, позвали Канта. Охая, причмокивая и сожалѣя о
случившемся, Кантъ раздобылъ въ одинъ мигъ носилки и со
своимъ товарищемъ, рыжимъ веснушатымъ парнемъ, какъ пу-
шинку, перенесъ меня на кровать.

Потянулись тяжелые дни. Скорбный листъ висѣлъ на стѣ-
нѣ, я смотрѣлъ на температурную кривую и видѣлъ, что до той
роковой точки, гдѣ уже нѣть надежды, осталось не такъ мно-
го. Мерещились кресты около мертвецкой, и черная дощечка
съ бѣлой надписью: «Hier ruht»... Я закрывалъ глаза, чтобы
не прочесть череззуръ знакомаго имени. Мелькали въ головѣ
мысли о бессмертіи, Богѣ, вѣчности; но онѣ не приносили об-
легченія.

По утрамъ, до обѣда, я слышалъ пѣніе. Невдалекѣ отъ
госпиталя были казармы саперъ. Саперы маршировали и пѣ-
ли:

« O, Meine Mutter, deine Söhne
Sind gegangen nach Frankreich's Front ... »

Голоса были звучные, молодые. Эхо далеко повторяло
пѣсню, и я слышалъ ее до послѣдняго слова. У этой матери бы-
ло трое сыновей, и всѣ на французскомъ фронтѣ. Старшій пи-
шетъ ей: «самаго младшаго изъ нась уже нѣть въ живыхъ. Но
ты не горюй, — мы вдвоемъ постараемся замѣнить тебѣ по-
койнаго»... Потомъ снова письмо: старшій пишетъ, что у нея
остался онъ одинъ — второй братъ тоже убитъ. Но пусть матъ
не горюетъ: онъ ее будетъ любить за троихъ. А потомъ и еще
письмо; на этотъ разъ отъ кого то посторонняго. Всѣ ея три
сына пали смертью храбрыхъ.

Рука стала толстой и тяжелой. она утомляла плечо; по
приказанію доктора для нея сдѣлали что то вродѣ качелей: ио-
ставили съ каждой стороны по шесту, соединили наверху пе-

рекладиной, съ перекладины спустили приспособленіе для руки, похожее на ляльку. Въ ней рука не утомляла и не требовала къ себѣ особаго вниманія. И ночью я могъ спать спокойнѣе. Недѣли черезъ двѣ температура стала спадать, а рука — желтѣть и худѣть.

Въ это время ко мнѣ, словно случайно, зашелъ докторъ. Онъ посмотрѣлъ листокъ, пощупалъ пульсъ и, справившись, какъ я себя чувствую, сѣлъ на стулъ у изголовья.

— Тѣмъ лучше, — продолжалъ онъ: — все-таки, я долженъ вѣсть предупредить, что, хотя на этотъ разъ, видимо, удастся избѣжать ампутаціи, за будущее ручаться нельзя. Чтобы спасти жизнь, можетъ быть, придется пожертвовать рукой. Вы взрослый, вы военный, вы терпѣливый, поэтому я и говорю съ вами прямо.

Я весь похолодѣлъ.

Этотъ докторскій визитъ унесъ мой покой. Какъ на зло, рана снова загноилась, и температура прыгнула вверхъ. Но, все-таки, я началъ понемногу вставать и выходить во дворъ. Я присаживался на первой скамейкѣ, грѣлся на солнцѣ, смотрѣлъ на долину. Проходившіе раненые здоровались, а нѣкоторые присаживались на скамейку; мы обмѣнивались вопросами о состояніи здоровья. У нихъ не было чувства враждебности ко мнѣ. Низенький лейтенантъ, приходившій въ госпиталь на перевязку, первый кивалъ мнѣ головой.

Раненыхъ съ фронта привозили часто; чтобы очистить имъ мѣсто — выписывали всѣ болѣе легкіе случаи; такие больные отправлялись по домамъ и, въ случаѣ надобности, посыпали ближайшіе лазареты; такихъ приходящихъ больныхъ у насъ было около десяти человѣкъ.

— Завтра, лейтенантъ, намъ будетъ много работы: привозить новыхъ раненыхъ, — заявилъ однажды Кантъ, принеся обѣдь.

На слѣдующій полдень ворота госпиталя широко распахнулись, и одинъ за другимъ начали подѣлѣвать тяжелые автомобильные фургоны съ опущенными холщевыми полами. Съ нихъ стали сгрружать раненыхъ. Стоны, крики, кровь. Вновь

прибывшихъ распредѣлили быстро; только однѣ носилки, покрытыя бѣлой простыней, остались стоять у подъѣзда, какъ будто забытыя — кто то умеръ по дорогѣ съ вокзала въ госпиталь. Его отправили въ мертвецкую.

Когда нагноеніе прошло и температура снова спала, я почувствовалъ дикий голодъ. Это было, вѣроятно, слѣдствіемъ потери крови и исхуданія. До операциіи я вѣсилъ 75 кило, а три недѣли спустя — всего 68. Голодъ терзалъ меня, рвалъ внутренности, и я могъ думать только объ ѓдѣ. Кормили настѣ неплохо, но мнѣ того, что давали, было мало. Съ трудомъ я высиживалъ три часа оть утренняго кофѣ до обѣда. Обѣдъ былъ самымъ счастливымъ моментомъ; но черезъ часъ снова уже просыпался голодъ; дневной кофѣ и ужинъ, состоявшій изъ тарелки какой нибудь каши, не заглушали его. Я выходилъ во дворъ, рвалъ траву, древесныя листья и жевалъ ихъ; но такую пищу я не могъ проглотить, и, кромѣ того, оть нея поднималась тошнота. Иногда, находясь въ одиночествѣ, я выпь оть голоды.

Однѣ разъ, сидя на скамейкѣ, я услышалъ, что меня кто то зоветъ по-русски. Я осмотрѣлся: въ саду никого не было, въ окнахъ — тоже. Пробѣжало мысль, что мнѣ начинаютъ слышаться потусторонніе голоса. Но, въ концѣ концовъ, удалось открыть място, откуда меня окликали.

Въ хирургическомъ павильонѣ, почти подъ самой крышей, былъ рядъ небольшихъ окошечекъ. Въ одномъ изъ нихъ, забранномъ желѣзнай рѣшеткой, виднѣлась фигура въ бѣломъ и звала меня.

— Подождите! — крикнулъ этотъ человѣкъ, я спущусь сейчасъ къ вамъ.

Черезъ минуту дверь внизу открылась, и показался человѣкъ въ больничномъ халатѣ, за нимъ слѣдовалъ здоровенный санитаръ. Когда они подошли ближе, я узналъ поручика Мавскаго. Мы были съ нимъ знакомы еще въ лагерѣ.

— Я васъ звалъ, — сказалъ онъ, здороваясь, — уже не первый разъ. Но только сегодня вы услышали и увидѣли меня; я прибылъ сюда недѣлю спустя послѣ вашей операциіи.

Я посмотрѣлъ на Маевскаго. По наружности онъ былъ даже лучше многихъ истощенныхъ плѣнныхъ. Но глаза у него странно блестѣли, часто мигали; голосъ показался через-чуръ звонкимъ; руки и голова сильно дрожали.

— Какъ вы очутились тутъ?

— Совсѣмъ неожиданно. Я самъ не могу объяснить, что со мной. Меня стали посѣщать какія то видѣнія. Въ комнатѣ замѣтили и испугались, сказали доктору. Тотъ меня сюда забралъ. Сижу одинъ, взаперти, за рѣшеткой; если выпускаютъ гулять, всегда санитаръ провожаеть. Просилъ своихъ сторожей кого нибудь изъ русскихъ позвать ко мнѣ — отказывали; про одного говорили, что онъ боленъ, про другого, — что тотъ уже въ лагерь отправленъ...

Болѣзнь Маевскаго очень поразила меня. Онъ былъ тихаго и покойного нрава, любилъ заниматься. Родные его жили въ Москвѣ; фамилію его я не разъ встрѣчалъ въ спискѣ счастливцевъ, получавшихъ посылки: о немъ, очевидно, забо-тились.

— Я тутъ въ отдѣленіи для нервно - больныхъ, — продолжалъ Маевскій, — комната пустая, у меня подтяжки отобрали и полотенца не даютъ. Боятся, что я повѣшусь. Но это еще ничего. Главное — я одинъ. Когда приходитъ вечеръ, я что то вижу, мерещатся какія то тѣни; мнѣ становится страшно, хочется свѣта, хочется быть среди людей... Такъ тянетъ къ себѣ, къ своимъ; можетъ быть, я бы поправился тамъ. А къ вамъ у меня просьба — дайте папиросу, не откажите, ради Бога.

Я протянулъ ему папиросу. Санитаръ, сидѣвшій рядомъ со мной, слегка толкнулъ меня въ бокъ и отрицательно повергъ головой.

Маевскій закурилъ съ наслажденiemъ.

— Мнѣ эти аспиды даже курить не позволяютъ, — жаловался онъ, — только три раза въ день бромомъ пичкаютъ. А мнѣ отъ этого писколько не легче.

Аппетита у него не было, и на другой день Маевскій прислали мнѣ черезъ своего санитара кусокъ хлѣба и двѣ булочки.

За это я ему при следующем свиданіи сунулъ коробку папиросъ и спичекъ.

Послѣ обѣда мы, обыкновенно, встрѣчались на лавочкѣ; смотрѣли на долину, на горы и высказывали другъ другу свои скорби и боли.

— Невыносимое состояніе, — жаловался Маевскій, — болѣть — ничего не болитъ, а жить тяжко...

Во время одной изъ такихъ бесѣдъ къ намъ подошелъ человѣкъ въ штатскомъ костюмѣ; подходя, онъ странно перебиралъ ногами, высоко поднимая ихъ.

— Русскіе? — вопросительно обратился онъ.

— Русскіе, — отвѣтилъ Маевскій.

— Позвольте представиться: — военный корреспондентъ, попалъ въ плѣнъ съ XX корпусомъ. Жилъ въ лагерѣ для военноплѣнныхъ, а теперь нахожусь въ госпиталѣ.

— Когда кончится, по вашему, война? — спросилъ его Маевскій: — Что надо сдѣлать, чтобы отправили въ Россію? Я нервно - боленъ, хочу хлопотать обѣ отправкѣ на родину и не знаю, какъ за это приняться.

— Я самъ скоро єду въ Россію; но обо мнѣ просили, писали, хлопотали во всѣхъ посольствахъ. А какъ отправляютъ больныхъ въ Россію, ей-Богу, не знаю. Главное — надо имѣть связи.

— А если у кого связей нѣтъ?

— Терпѣть надо, авось, война скоро кончится.

Корреспондентъ ушелъ. Маевскій посмотрѣлъ ему вслѣдъ и сказалъ:

— Связи, знакомства, а кто ихъ не имѣть, долженъ оставаться тутъ, хотя бы... — и, не договоривъ, онъ закрылъ лицо рукавомъ халата. Съ тѣхъ поръ въ госпиталѣ я съ нимъ больше не встрѣчался.

Однажды ночью, когда меня томила бессонница, я услышала на верхнемъ этажѣ нашего павильона необычную суету: передвигали кровати, кто то торопливо приходилъ и уходилъ, раздавались неясные голоса. Подъ этотъ шумъ я, наконецъ, уснула. А на утро Кантъ доложилъ:

— Сегодня ночью умеръ одинъ раненый.

Когда я пошелъ на перевязку, то одинъ изъ крестовъ былъ отставленъ въ сторону, и пожилой человѣкъ съ краснымъ платкомъ на шеѣ писалъ что то на дощечкѣ послѣ словъ: «Hier ruht»... Днемъ, изъ часовенки при мертвецкой вышли двѣ женщины въ черномъ; одна убивалась и звала: «мой Фрицъ, мой Фрицъ!».... Другая поддерживала ее и утѣшала: «успокойтесь, Frau Eleonora, у васъ хоть могила будетъ, а у меня ничего не осталось послѣ Фреда...»

Потомъ пришли пожилые люди въ черныхъ, старомодныхъ сюртукахъ.

Двоє держало цеховыя знамена. Всѣ дѣйствія собравшихся носили торопливый характеръ, словно люди только на минуту оторвались отъ спѣшной работы. Быстро вынесли гробъ, быстро поставили его на дороги, и съ большой поспѣшностью маленькая процессія направилась къ кладбищу.

Въ этой картинѣ больше всего бросалось въ глаза отсутствіе въ толпѣ молодежи: ни юношей, ни девушки, ни дѣтей; люди, дороги, лошади, — все это было старое, старое — правда, крѣпко сбитое, прочно сколоченное, но уже говорившее о долгой жизни, о большой работѣ, о заслуженномъ отдыхѣ. Но этому старому не было видно смѣны.

Однажды, въ началѣ октября, докторъ осмотрѣлъ мою руку и сказалъ Шефферу:

— Рана подживаеть, завтра на выписку.

Отъ этихъ словъ у меня тоскливо заныло сердце. Какъ бы тамъ ни было, пишу здѣсь и тамъ нельзя было и сравнивать. Но дѣлать было нечего. Въ день отправленія за мной пришли Григорій и караульный. Я попрощался съ Кантомъ съ Шефферомъ, съ французами, и мы направились въ лагерь. Меня встрѣтили тамъ голыя стѣны и худыя, безрадостные лица. И, все-таки, я съ удовольствіемъ почувствовалъ, что нахожусь между своими.

— Что съ тобой было? — спросилъ Высотскій: — Тутъ говорили, что у тебя какія то осложненія пошли?

Я рассказалъ о себѣ. У нихъ же новаго за это время ни-

чего не произошло; изъ Россіи тоже ничего утѣшительнаго не сообщали, и впереди была еще одна зимня кампанія.

— Какъ бы только не околѣть съ голоду, — закончилъ Высотскій, — такъ кормятъ, что дальше ужъ некуда...

Ужинъ, дѣйствительно, былъ очень тощій, но Берестовъ, получившій нѣсколько банокъ молока и плитокъ шеколаду, устроилъ намъ добавочную кормежку.

Когда наступилъ вечеръ и пришла пора ложиться, я съ грустью вспомнилъ больничную кровать. Теперь мнѣ самому приходилось все дѣлать и, къ тому же, одной лѣвой рукой: правая все еще была въ косынкѣ.

Потухли огни, скоро всѣ заснули. Не могъ заснуть только я. Еще въ полдень, въ госпиталѣ, я почувствовалъ жгущую боль въ животѣ: отъ желудка къ пахамъ какъ будто текли струйки расплавленного металла. Но днемъ боль была меньше. и, кромѣ того, отвлекало еще окружающее. Теперь же боль усиливалась съ каждой минутой. Я грызъ полотенце, кусалъ руки, дулъ на животъ, дышалъ то часто, то рѣдко, поджималъ ноги, выпрямлялъ ихъ и, не выдержавъ, заплакалъ. Потомъ всталъ и потихоньку началъ ходить по комнатѣ.

Медицинской помощи мнѣ не могли оказать — въ лагерь, въ этотъ моментъ, былъ только одинъ санитаръ; у него имѣлся лишь перевязочный матеріалъ и слабительныя. Докторъ же пріѣзжалъ то въ полдень, а то и подъ вечеръ.

Я не спалъ всю ночь и, какъ только разсвѣло, пошелъ отыскивать санитара. Но онъ, конечно, помочь ничѣмъ не могъ. Оставалось ждать доктора. Я поднялся къ себѣ.

— Что съ тобой? — спросилъ Высотскій, — тебя, словно, съ креста сняли.

Я пролежалъ цѣлый день; къ счастью, днемъ, хоть и коротенькие, но все же были перерывы между приступами. Въ эти перерывы я набирался силъ и терпѣнія для слѣдующаго приступа. Но ночи я очень боялся.

Докторъ пріѣхалъ подъ вечеръ. Пришли за мной. Высотскій проводилъ меня до околотка. Тамъ я сѣлъ въ полномъ изнеможенія на первый стулъ.

— Что съ вами, — спросил довольно недружелюбно докторъ. Онъ, очевидно, думалъ, что я хочу просить его слова отправить меня въ госпиталь.

Я не могъ ничего говорить, и санитаръ рассказалъ доктору, что было со мной.

Странно, только-что изъ госпиталя, — замѣтилъ докторъ, и, по тону его, я понялъ, что онъ считаетъ меня за симулянта. Меня осторожно раздѣли; я боялся каждого движенія. Докторъ сердился.

— Такъ и осмотрѣть васъ нельзя.

Послѣ осмотра, онъ однако, задумался. Затѣмъ началъ что то говорить санитару. Было решено лечить меня теплыми компрессами и перевести въ комнату при околоткѣ. Тамъ было теплѣе, удобнѣе, типе.

Я пролежалъ съ компрессами около двухъ недѣль. Мало-по-малу боли успокоились, но у меня было чувство, что онѣ всякую минуту могутъ возвратиться.

За время моего пребыванія въ околоткѣ, изъ лагеря уѣжали двое англійскихъ офицеровъ. Ихъ побѣгъ былъ смѣль и простъ. Выйдя еще днемъ во дворъ, они, на виду у всего лагеря, вырѣзали шипцами часть внутренней ограды, скользнули въ дыру, вырѣзали дыру во второй и все.

Вся тонкость этой операциіи заключалась въ слѣдующемъ: замѣтивъ, что караульные не стоять, а прохаживаются, англичане выбрали моментъ, когда оба часовые, сойдясь, повернули обратно, не обращая вниманія на то, что дѣлается у нихъ за спиной, и за это время успѣли все сдѣлать.

Только слѣдующая смѣна увидѣла вырѣзанную рѣшетку. Одному изъ бѣжалшихъ, лейтенанту Пулю, удалось пробраться въ Голландію, откуда онъ прислалъ, какъ говорили, письмо коменданту.

Меня перевели въ прежнюю комнату. Двухъ-недѣльныя боли еще сильнѣе истощили меня, а есть было нечего. И вотъ, совершенно неожиданно, я получилъ въ подарокъ 10 бапокъ сгущенного молока и два кило хорошихъ бѣлыхъ галетъ. Погодѣлся со мной, и совсѣмъ не отъ избытка, прaporщикъ Кре-

менецкій. Мы были съ нимъ очень мало знакомы, и я не знаю, изъ какихъ побужденій, кромѣ простого человѣколюбія, онъ могъ это сдѣлать.

Въ концѣ октября сняли повязку. Вместо сильной, здоровой руки, былъ крючекъ съ прилипшой къ нему желтой морщинистой кожей. Минѣ стало противенъ этаоть неразгибавшійся отростокъ — часть моего собственнаго «я».

Одѣваться, мыться, Ѳѣсть — все приходилось одной лѣвой рукой. Но этимъ мои испытанія еще не кончились.

Спустя немного времени послѣ возвращенія изъ околотка, мнѣ стало тяжело говорить. Каждое сказанное слово сильно утомляло; начавъ говорить, я часто не доканчивалъ фразы; особенно не давались звуки «л» и «р». И самый голосъ становился все глупше, пока не исчезъ совсѣмъ: при попыткѣ говорить, только шевелились губы.

На волѣ, въ обычновенныхъ условіяхъ около меня было бы мать; я бы питался, лечился, боролся. А тутъ я не могъ выйти за предѣлы рѣшетки; на разстояніи ея колючки впивались мнѣ въ нервы. Дикое отчаяніе овладѣло мной. Я чувствовалъ, что подошелъ къ предѣлу. Что было за нимъ — безуміе, смерть ? ..

Лагерный докторъ былъ первый, къ кому я обратился.

Романовъ пошелъ со мной и рассказалъ, какъ я пересталъ говорить. Докторъ осмотрѣлъ горло и пожалъ плечами:

— Серьезнаго ничего нѣтъ. Небольшой катарръ и только. А, главное, неврастенія. И прописалъ эмскую воду.

Въ первую минуту я вздохнулъ съ облегченіемъ: «Слава Богу, не туберкулезъ».

Но сомнѣнія вскорѣ опять завладѣли мной.

Я былъ увѣренъ, что докторъ скрылъ отъ меня правду.

Эта болѣзнь совпала какъ разъ съ особенно сильнымъ голоданіемъ. Утромъ я выпивалъ два стакана голой эмской воды и шелъ во дворъ. Тутъ садился гдѣ-нибудь и сидѣлъ до обѣда, весь отдавшись чернымъ мыслямъ. Въ 12 часовъ шелъ на обѣдь. Онъ состоялъ изъ тарелки супа, трехъ - четырехъ картошекъ на второе, а на третье чаше всего мы получали

ревенний корень. Супъ былъ жидкий; дѣлали его изъ Магги, одинъ кубикъ на три приблизительно тарелки. Въ тарелкѣ было отъ 14 до 17 ложекъ. На ужинъ давали или три-четыре картофелины, или тарелку макаронъ; иногда же жидкую размазню, вродѣ клейстера. Хлѣба на весь день приходилось по кусочку съ ладонь.

Я бросилъ занятія: мысли прыгали, я не могъ сосредоточить вниманія. Послѣ обѣда я или лежалъ, или раскладывалъ пасьянсъ. Пасьянсъ отвлекалъ мои мысли; можетъ быть, онъ даже спасъ меня отъ сумасшествія. Меня раздражало, если мои сожители громко говорили. Когда-же они понижали голосъ, я былъувѣренъ, что они говорятъ о моей скорой смерти.

Я не узнавалъ самого себя. Безотрадныя мысли легли между мной и всемъ міромъ. А раньше я такъ радовался тому, что жилъ, и заражалъ другихъ моимъ весельемъ. Теперь-же радость была во мнѣ убита. Я уже не могъ смеяться, не могъ веселиться. И, только потерявъ радость, я увидѣлъ, какъ она необходима для жизни. Есть солнце на небѣ, и есть солнце въ душѣ человѣческой — это радость. Пока она у меня была, она украшала жизнь и весь міръ. А безъ нея стало пусто и холодно, утратилось содержаніе. Вместо убитой радости, такъ же, какъ мракъ приходитъ, когда гаснетъ свѣтъ, появилась ненависть. Острая, безпощадная, все видящая, все подмѣщающая и ничего не прощающая. Она посягала на все; на свой языкѣ она переводила всѣ человѣческія дѣла.

И, странно, на кого обратилась сперва вся острота моихъ переживаній этого времени: на пустынниковъ и святыхъ первыхъ временъ христіанства. Ихъ убѣженіе въ какомъ-то первородномъ грѣхѣ человѣчества казалось мнѣ кощунственнымъ, а сами они представлялись людьми съ тупой, вялой мыслью, лишенными дара радоваться, смеяться, веселиться. Вместо святыхъ, я увидѣлъ человѣконепавистниковъ, подавленныхъ сознаниемъ неизбѣжной смерти, съ ихъ преступной попыткой убить въ человѣкѣ вѣру въ любовь, въ милосердіе, въ божественное снисхожденіе.

Потомъ — противъ обманщиковъ. Это было самое больное мѣсто въ душѣ. Ихъ было такъ много, и они сумѣли овладѣть всѣмъ міромъ и всѣми источниками, что нужны человѣчеству. Наука, литература, искусство, правители, революціонеры — все это лгало и враждовало между собой. Церковь увѣряла, что она знаетъ Высшее Существо, его намѣренія, его сущность. Наука продавала себя и служила всему, что отъ нея требовали. Писатели, не выносившіе своей мысли, безъ огня, безъ любви къ истинѣ, только засоряли сознаніе человѣчества. Правители презирали правимыхъ. Но имъ всѣмъ нужно было мое «я», моя вѣра, мое сознаніе, моя совѣсть, моя сила, моя жизнь. Отъ меня требовали повиновенія, ташили каждый въ свою сторону, угрожали и презирали. Я чувствовалъ себя охваченнымъ безпощадными, жадными щупальцами.

Въ молчаніи я искалъ виновныхъ. Искалъ для того, чтобы сорвать гнѣвъ взволнованной и больной души. И виновныхъ не находилъ. Жизнь оказалась такъ искусно построенной, что тѣ, которые должны были почему-то отдавать здоровье и жизнь, виноватыхъ не находили. Правители прятались за государство, наука объявила себя нейтральной, церковь заявляла, что она молится лишь о мирѣ всего міра, писатели и художники клялись, что они служить одному искусству. Всѣ отрекались отъ ужасовъ, а ужасы были.

И съ повязаннымъ горломъ я раскладывалъ пасьясь за пасьянсомъ, боясь за руку, за жизнь, боясь за собственный разсудокъ.

Отъ моего безпросвѣтного состоянія я не могъ даже во снѣ найти покоя. Видѣній на-яву у меня не было. Но въ тотъ моментъ, когда дремота переходила въ сонъ, со мной происходило что-то странное. Я словно перевоплощался и существовалъ въ какомъ-то другомъ времени и пространствѣ.

Я видѣлъ себя въ бѣломъ бурнусѣ, сидящимъ подъ финиковой пальмой среди безграничной пустыни. Въ моей руки былъ поводъ отъ стоявшаго по близости верблюда. Я смотрѣлъ на верблюда, на пустыню... Былъ полдень: солнце ослѣпительно сверкало и серебрило пески. И вокругъ тиши-

на, спокойствіе. У меня не было никакого чувства связи съ прошлымъ. Затѣмъ, все исчезало. Я мчался черезъ громадныя пространства и, вздрагивая, находилъ себя на кровати. И это не было сномъ. Потомъ не разъ я видѣлъ себя римскимъ легіонеромъ, въ полномъ вооруженіи. На мнѣ былъ панцирь, шлемъ, поножи; въ рукахъ я несъ тяжелое древко съ орлами.

И многочего другого мерещилось мнѣ въ эти минуты. Щѣлые часы уходили на эти забытья и вздрагиванія. Мнѣ казалось, что каждая клѣточка моего организма вспоминала и переживала снова то, чѣмъ она была раньше у отдаленныхъ предковъ.

ГЛАВА XVI.

Въ самомъ началѣ нашего пребыванія въ Мюнденѣ, еще въ ноябрѣ 1914 года, опрашивая плѣнныхъ, нѣмцы записывали на отдѣльные листки всѣхъ, родившихся на Украинѣ. На вопросъ одного изъ настѣ, почему они это такъ дѣлаютъ, переводчикъ отвѣтилъ: «потому что я люблю хохловъ». Мы не понимали цѣли этого раздѣленія и перестали имѣть интересоваться, а потомъ забыли. Вспомнили мы обѣ этомъ лишь много позже, въ концѣ 16-го года.

Въ одинъ изъ ясныхъ зимнихъ дней, когда свѣже-выпавшій снѣгъ оживлялъ даже постылые стѣны нашего лагеря, я увидѣлъ большую толпу въ коридорѣ, быстро паправлявшуюся внизъ. Впереди бѣжалъ высокій блѣдный прaporщикъ съ длиннымъ носомъ; рядомъ съ нимъ, оглядываясь во всѣ стороны, слѣдовалъ смуглый горбоносый поручикъ. За ними съ криками, улюлюканіемъ, свистками двигалась толпа плѣнныхъ.

— Что такое? спросилъ шедшій со мной Высотскій.

— А это нѣмцы самостійниковъ привезли сюда, отвѣтилъ подошедшій къ намъ капитанъ Фряловъ. Сегодня утромъ нѣмцы помѣстили въ нашу комнату двухъ этихъ офицеровъ, только что откуда-то прибывшихъ. Заговорили мы съ ними — а эти по русски то-ли не хотѣли, то-ли не умѣли, заговорили, словомъ, по украински. Спросили откуда? — Изъ Киева. Стা-

ли разспрашивать — Киева не знаютъ; гдѣ служили? — въ русскихъ войскахъ, говорять; запутались только, въ какомъ полку. Затѣмъ списокъ украинцевъ достали, какимъ-то онъ чудомъ у нихъ оказался. Обошли они ихъ и въ нашу комнату на раду пригласили. Тѣ явились, обрадовались: думали, не хотятъ ли уже плѣнныхъ въ Россію отправлять, по случаю долгаго пребыванія за-границей. А эти двое, вмѣсто отправки въ Россію, о вольной Украинѣ заговорили, подъ скипетромъ Австріи, значитъ. Тутъ на нихъ насѣли. Они и признались, что они вовсе не русскіе, а австрійцы. Публика загалдѣла и предложила имъ изъ окна во дворъ спрыгнуть; австріяки на полный ходъ теку и дали.

Когда эта попытка украинской пропаганды въ нашемъ лагерь провалилась, и австріяки - самостійники укрылись подъ защиту комендатуры, нѣмцы перемѣнили образъ дѣйствія.

Плѣнныхъ, родившихся на Украинѣ, не спрашивая ихъ желанія, стали увозить. На сборы давали часа два-три, сажали въ поѣздъ и отправляли куда-то подъ Берлинъ, гдѣ находились мусульманскіе, индусскіе, ирландскіе, украинскіе и, Богъ знаетъ, еще какие лагеря.

Такъ скоропалительно исчезли изъ нашего лагеря двое офицеровъ — Крамаренко и Ждановъ. Ждановъ былъ великороссъ чистѣйшей воды, москвичъ по происхожденію. Но при опросѣ онъ когда-то показалъ, что родился въ Черниговѣ. Сдѣлать-же это онъ изъ одного любопытства посмотрѣть, что будутъ дѣлать нѣмцы съ украинцами. Но нѣмцы долго ничего не дѣлали, и Ждановъ совсѣмъ забыть о родномъ Черниговѣ. Вспомнилъ онъ о немъ лишь подъ Берлиномъ, въ украинскомъ лагерь.

Ни Крамаренко, ни Жданова самостоятельная Украина не соблазнила, и недѣли черезъ двѣ ихъ привезли обратно къ намъ.

— Лагерь отвратительный, разсказывалъ Крамаренко, простые бараки изъ досокъ; всюду щели, дуетъ, холодно, снѣгъ залетаетъ; кормежка, какъ въ Мюнденѣ, если не хуже, И вотъ, съ 8 часовъ до полудня мы должны были присутство-

вать въ залѣ; тамъ намъ читали исторію Украины и о томъ, какъ она страдала подъ гнетомъ Россіи. Затѣмъ, съ двухъ до шести мы снова собирались въ той-же залѣ; приходили какіе-то агитаторы и убѣждали настъ, что Россія будетъ разбита, и, въ интересахъ самихъ украинцевъ, лучше отдѣлиться отъ Москвы. Возражать запрещалось; у кафедры стояли нѣмцы - часовые; это послѣ того, какъ одинъ агитаторъ былъ жестоко избитъ своими слушателями. Сочувствовавшихъ отданію Украины просили записываться въ канцеляріи. Изъ такихъ лицъ хотѣли устроить особые полки. Но только среди насъ эта агитация успѣха не имѣла. А среди солдатъ — еще меньшее. Мнѣ одинъ изъ Житомира говорилъ: «мабуть нѣмцы царя въ головѣ не мають. Твердять объ Украинѣ каждый день, а ёсть украинцамъ, какъ и карапамъ, не даютъ. Это у нѣмца народу мало стало, такъ чужими руками воевать хочеть. Побѣди нѣмецъ, такъ онъ и гараповъ и украинцевъ вытравить; всюду своихъ колонистовъ посадить».

Голодъ, такъ сильно мучившій настъ въ началѣ осенія, зимой сталъ стихать. Вместо голода, появилась слабость. Спуститься внизъ, подняться стало уже тяжело. Утомляло и раскладываніе пасьянса, тянуло болыше лежать. Всѣ двигались, какъ разслабленные, говорили тихо. Особенно похудѣлъ Сабанѣевъ; онъ сильно осунулся, и цвѣть его лица походилъ на сѣрую оберточную бумагу. Онъ уже не занимался, а только машинально перелистывалъ грамматику. Замолкъ и неунывающій Перель. Въ комнатѣ не стало слышно смѣха, споровъ, разговоровъ. Во всемъ лагерѣ стало тише; лекціи и занятія потеряли интересъ. Начиная съ сентября мѣсяца, письма и посылки стали приходить неправильно, въ очень маломъ количествѣ.

Если раньше русскихъ посылокъ приходило ежедневно 15-20, то теперь ихъ получалось всего 2-3; такъ же было и съ письмами. Въ это же самое время наши союзники получали по 60 - 80 посылокъ, хотя ихъ было въ 4 раза меньше, чѣмъ настъ.

Англичане даже сдѣлали небольшой запасъ изъ консер-

вовь, обуви, платья. Какъ только являлся съ фронта ихъ соотечественникъ, онъ былъ напоенъ, накормленъ, одѣть и обуть.

Къ казенному обѣду они не притрагивались; обѣдали они своей компаніей за столомъ, покрытымъ бѣлой скатертью. Ихъ деньгищики приносили имъ настоящіе супы, жаркія, овощи, пуддинги.

Утромъ, спускаясь въ садъ, я часто встрѣчалъ англійскаго солдата, который носилъ завтракъ одному изъ своихъ офицеровъ. На подносѣ у него стояли кофейникъ и чашка; рядомъ съ ними тарелка, а на ней большой кусокъ хорошоаго, поджаренного мяса съ картофелемъ. И тутъ же — хлѣбъ, сахаръ.

У насъ же, кромѣ казеннаго пайка, ничего не было. Изрѣдка только Григорій приносилъ изъ кантинъ нѣсколько пакетиковъ подгнившихъ яблокъ или луку. Это сейчасть же расхватывалось и сѣдалось въ одинъ моментъ. Лукъ мы ѓли такъ же, какъ и яблоки: у кого былъ хлѣбъ — съ хлѣбомъ, а то и просто съ одной солью.

Однажды вечеромъ, лежа на кровати, я смотрѣлъ, какъ Высотскій поднималъ поочередно ноги и совалъ ладонь за голенища. Потомъ, словно укушенній, онъ вскочилъ и исчезъ. Пропадалъ онъ минутъ пять; вернулся съ клочкомъ бумаги въ рукахъ. Увидѣвъ, что я не сплю, онъ подошелъ къ моей кровати.

— Ты знаешь, — сказалъ онъ: — я за этотъ мѣсяцъ похудѣлъ на 12 кило.

Съ этими словами онъ протянулъ мнѣ бумажку.

— Видишь, вотъ старая запись: 60 кило — мѣсяцъ назадъ. И сегодня — 48 кило. Эти самые сапоги были когда то узки мнѣ въ голенищахъ, пальца не могъ просунуть, а нынче, смотрю — цѣлая ладонь свободно влезить.

Романову удалось какъ то получить посылку. Онъ наптель въ ней письмо. Жена писала ему:

«Мы живемъ по-прежнему. Театры, кино, рестораны — переполнены. Арцыбашевъ написалъ новую пьесу «Ревность». Со-

держаніе — мужъ не то на войнѣ, не то въ плѣну, а жена ему измѣняетъ. Сама не читала, но ныеса производить много шума».

Кончивъ, Романовъ сложилъ письмо и положилъ его въ шкатулку къ остальнымъ. Всѣ молчали.

Случай съ Высотскимъ заставилъ меня задуматься. До сихъ поръ я никуда не обращался за помощью. И матери я не писалъ, боясь потревожить ее. Лицамъ, которыхъ сами шли мнѣ навстрѣчу съ помощью, я отвѣчалъ благодарностью и отказомъ. Дѣлалось это не изъ упрямства, не изъ самолюбія, а оттого, что, какъ мнѣ казалось, отдѣльная помощь отдѣльнымъ лицамъ мало что значила. Россія должна была притти на помощь всѣмъ своимъ плѣннымъ, умиравшимъ съ голода. И, именно, этой помощи мы всѣ и ожидали, а ея все не было. И, рѣшивъ, наконецъ, что надѣяться не на кого и не на чѣо, и что каждый самъ долженъ спасать себя, какъ только можетъ, я сѣлъ за столъ и принялъся писать. Я написалъ всюду, куда было только возможно — матери, знакомымъ, въ управлениѣ, гдѣ я служилъ до войны, въ полкѣ. Я просилъ всѣхъ высыпать мнѣ продукты или непосредственно изъ Россіи, или же черезъ комитеты, находившіеся въ Англіи, Голландіи, Даніи и Швеціи.

Но результаты не могли получиться раньше нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а до этихъ поръ, Богъ знаетъ, что могло случиться. Выручилъ, къ счастью, Коненгагенскій комитетъ. Я услышалъ о немъ случайно, отъ кого то изъ плѣнныхъ, и обратился туда съ письмомъ; изложивъ свое положеніе, я просилъ выслать мнѣ продукты въ кредитъ. Сдѣлано это было безъ особой надежды на успѣхъ, и тѣмъ большая была, поэтому, радость, когда я получилъ оттуда благопріятный отвѣтъ.

Мнѣ сообщали, что Комитетъ можетъ оказать кредитъ до 50 кронъ, и спрашивали, въ чемъ я особенно нуждаюсь. Въ концѣ письма секретарь Комитета прибавлялъ, что Императрица Александра Феодоровна снабжаетъ ихъ средствами для помощи русскимъ военноплѣннымъ, и они удивляются, что тѣ не обращаются къ нимъ.

Это было удивительно на самомъ дѣлѣ. Но дѣло объяснилось очень просто: всѣ письма этого Комитета комендатура задерживала у себя, и о немъ узнавали совершенно случайно. Нашъ комендантъ оправдывалъ себя тѣмъ, что онъ не хотѣлъ задавать комитету много работы и затѣмъ, что комендатура не знала, кто изъ плѣнныхъ могъ вернуть деньги, а кто нѣтъ.

Такъ нѣмцы оберегали русскую честь и русскія деньги.

Я, конечно, немедленно написалъ въ Комитетъ, что нуждаюсь исключительно въ сѣбѣстномъ. И, отославъ письмо, сталъ ждать.

Приближалось Рождество. Я началъ понемногу говорить. Трудно было шевелить языкомъ, но все-таки не было усталости, какъ прежде.

— Наконецъ то, — сказалъ Высотскій, — заговорилъ, а то, вѣдь, мы всѣ хотѣли бѣжать отъ тебя. Лицо страшное. глаза провалившіеся, и ни слова. Что съ тобой было?

Но объяснить ему я ничего не могъ.

— Пойдемъ въ театръ, — сказалъ мнѣ Высотскій на Рождество: — надо развлечься. Тамъ сегодня даютъ оперетку капитана Глаголева.

Объ этой опереткѣ говорили уже давно. Рядомъ съ нашимъ лагеремъ находился домикъ, гдѣ жила старая вдова со своей дочерью. Дочь весь лагерь звалъ уменьшительнымъ именемъ — Катюша, Катя. Катя представляла собой длинную, тощую макаронину, уже не первой молодости. Она была вертлява, какъ выонъ, и, когда бѣгала по двору со своей собачкой, было похоже на то, что вѣтеръ раздуваетъ на вѣшалкѣ платье. Но для плѣнныхъ Катя была единственной женщиной, которую можно было постоянно видѣть на такомъ близкемъ разстояніи. Всѣ ее знали въ лагерѣ и говорили о ней. Улыбки ея ловились; цѣлыми часами подстерегали ея появленіе.

Объ этой слабости плѣнныхъ знала сама Катюша, знали караульные, знать комендантъ. И капитанъ Глаголевъ сдѣлалъ ее героиней своего произведенія.

Высотскій взялъ билеты — спектакль былъ платный,

чтобы покрыть расходы на парикмахера, костюмера и освѣщеніе. Ставили оперетку въ черепахѣ; кромѣ плѣнныхъ присутствовалъ комендантъ, его знакомые изъ города, нѣмецкіе офицеры; было также и много караульныхъ.

Піанино, за которымъ сидѣлъ самъ авторъ, замѣняло оркестръ.

Когда всѣ разсѣлись по мѣстамъ, авторъ сыгралъ интродукцію. Оперетка начиналась прологомъ, какъ въ «Паяцахъ». Арлекинъ торжественно обѣщаетъ показать жизнь плѣнныхъ, съ ея мрачнымъ началомъ и неизвѣстнымъ концомъ.

Первое дѣйствіе происходитъ въ уголкѣ лагеря, около домика Кати. Между проволокой ходить нѣмецкій часовой; минута молчанія. Потомъ въ домикѣ открывается окно и показывается плотная, румяная, златокудрая Катя, въ міру — прапорщикъ Архаровъ. Часовой куда то скрывается. Голосомъ, похожимъ на контрь - альто, Катя, онъ же Архаровъ, поетъ на мотивъ изъ «Гейши»:

« Какъ ужасно

И какъ страшно —

Милый Фрицъ не Ѣдеть къ намъ... »

Фрицъ — Катинъ женихъ; онъ уѣхалъ на войну и давно уже пересталъ писать. Катя беспокоится и ревнуетъ.

« Англичанки и турчанки... »

Мудрено - ли тутъ забыть !... »

Изливши душу, Катя закрываетъ окно и исчезаетъ.

Во дворѣ показывается русскій офицеръ. Видъ у него пришибленный, черезъ плечо виситъ гитара. Выйдя на спену, онъ поетъ речитативомъ:

« Какъ скучно,

Тяжело и грустно

Жить въ плѣну монахомъ,

Безъ утѣхъ любви... »

И, показывая на Катино окно, онъ добавляетъ:

« Вотъ домикъ —

Тутъ живеть красотка,

И ее Катушей въ лагерь зовутъ... »

Снимаетъ гитару:

« Спою-ка дѣвѣ серенаду,
Можеть быть, сердечко
Трону я ея... »

И, взявъ нѣсколько аккордовъ, поетъ, глядя на окно :

« Дитя, не тянися весною за розой... »

Дѣва пѣніе услышала: окно открывается, показывается Катя. Она объясняетъ своему обожателю положеніе вещей :

« У меня есть папа,
У меня есть мама,
Только хлѣба нѣть у насъ,
Голодаемъ мы сейчасъ.
Коль не врешь, что любишь,
За рѣшеткой будешь
И гостинчикъ принесешь... »

И говоритъ дальше:

« Я люблю ветчинку,
Пирожокъ съ начинкой,
Русскій сладкій леденецъ,
Сыръ швейцарскій, наконецъ... »

Раздается труба на аппель. Офицеръ торопится и, убѣгая, поетъ:

« Я пойду подкопъ копать,
Чтобъ скорѣй къ тебѣ попасть... »

Потомъ появляется англичанинъ, послѣ него — французъ. Катя каждого обнадеживаетъ и у каждого просить «гостинчикъ».

Второе дѣйствіе происходитъ въ Катиной комнатѣ. Стоитъ огромная кровать, съ перинами подъ самый потолокъ. Одинъ за другимъ являются обожатели съ приношеніями. Катя пробуетъ московскую копченую колбасу, надѣваетъ колье отъ англичанина, восторгается ліонскимъ шелкомъ. Соперники сперва пѣтухами наскакиваютъ другъ на друга, но Катя ихъ мирить, и они, взявшись за руки, танцуютъ вокругъ нея:

« Катя — ты нашъ кумиръ,
Катя изъ-за тебя забыть весь міръ... »

Катя мякнетъ и разсказываетъ, какъ ей пришлось увидѣть въ первый разъ плѣнныхъ:

« Въ одну пору
Я къ забору
Тихимъ шагомъ подошла,
О судьбѣ своей вздыхая,
Разныхъ страховъ ожидая . . . »

Но оказалось, что :

« Англичане — сѣверяне,
Джентльмэны на подборъ.
Много разныхъ тамъ племенъ
Русь имѣеть у знаменъ.
На французовъ заглядѣлась,
Отъ штановъ ихъ закраснѣлась . . . »

И въ заключеніе соглашается, что плѣнныe :

« Терпять холодъ,
Терпять голодъ.
Да, плѣнъ ужасная бѣда,
Gut zu schlafen, господа . . . »

Эта пьеска доставила всѣмъ большое удовольствіе. Смѣялись плѣнныe, забывъ свой голодъ, смѣялись нѣмцы. Какъ солнечный лучъ, прорѣзаль этотъ смѣхъ нашу безрадостную, подневольную жизнь. И я отдохнулъ за эти два часа отъ своихъ мыслей, отъ смятенія своей души, отъ самого себя.

Вскорѣ послѣ моего отѣзда въ госпиталь, нѣмцы отобрали среди русскихъ 100 человѣкъ и перевезли ихъ въ другой лагерь. Что онъ изъ себя представлялъ, никто не зналъ. Среди уѣхавшихъ находились Саламаша и Максъ съ Василичемъ. Они сами захотѣли покинуть Мюнденъ. Всѣхъ трехъ соблазнили новыя мѣста и другія условія жизни. Кромѣ того, эта отправка разлучила сотрудниковъ нашего журнала, что и послужило причиной его безболѣзненной и мирной кончины.

Отъ уѣхавшихъ у насъ въ лагерь никакихъ извѣстій не получалось. Письма и посылки, приходившія на ихъ имя, отправлялись въ лагерь Штроерморъ, гдѣ то на сѣверѣ Германіи.

Въ концѣ декабря Штроерморскій лагерь былъ расформированъ. Всѣхъ жившихъ въ немъ плѣнныхъ разослали по другимъ мѣстамъ. Къ намъ было прислано 250 человѣкъ. Съ этой партіей вернулось много мюнденцевъ, въ томъ числѣ Саламатинъ, Максъ, Василичъ. Недоставало лишь редакціи журнала, которая была переведена въ лагерь Гютерслу.

Рассказамъ не было конца.

— Понимаешь, Валеріанычъ, — говорилъ мнѣ Максъ, — посадили это нась честь-честью во второмъ классѣ и повезли. На утро прїѣхали мы на самую такую плугавую станцію. Только рельсы да начальникъ станціи. Выгрузили нась, «zu vier Mann» построили, конвоемъ окружили, такъ что воробью не пролетѣть, и пошли мы. Смотримъ — мѣстность ровная, какъ тарелка, вокругъ болота и трава ржавая. Привели къ лагерю; стоять четыре длинныхъ, старыхъ барака, вокругъ нихъ проволока — вотъ тебѣ и все. Вѣли нась во дворъ, построили передъ комендатурой. Вышелъ комендантъ и заявилъ: «Прошу прощенія, но я долженъ вамъ объявить плохія новости». У меня сердце такъ и екинуло. Потомъ комендантъ взялъ бумагу и давай читать, а переводчикъ — переводить. Дѣло то оказалось въ слѣдующемъ. Русское правительство для постройки Мурманской желѣзной дороги использовало, въ качествѣ рабочихъ, нѣмецкихъ плѣнныхъ. За плохое обращеніе съ ними германское правительство, въ свою очередь, рѣшило взять тысячу русскихъ плѣнныхъ, посадить ихъ въ Штроерморскій лагерь и подвергнуть репрессіямъ.

Съ первой же минуты репрессіи и начались: изъ вѣшней разрѣшили взять только смѣну бѣлля, мыло и полотенце, а все остальное сложили въ цейхгаузъ и заперли. Затѣмъ въ баракъ повели. Доски дюймовыя, вездѣ щели съ палецъ — не баракъ, а рѣшето. Полъ земляной; по стѣнамъ нары идутъ въ два этажа. На нихъ туфяки лежать, изъ дерюги, внутри — трава набита... Вырывали, должно быть, всякую сорную траву съ корнями, да такъ съ землей, не отряхнувши, въ мѣшки и совали. Затѣмъ разложили ихъ по нарамъ — вотъ вамъ и постели.

Провели мы этот день кое какъ. Скамеекъ нѣть, стульевъ нѣть — сѣсть некуда. Даже ножа перочинного, и того не было — засунулъ его въ чемоданъ. Подошелъ вечеръ. Надо спать ложиться; стали выбирать съ Василичемъ мѣсто. Нары жидкія оказались — чуть тронешь, такъ ходуномъ и ходятъ. Легли мы сначала наверху — свободнѣе, дышется легче. Но неудобства большія: влѣзать и слѣзать — только сосѣдей тревожишь. На другую ночь легли внизу: тоже неладно — тревожатъ тѣ, кто наверхъ лѣзутъ. Ну, это пустякъ, въ концѣ то концовъ, мириться съ тѣмъ, что на ногу наступятъ, еще можно. А главная бѣда — верхнія нары со щелями были; чуть кто тамъ заворачается — пыль, песокъ, трава прямо въ глаза летятъ.

Раздѣваться, конечно, нельзя — простынь нѣту. Снимешь сапоги, положишь ихъ подъ изголовье, шинелью накроешься и ворочаешься съ боку на бокъ: трава грубая, съ пальцемъ толщиной; то въ бокъ упрется, то въ спину, то въ животъ. Наутро кто то сталъ траву перебирать, а у него изъ туфяка ящерица выбѣжала. Мы за ней цѣльнымъ баракомъ бросились.

И прачекъ — никакихъ. Былъ во дворѣ насосъ. Подъ нимъ и мыли бѣлье. Да и мыть долго нельзя было; всего на часъ выпускали днемъ на прогулку, — хочешь гуляй, хочешь бѣлье мой. Скверно было, Валеріанычъ!.. — закончилъ Макъ свое описание.

Впечатлѣнія Саламаши были еще болѣе грустныя.

— Самъ напросился, — каялся онъ: — никто меня туда не гналъ; уговаривали неѣхать, не послушалъ. Думалъ, хуже Мюндена нѣть. А какъ увидѣлъ Штроерморъ, такъ Мюнденъ раемъ показался. Мѣстность безрадостная, какъ берега Стиксса, но тамъ хоть Харонъ былъ, а тутъ только болота, да ржавая трава.

Думалъ я сначала, что еще хуже Мюнденской голодовки можетъ быть, а потомъ узналъ, что есть вещи, которыхъ голоду не уступятъ.

Въ каждый баракъ нѣмцы по 250 человѣкъ напихали, т.-е.,

сколько всего мѣшковъ на нарахъ помѣщалось. И кого только не было!.. Начиная отъ титулованныхъ и кончая проходимца-ми и ворами. Недалеко отъ меня спалъ одинъ офицеръ изъ запаса, прогнаный когда то изъ полка за нечистыя дѣла. Хулиганъ и воръ. Ночью сосѣдей своихъ обворовывалъ — все таскалъ: деньги, носовые платки, часы, сѣйстное, у кого оно было. И, кромѣ того, шага не могъ безъ ругательства сдѣлать. Съ самаго утра до поздней ночи. Если же замѣтить, бывало, что кто нибудь его ругани не выносить, такъ нарочно поближе къ такому подойдетъ и начнетъ особенно пакостно ругаться. Положительно, всѣмъ онъ жизнь отравлялъ.

Гвардія, кавалерія, титулы держались отъ остальныхъ по-дальше. Чуть не у каждого изъ нихъ имѣлось по нѣсколько мѣшковъ съ провизіей. Ну, а у остальныхъ то почти-что ничего. Первое время нась кормили очень хорошо. Комендантъ нашъ получилъ приказаніе держать нась на нѣмецкомъ сол-датскомъ пайкѣ. Для нась и для караульныхъ варили вмѣстѣ. Хорошо было! Лапша съ мясомъ, макароны, копченые селедки, и всего этого вволю. Но это продолжалось нѣсколько дней. По-томъ для нась стали варить отдельно, — и мы сталиѣть еще хуже, чѣмъ въ Мюнденѣ. Сначала даже посылокъ не хотѣли вы-давать, потомъ дѣло какъ то уладилось. Комендантъ, кажется, на свою отвѣтственность приказалъ выдавать. Написали мы всюду, во всѣ комитеты, что тысяча русскихъ въ штрафномъ лагерѣ находится. Немного, но кое что перепадало отъ нихъ — то молока пришлють, то галетъ. Чтобы распредѣлять про-дукты между плѣнными и для сношеній съ комендатурой, каж-дый баракъ имѣлъ своихъ выборныхъ представителей. У нась однимъ изъ такихъ представителей былъ прaporщикъ Германъ. Человѣкъ энергичный, уже не мальчишка, партійный, въ ссыл-кѣ былъ когда то, братъ — видные общественные дѣятели, словомъ, я былъ очень доволенъ его избраніемъ. Облекли мы его нашимъ полнымъ довѣріемъ, и сталъ Германъ хранить и дѣлить молоко, галеты, колбасу, что намъ присылали. А по-томъ оказалось, что онъ продавалъ и молоко, и колбасу, и на эти деньги игралъ.

Саламатинъ помолчалъ.

— Я не могу такъ ужъ очень обвинять Германа. Была такая обстановка, что человѣку трудно было не пzmѣниться. Насъ всего на одинъ часъ выпускали на воздухъ. А остальное время мы всѣ толклись въ баракѣ. Уборныхъ не было и, вмѣсто нихъ, даже днемъ въ баракѣ стояли параши. Пищу принимали мы тутъ же: принесутъ бакъ съ супомъ, всѣ подводятъ съ мисками по очереди, а такъ какъ сидѣть было негдѣ, то Ѣли стоя, или на нары забирались. Запахъ супа, вонь отъ парашъ — никогда этого не забуду. Вечера были болѣшіе, а на весь баракъ зажигали только четыре маленькия керосиновые лампы. Подъ ними болѣше игроки въ карты дулись. Ходить, какъ неприкаянный, и самъ не знаешь, что съ собой дѣлать. Понимаете, за эти четыре мѣсяца я въ рукахъ книги не имѣлъ, газеты не видѣлъ. Въ одной и той же комнатѣ воръ сидитъ и ругается, а недалеко отъ него аристократія съ гвардіей разсуждаютъ о своихъ «полчахъ», о формахъ, о петлицахъ, о поркѣ, о дисциплинѣ. Въ другомъ углу Германъ рѣчь держить; ему кричатъ: «Германъ, отдай нашу колбасу!».

Шумъ, гамъ, холодъ. Было всего три небольшихъ желѣзныхъ печки; накалять ихъ до-красна, вблизи стоять нельзя, такъ печеть, дальше отойдешь — холодно. И переписку съ Россіей запретили, только въ самомъ началѣ разрѣшили написать роднымъ одну строку — «я нахожусь въ штрафномъ лагерѣ Штреерморѣ», но многіе и этимъ не воспользовались. И вотъ совершенно не знаю, какъ и почему у меня вспыхнуло желаніе убить этого скверносолова - вора. И именно убить и такъ еще, чтобы онъ зналъ, кто его убиваетъ. И стало меня съ той поры тянуть къ нему. Гдѣ онъ, тамъ и я. Сижу и глазъ съ него не спускаю. Знаю одно: когда ударю его — это будетъ самый блаженный моментъ въ жизни. И если бы его нѣмцы въ тюрьму не посадили за кражу перчатокъ у дежурного фельдфебеля, я не знаю, чѣмъ бы это кончилось. Но съ той поры я твердо знаю, что заставлять человѣка бездѣльничать такое же преступленіе, какъ лишать его воздуха, пищи, питья.

Ко всему этому прибавьте физическая переживанія. Ля-

жешь спать — справа и слѣва тѣла сосѣдей чувствуешь. А одинъ изъ нихъ еще въ лицо дышеть. Повернешься въ другую сторону — другой начинаетъ дышать. За эти четыре мѣсяца я ни разу не раздѣвался. У многихъ чиры пошли по тѣлу. Докторъ въ околоткѣ только и занимался тѣмъ, что нарывы вскрывалъ. И, вдобавокъ, ни горячаго душа, ни горячей ванны нельзя было получить. Кто желалъ, тотъ могъ мыться холодной водой. Мылись, пока холодно не стало. Еще хорошо, что коменданть то нашъ хорошимъ человѣкомъ оказался. Если бы не онъ, во много разъ было бы хуже. Онъ, все-таки, входилъ въ наше положеніе и не держался буквы приказовъ.

Саламатинъ даже поблѣдѣлъ, вспоминая картины недавняго прошлаго, и снова быстро продолжалъ, словно боясь, что его прервутъ.

— Ходилъ цѣлыми часами по бараку и думалъ: а что если русское правительство, въ отвѣтъ на Штроermоръ, какойнибудь штрафной лагерь для нѣмцевъ устроитъ. Тѣ тогда, въ свою очередь, для насъ еще чтонибудь похуже этого придумаютъ. Боялся я этого. И такъ уже чувствовалъ, что огрубѣлъ и оскотинѣлъ, а, продолжайся такъ дальше, всякое человѣческое подобіе потерялъ бы...

Изъ вновь прибывшихъ въ нашей комнатѣ помѣстили четверыхъ.

— Вы не можете себѣ представить, — сказалъ одинъ изъ нихъ: — какое удовольствіе спать на кровати и не чувствовать своихъ сосѣдей.

Наші новые сожители оказались тихими и порядочными людьми. Въ отношеніи продовольствія они все были обеспечены лучше насъ. Вскорѣ послѣ прибытія одинъ изъ нихъ получилъ большой ящикъ съ продуктами изъ Англіи. Его содержимое едва помѣстилось на столѣ. Тутъ былъ кусокъ сала фунтовъ съ 15, нѣсколько кило сибирскаго масла, четыре большихъ жестянки съ печеньями, консервированный кофѣ, сахаръ, шоколадъ. Когда все это развертывалось и рассматривалось — еще можно было терпѣть. Но, когда владѣлецъ взялъ бисквитъ и, намазавъ его масломъ, сталъ їсть, я поднялся и ушелъ. Мнѣ

казалось, что въ моихъ глазахъ прочтуть голодъ, жадность, просьбу. Вернулся я черезъ полчаса; все было уже сложено и спрятано. Но глаза невольно искали, гдѣ находится провизія. Сало, завернутое въ бумагу, лежало за окномъ. Я сѣлъ на стулъ, поближе къ окну и сталъ смотрѣть, какъ будто во дворъ; на самомъ же дѣлѣ меня интересовалъ только пакетъ изъ сѣрої бумаги. На него падали снѣжинки, и вѣтеръ шевелилъ края бумаги. Потомъ прилетѣла птичка съ черной головкой и красной грудью. Она прыгнула на пакетъ и стала его долбить. Бумага развернулась, показалось сало. Птичка клевала, я смотрѣлъ и завидовалъ ей.

Утромъ одни изъ вновь прибывшихъ пили кофѣ, ёли печенье съ масломъ, другіе предпочитали шеколадъ, кому то изъ нихъ Григорій приносилъ омлетъ, сдѣланный на кухнѣ изъ яичнаго порошка. Закусывали они также въ полдень и вечеромъ. Во время ихъ ёды я или ложился на кровать, или созѣмъ уходилъ.

Однажды, когда я лежалъ и смотрѣлъ, какъ хозяинчишутъ штурмоморцы, ко мнѣ запелъ одинъ знакомый офицеръ, Еленкевичъ. Полный и веселый въ началѣ плѣна, онъ сталъ теперь худымъ, молчаливымъ человѣкомъ.

Еленкевичъ сѣлъ ко мнѣ на кровать.

Изъ стоявшей на столѣ миски шелъ паръ столбомъ. Бородатый поручикъ разливалъ супъ, другой дѣлилъ мясо. Полное блюдо макаронъ, приправленныхъ поджареннымъ саломъ, стояло тутъ же. Кто то пробовалъ шкварки, и было слышно, какъ они хрустѣли на зубахъ.

У Еленкевича показались на глазахъ слезы. Голоднымы, блестѣвшимъ взглядомъ онъ посмотрѣлъ на столъ и сказалъ:

— Однако, какъ у васъ ёдятъ.

Затѣмъ онъ дернулъ меня за рукавъ и прибавилъ:

— Выйдемъ на минуту, я хочу вамъ кое что сказать.

Мы вышли.

— Вы голодаете? — спросилъ онъ.

— Еще бы! — только могъ я сказать.

— Ну, вотъ. Я говорилъ сейчасъ съ однимъ англичани-

номъ, и мы условились такъ: я плачу ему известную сумму здѣсь марками. А онъ пишеть отцу, чтобы тотъ изъ Англіи выслалъ мнѣ продуктовъ. Не хотите ли принять участіе?

Конечно, я согласился. У меня какъ разъ было 100 марокъ.

— У меня столько же, — сказалъ Еленкевичъ: — значить, то, что выпишемъ, подѣлимъ пополамъ. А теперь пойдемъ искать этого англичанина.

Мы его нашли скоро. Онъ сидѣлъ въ креслѣ у окна и читалъ какую то книгу. По сравненію съ нимъ, свѣжимъ, цвѣтущимъ человѣкомъ, Еленкевичъ походилъ на сѣрую тѣнь, хотя оба были одинаковыхъ лѣтъ и взяты въ плѣнъ почти въ одно время.

Мы разговорились. Англичанинъ охотно согласился исполнить нашу просьбу.

— Я напишу своему отцу, но только скажите, что вамъ особенно нужно.

— Сахару, — сказалъ я.

— Жировъ, — добавилъ Еленкевичъ.

Подумавъ, мы присоединили еще рисъ и галеты.

— Сегодня же напишу, — сказалъ, прощаюсь, англичанинъ: — черезъ мѣсяцъ, я увѣренъ, вы уже получите посылку.

Мы поблагодарили и вышли.

— Только бы не подохнуть до полученія, — сказалъ Еленкевичъ, разставаясь со мной. У меня была такая же мысль относительно самого себя.

Дѣйствительно, начиная съ осени, уже человѣкъ десять умерло отъ туберкулеза. Еще больше — догорали въ госпиталяхъ. Заболѣваній было такъ много, что германское правительство устроило санаторію въ Шпротау только для однихъ легочныхъ. Но изымали изъ нашей среды лишь несомнѣмые и притомъ тяжелые случаи. А сколько бродило неопознанныхъ и затѣмъ просто боявшихся обратиться къ врачу, чтобы не услышать отъ него страшного приговора.

Въ глаза бросалась масса старчески - сгорбленныхъ фи-

туръ съ потухшими глазами, самые сильные изъ нась казались перенесшими тяжелую болѣзнь. Дѣло дошло до того, что мы сами научились распознавать, по вѣнчному виду, чахоточныхъ.

Мы дышали отчаяніемъ и молчали. Да и кому было говорить, кто могъ услышать наши жалобы изъ-за двойной кольчей ограды?

И съ ощущеніемъ могильного холода въ костяхъ, я кутался ночью въ одѣяло и стыль въ преддверіи вѣчнаго мрака.

Въ это же время къ Перелю стала часто заходить одинъ изъ вновь прибывшихъ офицеровъ. Это былъ брюнетъ съ темными, прямо смотрящими глазами и твердо сжатыми губами; лѣтъ ему было, на видъ, 25 - 26. Онъ подолгу о чёмъ то совѣщался съ Перелемъ; тотъ что то писалъ и написанное отдавалъ гостю. Офицеръ замѣтилъ, должно быть, что я его разглядываю. И, однажды, когда я дѣлалъ два дѣла заразъ, искалъ валета для дамы и вдыхалъ запахъ кофѣ штроермордевъ, онъ всталъ и неожиданно подошелъ ко мнѣ.

— Позвольте представиться, поручикъ Сѣровъ, — сказалъ онъ.

Мы познакомились.

— Я думаю, вамъ интересно будетъ прочесть этотъ документъ, — и, съ этими словами, онъ протянулъ мнѣ листикъ бумаги, смятый и исписанный крупнымъ, неуклюжимъ почеркомъ.

Я взялъ и прочелъ.

«Господамъ Русскимъ Офицерамъ.

Русскіе унтеръ - офицеры и фельдфебеля, собранные въ репрессивномъ лагерѣ, умоляютъ обратить вниманіе на ихъ положеніе. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ нѣмцы во всѣхъ лагеряхъ опросили, кто изъ унтеръ - офицеровъ и фельдфебелей хочетъ работать на аммуниціонныхъ фабрикахъ и заводахъ.

Всѣхъ, отказавшихся работать на этихъ фабрикахъ, нѣмцы сослали въ штрафной лагерь.

Раздѣлили нась тутъ на четыре роты, человѣкъ по триста.

Каждая рота помѣщается въ пустомъ баракѣ. Нѣть ничего, даже наръ; спимъ, укрывшись шинелями, если кто можетъ спать, ибо жизнь наша мученическая, и мы хотимъ, чтобы весь міръ узналь, какъ страдаютъ русскіе унтеръ - офицеры. А у нѣкоторыхъ по пріѣздѣ даже и шинели отобрали. И спать они на голомъ полу, въ однѣхъ гимнастеркахъ. Поднимаютъ насъ въ 6 часовъ утра; даютъ кружку кофѣ и кусочекъ хлѣба. Съ семи часовъ мы ужъ на плацу. Насъ выстраиваютъ и потомъ свисткомъ команду даютъ. И должны мы такъ — пять минутъ бѣгомъ, пять минутъ шагомъ; и такъ — до 12 часовъ, безъ отдыха. Многіе падаютъ. Ихъ такъ бываютъ прикладами, что приклады ломаются. Когда и это не помогаетъ, то берутъ пожарную кишку и изъ нея поливаютъ человѣка, не глядя на холодъ и снѣгъ; если и послѣ этого не поднимается, то кладутъ такого на рогожу и прочь уносятъ. Въ обѣдъ наливаютъ чашку супа и кусочекъ хлѣба даютъ. А съ двухъ часовъ снова гоняютъ до шести. Совсѣмъ насъ измучили холodomъ, голодомъ, побоями. И просимъ мы господъ русскихъ офицеровъ сообщить о насъ, куда слѣдуетъ, чтобы прекратили нѣмцы эти издѣвательства. Они все намъ грозятъ — не будете работать на нашихъ фабрикахъ — такъ, все-равно, нигдѣ не работать вамъ больше».

Потомъ слѣдовали подписи.

— Это еще не все, — сказалъ Сѣровъ, когда я отдалъ ему воззваніе: — по словамъ того, кто передалъ мнѣ это письмо, русскіе въ этомъ лагерѣ дошли до такого состоянія, что рѣшили объявить голодовку. Въ первый день нѣмцы не обратили на это вниманія, во второй — тоже; на третій, мало кто изъ нихъ имѣлъ силы подняться. Комендатура испугалась и особенно слабыхъ стала разсыпать по прежнимъ лагерямъ. Сѣровъ показывалъ это письмо многимъ; нѣкоторые даже переписали его себѣ на память.

Стремясь облегчить судьбу русскихъ унтеръ - офицеровъ, Сѣровъ совѣтовался съ Перелемъ, ходилъ къ нашему старшему — полковнику Ленчевскому. Была составлена бумага къ защитнику русскихъ интересовъ въ Германіи — ис-

панскому послу; пропустили ли ее нѣмцы и что вышло изъ хлопотъ Сѣрова — я не знаю. Но мнѣ вспоминается другой фактъ: въ одномъ изъ юльскихъ номеровъ 1916 года, въ «Берлинеръ Тагеблаттъ» былъ помѣщенъ протоколъ осмотра нѣмецкихъ военноплѣнныхъ въ Курганѣ, Томской губерніи, чинами сѣверо - американского посольства. Въ протоколѣ было сказано:

«... хлѣбъ черный, но хорошо выпеченный, въ совершенно достаточномъ количествѣ. Плѣнныe на лицу и на обращеніе не жалуются, имѣютъ крѣпкій, здоровый видъ».

Изъ минусовъ, подмѣченныхъ чинами посольства, было близкое сосѣдство съ жилыми помѣщеніями отхожаго мѣста.

«При опросѣ плѣнныe жаловались на отсутствіе книгъ и на то, что письма изъ Германіи шли очень долго...»

Новый годъ прошелъ незамѣтно. Мы сжились со своимъ положеніемъ, какъ рабы. Никто не интересовался, когда кончится война, чѣмъ кончится. Нашу прошлую жизнь покрывалъ толстый слой тоскливыхъ, безпросвѣтныхъ дней. Они падали, какъ осенне листья, и заглушали воспоминанія о прежней жизни.

Въ концѣ января прошелъ среди насъ слухъ, вскорѣ подтвержденный и самой комендатурой, обѣ отправкѣ 250 человѣкъ русскихъ военноплѣнныхъ изъ Мюндена въ лагерь Halle an der Saale. Чтобы не раскаиваться и не винить себя впослѣдствіи, я рѣшилъ предоставить все дѣло случаю: повезутъ — поѣду, нѣтъ — значитъ, такая судьба. У меня не было желаніяѣхать, но и не было желанія оставаться. Хотѣлось лучшаго; но ждало ли оно насъ въ Halle, или оно оставалось въ Мюнденѣ — никто не могъ сказать.

Въ первыхъ числахъ февраля Высотский пришелъ подъ вечеръ изъ столовой и сказалъ:

— Только что вывѣсили списокъ отѣзжающихъ. Изъ нашей комнатыѣдутъ Берестовъ, Успенскій, Перель, ты и я.

Когда я у зналъ обѣ этомъ, мнѣ стало грустно. Много было пережито здѣсь. Силы, здоровье, смѣхъ, веселье — все проглотилъ Мюнденъ. И воспоминаніе — какимъ я былъ

раньше, и сознаніе, что ужъ никогда не быть мнѣ такимъ, наполнило всю душу острой тоской.

Изъ старыхъ знакомыхъ въ Мюнденѣ оставались Арцышевичъ, Василичъ, Максъ, Саламаша. Жалко было покидать этотъ видъ на Везеръ, на гору, на мельницу. Тяжело было разставаться съ Григоріемъ; больше двухъ лѣтъ онъ вѣрой и правдой служилъ намъ и, какъ хорошая няня, ухаживалъ за мной во время моихъ недуговъ. На этихъ стѣнахъ остались невидимыя письмена горя, голода и отчаянія. Прочтетъ ли ихъ кто-нибудь и когда-нибудь?

За день до отѣзда я пошелъ въ околотокъ смазать горло. Ни доктора, ни санитара еще не было. Я сѣлъ на первый попавшійся стулъ. Со стѣны смотрѣлъ на меня Гинденбургъ; въ углу стоялъ шкафъ съ инструментами и лекарствами; на столѣ передъ окномъ лежала раскрытая тетрадь. День былъ солнечный, но морозный; отъ калорифера шла пріятная теплота. Недалеко отъ меня, также въ ожиданіи доктора, сидѣлъ капитанъ Волковъ. Онъ часто ходилъ въ околотокъ; докторъ подозрѣвалъ у него ракъ въ горлѣ. Высокий, грузный, бородатый капитанъ походилъ на раскольничьяго начетчика; лицо у него было желтое, нездоровое. Когда я пришелъ, онъ уже сидѣлъ, согнувъ широкую спину и уронивъ руки между колѣнями. Мы поздоровались. Во второй половинѣ комнаты, за тонкой перегородкой, раздались голоса. Говорили по-русски. Я прислушался. Это былъ голосъ Либермана.

— Дурачье, — говорилъ онъ, — не одни жиды, что не вѣрятъ въ Христа. Вамъ говорять — Христосъ былъ; а есть многіе, которые отрицаютъ это. Возьмите Евангелие — каждый евангелистъ по-своему говоритъ. Кому изъ нихъ вѣригъ? Кромѣ того, установлено, что евангелія въ первые вѣка христианства написаны, когда Христа уже не могло быть въ живыхъ.

— Кабы не было Христа, такъ не было бы ни церквей, ни поповъ. Не зря народъ строилъ. И не у насъ однихъ, у нѣмцевъ, смотри, побольше нашего соборовъ настроены, — отвѣтилъ чей то голосъ.

— Такъ это все для того, чтобы васъ, дураковъ, держать покрѣпче, — отвѣтилъ Либерманъ. — Все это поповскія выдумки, что Богъ есть, что святой Духъ на Марию сходилъ. Фабричныя дѣвки тоже рожаютъ, только не отъ Духа святого, а отъ парней. Русскіе, французскіе попы — всѣ изъ одного тѣста сляпаны, и всѣ даромъ жить хотятъ, на счетъ рабочаго народа.

— А ты самъ то рабочій, что-ли? — спросилъ другой голосъ, — что за нихъ такъ заступаешься; торговецъ, поди, скорѣе по обличью.

— Это безразлично, кто я, разъ человѣкъ говорить правду и желаетъ добра...

— Либерманъ, поди сюда, — сказалъ неожиданно капитанъ.

Голоса за перегородкой смолкли. Послышался шопотъ. Никто не выходилъ.

— Что жь ты трусишь? Не слышишь? — повторилъ капитанъ.

Показался Либерманъ; лицо у него стало бурымъ. Вставъ у двери, онъ опустилъ руки по швамъ и молчалъ.

— Ты о чёмъ съ ними тамъ говорилъ?

Либерманъ не шевелился.

— Позови тѣхъ.

Вышли собесѣдники Либермана — двое русскихъ солдатъ — деньгищиковъ. Одинъ былъ, видимо, изъ крестьянъ, другой — походилъ на фабричнаго.

— Что онъ вамъ говорилъ? — спросилъ ихъ капитанъ.

Солдаты замялись.

— Дмитрій, скажи, не лукавя, есть Богъ? — обратился онъ къ первому.

Дмитрій опустилъ глаза; онъ зашевелилъ губами, потомъ поднялъ голову и, точно выстрѣлилъ:

— Есть.

— Константинъ, — обратился капитанъ къ другому, — скажи ты: есть Богъ?

Константинъ глазъ не опустилъ.

— Мы неучены, Вашбродъ. Не могу знать. — Но въ его голосѣ была нескрываемая враждебность и холодное невѣріе.

Капитанъ махнулъ имъ рукой. Оба вышли.

Либерманъ продолжалъ стоять въ прежней позѣ.

Прошла минута молчанія.

— Либерманъ, — и въ голосѣ Волкова зазвенѣлъ мѣталль, — ты хочешь отнять у людей Бога. Берегись!.. Ты самъ себѣ роешь яму. Такой, какъ Димитрій, врядъ ли бросится на человѣка — у него есть совѣсть. А Константина можетъ кинуться на тебя же первого и убить тебя и твоихъ. Кто удержитъ человѣка, если у него внутри не будетъ Бога, не будетъ совѣсти?..

Возвращаясь изъ околотка, я замѣтилъ въ темномъ углу у кантинѣ кучку людей. Они были заняты разговорами и не видѣли моего приближенія.

— Онъ спрашиваетъ меня: есть Богъ? — долетѣло до моихъ ушей, — а я ему — не могу знать, Вашбродъ.

— А онъ, что жъ? — Да онъ ничего — пошелъ вонъ, говоритъ.

— А Либерману что сдѣлалъ?

— Тѣмъ хуже, говорить, для тебя и для твоихъ, начнутъ бить, такъ съ васъ начнутъ...

— Го - го - го . . . — загрохотала компанія.

Наступилъ день отѣзда. Мы сложили наши вещи и отдали ихъ въ комендатуру для отправки на вокзалъ. Передъ дорогой Арцышевичъ накормилъ насъ съ Высотскимъ супомъ съ мясомъ, пожертвовавъ на это единственную банку консервовъ, а на дорогу далъ большую ржаную галету. Крѣпко пожали мы другъ другу руки. Простился я съ Саламашей, съ нашей комнатой. Много было молчаливыхъ пожеланій, но мало словъ.

Затѣмъ насъ направили къ выходу и выстроили во дво-рѣ передъ караульнымъ помѣщеніемъ. Провѣрили по фамиліямъ, пересчитали; вышелъ многочисленный конвой и окружилъ насъ. Поднявъ кверху винтовки, немцы съ трескомъ зарядили ихъ. Всѣ эти мелочи взяли много времени, и я на-

чаль мерзнуть. День былъ пасмурный. Вѣтеръ крутилъ снѣгъ и пробирался за шинель. У Высотского покраснѣлъ носъ и выступили слезы; я перебиралъ ногами и съ нетерпѣніемъ ждалъ конца церемоніи. Остающіеся высовывались въ окна верхнихъ этажей и переговаривались съ нами. Раздалась громкая, разрубленная на отдѣльные слоги, команда; часовые открыли вѣшнія ворота. Сѣрой змѣй поползла на улицу наша колонна. Я оглянулся на окна и махнулъ Арцишевичу рукой. Еще нѣсколько шаговъ — и ворота были пройдены. Лагерь остался позади. Съ Мюнденомъ было кончено.

П а р и ж ь

1927